

Том 10, № 2, 2020

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 10, No. 2, 2020

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – М.А. Эскиндаров, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – А.Б. Шатилов, кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – А.Г. Тюриков, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии, истории и философии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – Я.А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии, истории и философии по учебно-методической работе Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.В. Расторгуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента политологии и массовых коммуникаций по учебно-методической работе Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Департамента социологии, истории и философии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорokin, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, КНР

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department of history and historical archive science of Moscow State Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational Society "The Guardian";
A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999) convocations;
A.I. Il'inskij, Doctor of Engineering, Professor, Dean of the International Financial Faculty, Financial University;
F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the magazine "Russia in Global Affairs";
V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of Sevastopol State University;
I.Y. Novitsky, Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of "State and Municipal Management" Chair, International University in Moscow;
R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator of the Economic Theory Department of the Financial University;
A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian Academy of Science;
S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Policy and Problems of Economic Security, Financial University;
V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), the supervisor of the faculty "Sociology and Political Sciences", Financial University;
V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;
V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI convocation from the "United Russia", member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Member of the International Academy of Social Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Sciences,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Sciences, Head of Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University;
Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University;
S. Yu. Belokonev, Cand. Sci. in Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of Political Sciences, Financial University;
A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Department of Insurance and Economy of Social Sphere, Financial University;
V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political Sciences, Financial University;
V.A. Lapshov, Doctor of Social Sciences, Professor Head of the "Sociology" Department of Moscow State Linguistic University;
D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean Faculty of Sociology and Political Sciences for academic work and international relations, Financial University;
N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy manager of Department of Sociology, History and Philosophy on education and methodical work, Financial University
A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate Professor of Department of the Economic Theory, Financial University;
D.V. Petrotsyants, Cand. Sci. in Economics, Associate Professor of Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia;
S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Sciences and Mass Communications on educational and methodical work, Financial University;
G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor, Science and Research Coordinator of Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University;
K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Sciences, Professor of Department of political science, Financial University;
A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean for master's degree and career guidance of the "Sociology and Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University for Humanities, "People's Ukrainian Academy" (Ukraine)
D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China)
N.M. Dolgoplov, Deputy Editor of the "Russian Newspaper", a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' organizations (Russia)
T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris International Institute of Philosophy (Spain)
R. Krumm, Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia)
D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European Parliament (2004–2009) (Italy)
B. McBride, Doctor, professor, president of the International Federation of Philosophical Societies (USA)
I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)
K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan)
A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)
D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator Financial University, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia)
J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development of international relations between Russia and CIS countries, Vice-President of the Association of economists "Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12 (France)
C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.
Cui Zheng, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of The Research Center for the Economics and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ВЛАСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СТАТИКА И ДИНАМИКА

<i>Румянцев О.Г.</i> Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации	6
<i>Шапкин И.Н.</i> Взаимодействие государства и лоббистских бизнес-организаций в эпоху модернизаций (вторая половина XIX – начало XX в.)	13
<i>Курилюк Ю.Е.</i> Европейский суд по правам человека и российское законодательство о выборах: точки соприкосновения и векторы развития	18
<i>Савинов Л.В., Скорых Н.Н., Торогельдиева Б.М.</i> Цифровая трансформация государственного и муниципального управления в Республике Кыргызстан	24
<i>Шорохов В.Е.</i> Институциональные основы антикоррупционной политики в России: ретроспектива и современность.	31
<i>Карпузов М.Ю.</i> Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий	36

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Родачин В.М.</i> Динамика геополитики: к вопросу о понятии «геополитические процессы»	40
<i>Махаматов Т.Т.</i> Диалектика цивилизаций Запада и Востока в Новом великом шелковом пути.	47
<i>Швецов А.В., Фомин Ю.А.</i> Олимпийские идеалы как компонент общественного сознания	54
<i>Грузина Ю.М., Сорокин Д.Д., Штанова К.А.</i> Роль науки и образования в развитии человеческого капитала.	59
<i>Каптарь Д.Л.</i> Конференция победителей и Февральская революция	66

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Галас М.Л.</i> Политические и социальные риски иммиграционных потоков для России	71
<i>Горошников Т.А., Смахтин Е.С.</i> Компоненты и предикторы «хорошей жизни» (опыт международного сравнительного исследования).	77
<i>Войтенко И.А., Мурадян Л.О., Лусеро П.Ф.</i> Аргентина в контексте региональной и мировой геополитики	87
<i>Кармова М.Р., Лукина А.А.</i> Гендерное равенство как часть национального менталитета. Изменение положения российских женщин в 2010-е годы и его отражение в литературе.	91
<i>Шевченко К.Д.</i> Гармонизация международного законодательства по миграционным вопросам	98
<i>Мамаева Ю.А.</i> Российско-молдавские отношения и политические позиции России в Молдове: перспективы в контексте внутрирегиональных особенностей.	101
<i>Зыков Е.А.</i> Искусство ведения деловых переговоров на английском языке	106

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Конищев Е.С., Неткачев К.И.</i> Особенности и риски функционирования ТОСЭР в России.	112
<i>Литвиненко Е.А.</i> Транзит российского газа через Украину: экономическая целесообразность и геополитические противоречия.	118

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шатилов А.Б.</i> Мировая политика на стыке политологии, политической психологии и технологических вызовов информационной эпохи (Рецензия на монографию Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии)	122
--	-----

CONTENTS

COVER STORY: POWER IN RUSSIA AND ABROAD:
STATICS AND DYNAMICS

- Rumyantsev O.G.** About Changes in the Organization and Functioning of the Power Mechanism as a Result of the Constitutional Reform of 2020 in the Russian Federation 6
- Shapkin I.N.** Interaction of the State and Lobbying Business Organisations in the Era of Modernisation (the Second Half of XIX – the Beginning of XX Centuries) ... 13
- Kurilyuk Y.E.** The European Court of Human Rights and Russian Electoral Legislation: Common Ground and Vectors of Development. 18
- Savinov L.V., Skorykh N.N., Torogeldieva B.M.** Digital Transformation of State and Municipal Governance in Kyrgyzstan. 24
- Shorokhov V.E.** Institutional Basis of Anti-Corruption Policy in Russia: Retrospect and Modern View. 31
- Karapuzov M. Yu.** Prospects for the Development of Direct Democracy Mechanisms Using Information and Communication Technologies 36

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Rodachin V.M.** Dynamics of Geopolitics: On the Question of Concept “Geopolitical Processes” 40
- Makhamatov T.T.** Dialectics of Civilizations of the West and the East in the New Great Silk Road 47
- Shvetsov A.V., Fomin Yu.A.** Olympic Ideals as a Component of Social Consciousness . . 54
- Gruzina Yu.M., Sorokin D.D., Shtanova K.A.** The Role of Science and Education in the Development of Human Capital. 59
- Kaptar D.L.** Conference of the Entente Countries and the February Revolution. 66

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Galas M.L.** Political and Social Risks of Immigration Flows in Russia. 71
- Goroshnikova T.A., Smakhtin E.S.** Components and Predictors of the “Good Life” (Experience of International Comparative Research). 77
- Voytenko I.A., Muradyan L.O., Lusero P.F.** Argentina in the Context of Regional and Global Geopolitics 87
- Karmova M.R., Lukina A.A.** Gender Equality as a Part of the National Mentality. The Shifting Position of the Russian Women in the 2010-s and Its Reflection in Literature 91
- Shevchenko K.D.** Harmonization of International Legislation on Migration 98
- Mamaeva Y.A.** Russian-Moldovan Relations and Political Positions of Russia in Moldova: Prospects in the Context of Intra-Regional Consequences 101
- Zykov E.A.** The Art of Business Communication in English 106

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Konishchev E.S., Netkachev K.I.** Features and Risks of Functioning of TOSER In Russia 112
- Litvinenko E.A.** Russian Gas Transit through Ukraine: Economic Feasibility and Geopolitical Contradictions 118

REVIEW

- Shatilov A.B.** World Politics at the Intersection of Political Science, Political Psychology, and Technological Challenges of the Information Age (Review of the Monograph by V. Sh. Surguladze “World Politics in the Mirror of Modern Political Analysis: Political Processes, Identity Politics, Strategy and Technologies”) 122

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 10, № 2 (44), 2020

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**

Е.В. Маурина

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 943-94-31,**

e-mail: MMKorigova@fa.ru;

Коригова М.М.

Подписано в печать 16.04.2020

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 15,12 усл. п. л.

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**

E.V. Maurina

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 943-94-31**

e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 16.04.2020

Format 60 x 84 1/8.

Size 15,12 printer sheets.

(51, Leningradsky prospekt)

© *Financial University*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-6-12
УДК 32(045)

Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации

О.Г. Румянцев

Фонд конституционных реформ, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8977-4050>

АННОТАЦИЯ

Об особенностях конституционной реформы-2020, ее сильных и слабых сторонах сказано и написано уже немало. Данная статья посвящается анализу изменений в организации и функционировании властного механизма в контексте возможных последствий для конституционного строя Российской Федерации. Хорошо, что тема конституционной реформы пробила дорогу в актуальной политической повестке страны – если это действительно цель, а не средство или его прикрытие. Рассматриваются последние поправки к Конституции Российской Федерации в рамках «единой системы государственной власти» и «единой системы публичной власти» и возникшая уточненная форма правления через призму их соотношения с принципами народовластия, республиканской формы правления, разделения властей по горизонтали и разграничения полномочий по вертикали. Исследуются причины смещения системы сдержек и противовесов в пользу центральной президентской власти.

Ключевые слова: форма правления; единая система государственной власти; народовластие; основы конституционного строя; парламентский контроль

Для цитирования: Румянцев О.Г. Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-6-12

ORIGINAL PAPER

About Changes in the Organization and Functioning of the Power Mechanism as a Result of the Constitutional Reform of 2020 in the Russian Federation

O.G. Rumyantsev

The Foundation for Constitutional Reforms, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8977-4050>

ABSTRACT

Much has been said and written about the specifics of the constitutional reform 2020, its strengths and weaknesses. This article is devoted to the analysis of changes in the organization and functioning of the power mechanism in the context of possible consequences for the constitutional system of the Russian Federation. It is good news that the topic of constitutional reform has made its way into the current political agenda of the country – if this is really the goal but not the means or its cover. The article considers the latest amendments to the Constitution of the Russian Federation within the framework of the “unified system of state power” and “unified system of public power”, and the new refined form of government through the prism of their correlation with the principles of democracy, the Republican form of government, the horizontal division of powers, and the vertical division of powers. The reasons for shifting the system of checks and balances in favour of the central presidential power are investigated.

Keywords: form of government; unified system of state power; people’s power; foundations of the constitutional system; parliamentary control

For citation: Rumyantsev O.G. About changes in the organization and functioning of the power mechanism as a result of the constitutional reform of 2020 in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-6-12

«Здесь мы не реформируем Конституцию, мы ее модернизируем. Унифицируем и оттачиваем систему сдержек и противовесов», — убеждал в феврале 2020 г. сопредседатель официальной Рабочей группы по поправкам П. В. Крашенинников. Можно поспорить с его оценкой. Ключевым трендом поправок-2020 становится дальнейшая концентрация верховной власти. Для конституционного принципа разделения властей по горизонтали и разграничения полномочий по вертикали прогноз может быть и негативный. В рамках новой выстраиваемой «единой системы государственной власти» и «единой системы публичной власти» единая вертикаль дополняется единой горизонталью власти.

Конституция по-прежнему предлагает полное «меню»: осуществление народом своей власти непосредственно (референдум, «*другие формы прямого волеизъявления*» — на местах, ч. 2 ст. 130), через государственные органы и через органы местного самоуправления. Но по Федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации» 2004 г. референдум практически неосуществим, местное самоуправление в преднамеренном загоне, парламент, по сути, не избирается, а формируется.

Конституционный принцип народовластия предложено реализовывать отныне через более удобное, максимально сокращенное «меню», по принципу «одного окна»: через главу государства.

Однако обновленная система выглядит не вполне убедительно — как система верховного единовластия, практически — самовластия. Президентская власть распространилась на все государственные органы, с фактическим расширением властных полномочий главы государства за счет части полномочий других ветвей власти, становящихся под единое начало, словно в строй. Сокращается пространство для состязательного совместного диалога, взаимного поиска и осуществления баланса ветвей власти.

Глава государства Конституцией 1993 г. и так был поставлен над всеми остальными ветвями власти, он лично прямо или косвенно определял все их решения и решения всех государственных органов, их кадровое наполнение, порядок функционирования и пути развития государственной власти. Теперь эта система стала более *отточенной*.

Это более похоже на восстановление в расширенном виде ст. 6 Конституции (Основного

закона) СССР о руководящей и направляющей роли КПСС. Через совершенно новую редакцию главы 4 («Президент Российской Федерации») — ключевой в Конституции тренд 1993 г. закреплен расширением. Определенная логика в таком шаге присутствует, но стоит соразмерить ее с резким возрастанием количества и качества рисков.

Президента можно назвать главным бенефициаром конституционной реформы-2020 во всех смыслах. Отметим появление на конституционном уровне значимых, дополнительных к уже имевшимся в главе 4 полномочий главы государства (двух десятков новых полномочий, подчеркиваю — конституционных, часть из которых не нова и поднята с уровня законов, достаточных для объемности и ясности картины).

Президент:

- освобождает Председателя Правительства от должности, без необходимости согласования этого шага и без привязки к отставке Правительства в целом — прежде в Конституции этого прямо прописано не было;
- осуществляет общее руководство Правительством РФ;
- в определяемой им же структуре федеральных органов исполнительной власти определяет органы, руководство деятельностью которых осуществляет сам Президент, и тех, которыми руководит Правительство;
- принимает отставку премьера, его замов и министров силового блока + МИДа, руководство деятельностью которых он осуществляет сам;
- обеспечивает руководство деятельностью упомянутых выше федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ);
- представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности не только судей, но теперь и председателей высших судов и их заместителей; назначает судей других федеральных судов, но теперь и их председателей, заместителей председателей;
- вносит в Совет Федерации представления о прекращении полномочий судей высших, кассационных и апелляционных судов (по сути, прекращает полномочия судей, зависимость которых от Президента возрастает);
- назначает генерального прокурора РФ, его замов, прокуроров субъектов РФ по согласованию с Советом Федерации; освобождает единолично генпрокурора и его замов; назначает на должности после консультаций с Советом

Федерации и освобождает от должностей прокуроров субъектов РФ (сейчас палата делает это сама по представлению Президента);

- предлагает Совету Федерации для назначения кандидатуру председателя Счетной палаты и половину числа ее аудиторов, заместителя и другую половину — Госдуме (комментарии — ниже);

- формирует Госсовет в обеспечение (указанных в ч. 2 и 3 ст. 80 Конституции) целей согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики России и (новое!) определения приоритетных направлений социально-экономического развития государства;

- получает в свое распоряжение почти вдвое больше прямых «представителей Российской Федерации, назначенцев в Совете Федерации (квота увеличена с 17 до 30);

- как глава формируемого им Совета Безопасности РФ получает, среди прочих, важное конституционное полномочие «поддержания гражданского мира и согласия в стране»;

- «преодолеывает преодоление» (тавтология уместна) президентского вето на принятые парламентом законы посредством обращения в (теперь более зависимый!) Конституционный Суд с запросом о конституционности таких законов;

- в случае конфликта с парламентом получает возможность заблокировать негодный федеральный конституционный закон или иметь поддержку по отдельным федеральным законам также посредством запроса в Конституционный Суд;

- получает пожизненную неприкосновенность, лишение которой возможно только в порядке процедуры, равной нереализуемой процедуре отрешения; а также возможность иных гарантий по федеральному закону.

В Конституции термин «единая система» применительно к государственной власти встречается дважды, и оба раза — применительно сугубо к конкретным смыслам: к принципу федерализма и принципу единства исполнительной власти.

В ч. 3 ст. 5 говорится о том, что федеративное устройство Российской Федерации основано, среди прочего, на «единстве системы государственной власти»; подразумевается гарантия совместного осуществления государственными органами как федерального, так и региональ-

ного уровней всех государственных полномочий и функций. В ч. 2 ст. 77 уточняется, что *по предметам совместного ведения федеральные и региональные органы исполнительной власти образуют единую систему исполнительной власти* — для согласованного функционирования всего властного механизма в столь сложноставном государстве, как Российская Федерация.

Указанное вовсе не должно отменять либо подменять другой конституционный принцип осуществления власти — разделения и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Когда возникает искушение обойти этот принцип во имя торжества политической целесообразности — он подвержен эрозии.

Упрочение и без того всемогущей президентской власти требует ответа: а каковы сдержки и противовесы, насколько возрастает роль представительной демократии, парламента?

Для восстановления системы реального представления и согласования интересов надо было бы начать с ключевого института, с высшего представительного и единственного законодательного органа и его палат.

Можно приветствовать наделение нижней палаты полномочиями утверждать по представлению премьера кандидатуры зампредов Правительства и федеральных министров, кроме силовых и МИДа (п. а, ч. 1, ст. 103), а также полномочие Совета Федерации проводить консультации по предложенным Президентом кандидатурам ряда руководителей ведомств.

Были, наконец, услышаны наши предложения о парламентском контроле; появилась, правда, не детальная новая глава 5 [1]¹, а всего лишь статья 103: «*Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц*».

Сюда же отнесем важную норму о заслушивании Госдумой ежегодных отчетов Центрального банка (сами по себе эти отчеты не продвигают контроль в отсутствие политической воли к нему: осенью 2019 г. отчет председателя ЦБ в Госдуме повлек постановление-отпи-

¹ См. репринт этих предложений: Конституционный вестник. 2000;5(23).

ску: «Принять отчет к сведению». «Гора родила мышь» на фоне системных претензий общества к Банку России и его роли в реализации ч. 1 и 2 ст. 75 Конституции). Но хоть четверть шага вперед сделана.

Увы, не хватило политической воли поднять на конституционный уровень другие нормы парламентского контроля: внесение запросов Правительству от депутатских групп с обязанностью предоставить ответ по существу для его обсуждения в палате с принятием обязующих решений; вызов министров на доклад и вынесение вотума недоверия либо постановления о порицании; создание межфракционных комиссий парламентского расследования с правами участия всех парламентских фракций с выходом на органы следствия; обязанность должностных лиц являться в комитеты и комиссии и предоставлять запрашиваемые сведения и документы.

Без этих полномочий, а также права ставить и решать вопрос об отставке членов Правительства контрольные полномочия на деле сохраняет лишь Президент.

Я продолжаю относиться с осторожным оптимизмом и к поправке о Госсовете, мы предлагали это еще в 1994 г. [2]. Потенциально Государственный Совет может играть в новой властной конфигурации достаточно позитивную роль как конституционный механизм обеспечения согласованного взаимодействия государственных органов. Как инструмент коллегиальной помощи главе государства в выполнении им гигантского объема полномочий, непосильных для одного лица. Этот орган также способен справиться с весьма реальной перспективой внутреннего конфликта во властной «элите».

После первого чтения я предполагал, что корректировка формы правления выглядит как политтехнологический тюнинг имеющегося инструментария для безболезненного трансфера власти. Но сложного и даже просто интересного для политологов и юристов тюнинга не потребуются, если после второго чтения выяснилось, что найден преемник В. В. Путина — им станет сам В. В. Путин. Разумной поправки 2014 г. о представителях Российской Федерации в Совете Федерации в целях трансфера, основанного на здравом смысле и готовности к диалогу, видимо, оказалось недостаточно.

Форма правления, похоже, не становится полупрезидентской или на три четверти пре-

зидентской республикой по нескольким основаниям. И по причине двух десятков новых конституционных полномочий главы государства, еще выше встающего над другими ветвями власти. И потому, что новые полномочия, которыми наделяется парламент, получают забюрократизированные Госдума и Совет Федерации, ставшие административным приложением властного механизма.

Государственную Думу с новыми полномочиями, полагаю, не просто следует переизбирать (в чем прав внесший такое предложение депутат Госдумы А. А. Карелин), но избирать нужно по-новому: обеспечив конституционные гарантии организации и проведения *свободных выборов* (именно такими им по-прежнему предписывает быть ч. 3 ст. 3 Конституции).

Совет Федерации с расширенными полномочиями можно также избирать населением субъектов Российской Федерации — иначе, нежели предписано ст. 85 о формировании верхней палаты. Но став подлинно депутатской палатой, Совет Федерации не должен потерять статус представительства населения регионов и региональных интересов, не должен состоять из политических фракций.

Поправками же сделан шаг в другую сторону. Отныне для кандидатов в сенаторы будет требоваться постоянное проживание не на территории субъекта Российской Федерации, как сегодня требует закон, а на территории Российской Федерации.

Именно такой Совет Федерации получил полномочия не согласовывать, а проводить консультации по кандидатурам глав ведомств силового блока и прокуроров субъектов Российской Федерации. А почему не избираемая населением непосредственно Государственная Дума, которая берет часть ответственности за Правительство при утверждении других министров?

Согласен с сомнениями моего коллеги по Конституционной комиссии Е. А. Данилова: главы силовых ведомств становятся какими-то особыми министрами? Будут министры с различным статусом, согласуемые и утверждаемые? Де-юре будет две категории правительства: силовое под Президентом, остальное — под Председателем Правительства?

Видимо, Президент хочет обезопасить себя от непрохождения кандидатур силового блока в недостаточно надежной, ближе стоящей к народу нижней палате.

На мой взгляд, речь идет не столько о конституционных гарантиях парламентаризма и представительной демократии, сколько об уходе от наследия противостояния 1993 г. между съездом и Президентом Ельциным по вопросу о распределении власти в Конституции. В связи с нынешней формой правления, скорее всего, вспоминать и связывать будут только имя Президента Путина.

20-летие правления В. В. Путина увенчивается принятием путинской редакции Конституции Российской Федерации. В полном соответствии с логикой развития персоналистского политического режима в России (в понимании этого термина членом Конституционного клуба коллегой М. А. Красновым как *несбалансированного сосредоточения властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках института-личности (в российском варианте — Президента России) при формальном сохранении принципов и институтов, свойственных конституционному строю*) [3].

Предположу, в чем причины существенно-го смещения системы сдержек и противовесов в пользу центральной президентской власти. Убираются лазейки для возможной нелояльности государственных органов. Сделаны выводы из прецедентов (казусов) предыдущих лет.

Пример первый. Риск нелояльности Федерального Собрания — казус Государственной Думы при Г. Н. Селезневе в 1999 г. с ее упрямой линией на продвижение ряда законопроектов или выдвижение обвинения Б. Н. Ельцину в совершении им тяжких преступлений как основания для отрешения его от должности Президента.

Прививка сделана через гарантированную сдерживающую роль верхней палаты (какую изначально с 1993 г. и предписала команда Ельцина Совету Федерации). Поправка 2014 г. о представителях Российской Федерации (не более 10% от числа членов Совета Федерации — представителей регионов) не разрушала смысла верхней палаты как палаты регионов в федеративном государстве; повышение числа до 30 в сумме с представителями подчиненных Президенту исполнительных органов субъектов дает как минимум искомое гарантированное большинство. Контроль за одобрением федеральных законов (более половины от общего числа членов верхней палаты) будет обеспечен всегда. Совсем немного усилий, чтобы «добрать» до квалифицированного большинства всего 9 голосов сенаторов от заксобраний регионов. Решение же об импич-

менте двумя третями от общего числа сенаторов отныне — из области невозможного.

Отметим новое решение проблемы возможно-го преодоления президентского вето на принятый закон. В этом чисто умозрительном отныне случае Президент запросит формируемый им Конституционный Суд о проверке такого закона на конституционность с предсказуемым результатом.

Пример второй. Казус излишне независимых руководителей Правительства. Нетипичный кейс смены Правительства и проводимого им курса в 1998–1999 гг. связан с деятельностью Е. М. Примакова, Ю. Д. Маслюкова и сотрудничавшего с ними главы Центробанка В. В. Геращенко. Ужаснувшись от достижений «победителей девяносто третьего», на девятом месяце своей работы, в мае 1999 г., они подняли вопрос об итогах приватизации в России и шире — итогах деятельности команды Ельцина. Правительство было уволено на фоне попытки Госдумы добиться импичмента Ельцина и поисков его преемника.

В «новой системе разделения властей» Председателя Правительства можно отстранить от должности без всяких согласований единоличным решением главы государства, несмотря на полномочие Госдумы утверждать кандидатуру того по представлению Президента. Вес расширения полномочий парламента определенно нивелируется.

Пример третий. Казус Конституционного Суда (КС) образца 1993 г. и даже 2003 г. В 2020 г. выстроены условия особых отношений верховной власти с Конституционным Судом. Один из ключей — лояльность и зависимость его Председателя.

На заре становления КС В. Д. Зорькин завоевал репутацию самостоятельного государственного деятеля, активно пытавшегося предотвратить конфликт между ветвями власти в 1992–1993 гг., обеспечил принятие решения Конституционного Суда от 22 сентября 1993 г. о признании действий Б. Н. Ельцина нарушающими 10 статей Конституции, что послужило основанием для отрешения того от должности. В 2003 г. самостоятельное решение судей об избрании председателем КС В. Д. Зорькина стало «щелчком по носу» Администрации Президента, накануне заверявшей судью М. В. Баглая, что того ждет избрание председателем. Тогда, вероятно, и зародилось решение встроить дважды непокорный КС в вертикаль власти.

В судьбе КС Конституционная комиссия приняла самое деятельное участие в 1990–1993 гг., спроектировав статью Конституции, приняв участие в разработке проекта закона РСФСР о Конституционном Суде, делегировав в первый состав половину судей и будущего председателя, сотрудничая в согласовании проекта Конституции [4]. Прежнего Конституционного Суда в сложившейся системе уже не будет никогда. Что лишь подтвердило единодушное Заключение от 16 марта 2020 г.,² вызвавшее нареkanie специалистов. Это потеря для конституционного строя России.

Пример четвертый. Казус нелояльности Счетной палаты. Не вернуть уж тех беспокойных времен, когда бывший народный депутат СССР Ю. Ю. Болдырев в должности заместителя ее председателя портил нервы Администрации Президента. По новой редакции Конституции председатель Счетной палаты будет назначаться решением Совета Федерации по предложению Президента. В проекте Конституционной комиссии предлагалось, что парламент назначает и отзывает председателя и членов Государственной счетной палаты, которая подотчетна ему и независима от органов исполнительной власти. В Конституции 1993 г. удалось отстоять, что Счетную палату образуют Совет Федерации и Государственная Дума. Теперь она будет зависимой от Президента и его Администрации. Со своим статусом парламентского органа финансового контроля Счетная палата вынуждена проститься: налицо отход от изначальной концепции и безусловное ослабление конституционного строя.

Пример пятый. Генеральный прокурор. Президент теперь назначает генерального прокурора РФ по согласованию с Советом Федерации. Чтобы не повторить знаковый кейс генпрокурора Ю. И. Скуратова (в 1994 г. — официального оппонента моей кандидатской диссертации), который в 1998 г. после августовского дефолта

начал масштабное расследование деятельности сотен должностных лиц, позже дал ход сведениям генерального прокурора Швейцарии Карлы дель Понте о злоупотреблениях в российской верхушке, сотрудничал с Е. М. Примаковым, но в апреле 1999 г. после известной спецоперации был отстранен от должности.

Вывод таков: «конфликты» между ветвями власти, миражи «двоевластия», даже просто несогласие с генеральной линией со стороны отдельных госорганов системе единовластия не грозят.

Отмечу возрастание внутренней противоречивости Конституции и риск ослабления важнейшей ее функции — быть основным законом прямого действия во всей совокупности его статей. Усиливается противоречие между преамбулой, первыми главами, две из которых — «Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина» получили гарантии неизблемости, и описанной выше новой конфигурацией государственной власти.

Возрастание имитационности, декоративности норм первых двух глав Конституции чревато дальнейшей ревизией и выхолащиванием духа Конституции. Дух Конституции говорит о свободе и солидарности, правах и ответственности, о народовластии и демократии, федеративном, социальном, правовом государстве с республиканской формой правления.

А практика слишком часто опровергает высшую юридическую силу, прямое действие этих положений и их применение на всей территории России. Положения и механизмы глав 4–7 об устройстве государственной власти словно до сих пор несут на себе печать борьбы Президента и его окружения с первым и последним демократически избранным российским парламентом и Конституционным Судом в 1993 г., с правительством в 1999 г.

Россия увязла в этой борьбе, кажется, весьма плохо завершившейся для судеб нашего конституционного строя.

По итогам конституционной реформы-2020 страна получает новую редакцию Конституции России и совершенно новую правовую и политическую ситуацию. Про принятые изменения Президент Путин сказал, что они *оправданы и достаточны*. Однако прежние вызовы остались, и к ним добавляются новые риски. Как общество и государство управятся с ними — покажет политическая практика реализации принятых решений.

² Конституционный Суд в своем Заключении от 16 марта 2020 г. не стал оценивать целесообразность предложений, а пришел к заключению, что порядок вступления в силу ст. 1 Закона о поправке к Конституции соответствует Конституции Российской Федерации; не вступившие в силу положения этого Закона — положения глав 1, 2 и 9. Особых мнений по данному заключению никем из судей КС в заседании высказано не было; судья КС РФ К. В. Арановский на заседание не явился. КС РФ — некогда надежда нашего конституционного строя — вступил в противоречие со своей же правовой позицией по делу от 5 ноября 1998 г. о толковании ч. 3 ст. 81 и п. а 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Румянцев О.Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития. Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.). М.: Норма; 2014. Также в: *Журнал конституционного правосудия*. 2014;2(38):10–22; *Конституционный вестник*. 2020;5(23).
2. Румянцев О.Г. Государственный Совет (отрывок из монографии «Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления» (1994) и Комментарий автора. *Конституционный вестник*. 2019;4(22):284–288.
3. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 2006.
4. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Изд-во РГ; 2018.

REFERENCE

1. Rumyantsev O. G. 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation: history lessons, development prospects. Modern constitutionalism: challenges and prospects: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Saint Petersburg, November 14–15, 2013). Moscow: Norma; 2014. Also in: *Journal of constitutional justice*. 2014;2(38):10–22; *Constitutional Bulletin*. 2020;5(23). (In Russ.).
2. Rumyantsev O. G. State Council (excerpt from the monograph “Fundamentals of the constitutional system of Russia: Concept, content, issues of formation” (1994) with author’s Comment. *The constitutional Gazette*. 2019;4(22):284–288. (In Russ.).
3. Krasnov M. A. Personalist regime in Russia: experience of institutional analysis. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2006. (In Russ.).
4. Rumyantsev O. G. Constitution of the Ninety-third. History of the phenomenon. Documentary poem in seven parts from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990–1993. 3rd ed. Moscow: RG Publishing house; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Германович Румянцев — кандидат юридических наук, президент Фонда конституционных реформ, Москва, Россия
rumyantsev@rumyantsevconsulting.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oleg G. Rumyantsev — Cand. Sci. (Law), President of the Constitutional Reform Foundation, Moscow, Russia
rumyantsev@rumyantsevconsulting.ru

Статья поступила 01.03.2020; принята к публикации 10.03.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.03.2020; accepted for publication on 10.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-13-17
УДК 338.22(045)

Взаимодействие государства и лоббистских бизнес-организаций в эпоху модернизаций (вторая половина XIX – начало XX в.)

И.Н. Шапкин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

АННОТАЦИЯ

На становление и развитие рыночной экономики большое влияние оказывают представительные бизнес-организации, которые создаются для защиты интересов предпринимательского сообщества. Для того чтобы их реализовать, бизнес-организациям необходимо устанавливать долгосрочные контакты с государственными институтами. В данной статье анализируются основные формы взаимодействия организованного бизнеса России с органами власти в период экономической модернизации страны.

Ключевые слова: представительное движение; лоббизм; лоббистские бизнес-организации; отраслевые и региональные организации предпринимателей; всероссийские предпринимательские организации

Для цитирования: Шапкин И.Н. Взаимодействие государства и лоббистских бизнес-организаций в эпоху модернизаций (вторая половина XIX – начало XX в.). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):13-17. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-13-17

ORIGINAL PAPER

Interaction of the State and Lobbying Business Organizations in the Era of Modernisation (the Second Half of XIX – the Beginning of XX Centuries)

I.N. Shapkin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

ABSTRACT

The formation and development of a market economy are greatly influenced by representative business organisations, which are created to protect the interests of the business community. In order to implement them, they need to establish long-term contacts with state institutions. This article analyses the primary forms of interaction between organised business in Russia and the authorities in the period of economic modernisation of the country.

Keywords: representative movement; lobbying; lobbying business organisations; industry and regional organisations of entrepreneurs; all-Russian business organisations

For citation: Shapkin I.N. Interaction of the state and lobbying business organisations in the era of modernisation (the second half of XIX – the beginning of XX centuries). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):13-17. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-13-17

На протяжении всей российской истории инициатором и основным актором общественных изменений являлось государство. Во второй половине XIX в. оно приступило к активному формированию и развитию рыночных отношений. Появилось большое число новых участников рынка. Несмотря на сложный и противоречивый характер модернизационных процессов, в стране складывались условия для объединения представителей бизнеса в различные союзы и организации.

Значительное внимание представительному движению уделяла власть. Первые предпринимательские союзы (такие как съезды горнопромышленников юга России, бакинских нефтепромышленников и др.) появились с одобрения правительства. В образовании съезда мукомолов деятельное участие принимали Министерство государственных имуществ и Министерство финансов, съезда Оренбургских золотопромышленников — Горный департамент и т.д. После 1905 г. в создании съездов представителей промышленности и торговли, съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, т.е. всероссийских предпринимательских союзов, участвовали правительственные структуры. Власть сохраняла за собой право вмешиваться во внутреннюю жизнь представительных организаций. Например, повестку заседаний они должны были согласовывать с курировавшими их деятельность правительственными учреждениями.

К началу Первой мировой войны представительное бизнес-движение — это значительная общественная сила, обладавшая огромными материальными, финансовыми и интеллектуальными ресурсами. В 1912 г., по подсчетам Русского технического общества, насчитывалось 143 представительных организации, действовавшие в форме советов, съездов, обществ, комитетов и т.д. Их членами являлись предприятия, на которых работали 80% всех индустриальных рабочих страны, которые производили 84% всей промышленной продукции. Предпринимательские союзы обладали значительными бюджетами. В 1911 г. только на представительные цели 52 самых крупных организации потратили свыше 7 млн руб. [1, с. 30–31].

Представительные организации установили тесную связь с государственными структурами. Они получали доступ к принятию правительственных решений, к непосредственному участию в формировании таможенно-тарифной политики, гарантированным правительственным заказам, дешевым кредитам и т.д.

Важнейшая причина привлечения капитала к «государственному регулированию хозяйства» состояла в том, что в условиях динамичного развития экономики правительство не могло «положиться только на собственную компетенцию в разрешении сложных вопросов экономической жизни» и постоянно нуждалось в подтверждении со стороны капитала правильности избранных законодательных и административных мер. Поэтому необходимость «официального признания организаций, которые бы представляли интересы ... промышленности и торговли», как заметил управляющий отделом промышленности Министерства торговли и промышленности В.П. Литвинов-Фалинский, признавалась и поддерживалась на самом высоком уровне [2, с. 144].

Правительство предпочитало не обращаться к частным лицам, а иметь дело с организациями, в рамках которых его члены могли согласовывать и вырабатывать «общее» мнение. Систематические контакты с предпринимателями начали устанавливаться в 1880-х гг. Не случайно поэтому чиновники разных ведомств и учреждений председательствовали на предпринимательских съездах и собраниях. «С.Ю. Витте, — писало в 1892 г. «Новое время», — весь предался развитию промышленности; при нем устроилось в Петербурге почти постоянное, хотя и не формальное, но весьма влиятельное представительство интересов промышленности и торгово-промышленного класса, одностороннее, эгоистическое и требовательное, ибо этот мир любит, чтобы оберегали его от всякой конкуренции, не только иностранной, но и внутренней. Фабриканты и заводчики, торговцы и предприниматели не только привлекались министром финансов к совещаниям об их нуждах, но и находили в нем заботливого ходатая»¹.

По мере усиления экономического влияния капитала создавались условия для их большей самостоятельности, более активной деятельности представительных органов. С согласия властей предпринимательские организации получили возможность посредством участия в работе создаваемых государственными учреждениями различных межведомственных совещаний оказывать воздействие на исполнительную власть. 6 сентября 1899 г. в представлении Министерства финансов о Департаменте торговли и мануфактур констатировалось, что «успешное подготовление почти всех преобразований по части торговли и промыш-

¹ Новое время. 1892. 30 августа.

ленности совершенно немыслимо без постоянного обращения к различным специалистам, сведущим лицам, а также к заинтересованным в этих мероприятиях промышленникам и торговцам. Без созыва особых совещаний, на которых подробно обсуждаются и проверяются упомянутыми компетентными лицами предложения Департамента, последний рисковал бы впасть в постоянные ошибки и, во всяком случае, разойтись с практическими потребностями торговли и промышленности» [3, с. 216].

Основным приемом достижения поставленных целей являлось воздействие на правительственные учреждения. Но, в отличие от начального периода своей деятельности, когда основным способом достижения поставленных целей являлись ходатайства, к началу XX в. бизнес-организации осуществляли энергичное и настойчивое давление на органы власти, которое имело узаконенную форму. Это в первую очередь относилось к всероссийским организациям, а также к крупным отраслевым и региональным (местным) структурам.

Постепенно сложился механизм взаимодействия организованного бизнеса и власти. Он выглядел следующим образом: правительственное учреждение запрашивало мнение предпринимательского союза на подготовленный законопроект. Получив аргументированный ответ, оно перерабатывало законопроект и созывало совещание с участием представителей бизнес-объединений. На нем общими усилиями чиновники и бизнесмены дорабатывали и перерабатывали законопроект и вновь отправляли его со своими правками и замечаниями ведомству, подготовившему законодательный документ. После этого с представителями этих организаций ведомство письменно или лично согласовывало «новый» законопроект и т.д. Такое согласование могло вестись довольно долго. Например, законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев и болезней, подготовленные правительством в 1905 г., были внесены на рассмотрение Государственной думы лишь 25 июня 1908 г., а законами они стали только 23 июня 1912 г.

Не было практически ни одного законопроекта, хотя бы косвенно затрагивавшего интересы капитала, который бы не передавался на предварительное обсуждение особым правительственным совещаниям с участием представителей бизнес-организаций. Всероссийские предпринимательские союзы постепенно превратились, по словам современников, в настоящее «преддумье», оказывавшее существенное влияние на законодательный процесс. По большинству вопросов экономической

и социально-политической жизни — рабочему и налоговому вопросам, городского самоуправления, таможенного покровительства, дорожной политики, государственных финансов, торгово-промышленного законодательства, роли торгово-промышленных организаций и т.д. — предложения бизнес-организаций поддерживались и удовлетворялись властями.

В начале XX в. деятели капитала добились права участвовать на постоянной основе в работе государственных учреждений. Здесь выборные представители организаций заседали и обладали теми же правами, что и чиновники. Делегаты представительных организаций работали в Особом по промысловому налогу присутствии, Совете Государственного банка, Совете по горнопромышленным делам, Совете по железнодорожным делам, Тарифном совете и т.д. Представители организованного капитала, таким образом, участвовали в регулировании промыслового налога, таможенных и железнодорожных тарифов, торгового судопроизводства, распределении казенных заказов, деятельности фабричной инспекции и т.д.

По подсчетам А. О. Гушки, они вошли в состав 12 местных и 16 центральных государственных органов [4, с. 220]. Среди них — Совет по горнопромышленным делам, Комитет по распределению заказов, Особое по промысловому налогу присутствие, Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие. Роль этих государственных структур в экономической жизни была огромна. Например, согласно статье 52 Устава о промышленности, Присутствие по фабричным и горнозаводским делам обладало правом издавать постановления, обязательные для исполнения, решало дела о нарушении хозяевами правил о рабочих книжках и фабричных лавках, о штрафах и оплате труда товарами вместо денег, рассматривало жалобы на фабричных инспекторов и окружных инженеров, издавало дополнительные правила о найме рабочих и работе малолетних на заводах и фабриках, создавало правила внутреннего распорядка на промышленных предприятиях и приисках. В этом важнейшем государственном учреждении представители промышленных организаций имели очень сильные позиции: 6 представителям ведомств здесь противостояли 4 выборных от промышленных предприятий и 1 выборный от горнопромышленников.

В Общем присутствии казенных палат, в котором решались вопросы промыслового налогообложения, входили 4 чиновника и 6 выборных от биржевого комитета и по одному представителю от всех существующих в данном районе «совещательных по

торговле и промышленности учреждений». Раскладочное по промысловому налогу присутствие состояло из 3 представителей ведомств и 6 членов от купеческих управ, бирж и городской думы. Портовое присутствие насчитывало 5 членов: городского голову и 4 выборных представителей от торгово-промышленных организаций. Из 14 членов Речного комитета 13 членов представляли промышленность и торговлю и 1 член — государство. Необходимо отметить, что по статье 399 раздела II Устава о прямых налогах во всех присутствиях обсуждаемые дела решались простым большинством голосов.

В меньшинстве делегаты представительных организаций капитала были лишь в Государственном совете, Совете государственного банка, Особом по промысловому налогу присутствии. Но и в последнем учреждении положение менялось. По внесенному в Государственную думу проекту «Положения о государственном промысловом налоге» это Особое присутствие (по проекту — Главное присутствие) должно было состоять из 10 представителей от ведомств, по одному от Петербургской губернской земской управы и Городской управы и 12 представителей от промышленности и торговли [5, с. 203–204].

В Совете по горнопромышленным делам в марте 1905 г. во время обсуждения вопроса о переходе к новой организации горнопромышленных съездов Н.А. Авдаков, председатель Съезда горнопромышленников юга России, заявил: «Вся беда в том, что вы исходите из будущего, которое нам еще неизвестно, а я из практики. А эта практика такова, что до сих пор нас никто ни в чем не стеснял, а даже, напротив, мы всегда пользовались широким простором» [6, с. 29].

Однако правительство, привлекая представителей капитала к административной и законодательской деятельности, удовлетворяя ходатайства представительных организаций, оставляло за собой несколько сфер, куда ограничивало их доступ или совсем не допускало. В экономике такой областью являлось железнодорожное строительство, в котором правительство выступало в роли предпринимателя, и железнодорожные тарифы, где оно имело собственные долгосрочные интересы. Правительство также проявляло мало склонности идти навстречу пожеланиям капитала в вопросах земского представительства и участия капитала в деятельности Государственного совета и Государственной думы.

Отношение властей к представительным организациям предпринимателей было неоднозначным. С одной стороны, правительство поощряло

известную самостоятельность и инициативу деятелей капитала, разрешая им объединяться и вести представительскую деятельность, а с другой — права организаций ограничивались жесткими рамками, допускавшими самостоятельность в тесных рамках узкопрофессиональных интересов. Вопросы общественного характера, поднимаемые представительными союзами, не получали, как правило, поддержки у властей. Они стремились не выпустить эти союзы из-под своего контроля, влиять на их внутреннюю жизнь и принимаемые ими решения. Примечательно в этой связи, что царское правительство довольно настороженно относилось к выработке законов, регулировавших деятельность представительных органов, оставляя за собой право вмешиваться в их работу. «Тщетно было бы искать в источниках права каких-нибудь указаний, которые дали бы нам материал для характеристики общего отношения русского законодательства к предпринимательским коалициям в целом или к отдельным их категориям. Только в отношении одного вида предпринимательских союзов — синдикатов — можно установить принципы нашего права», — отмечал Е.С. Лурье [7, с. 19]. По мере развития предпринимательского движения все чаще, настойчивее и на разных уровнях звучали требования о необходимости реформы законодательства в этой области. Все решительнее подчеркивалась важность установления «различия между разными формами промышленных, торговых комбинаций и их регулирования». Противоречивость правительственной политики по отношению к представительным организациям сохранялась в течение всей истории их существования.

Укрепление позиций частного капитала в экономике страны создавало, наконец, возможность «выйти из роли младенца, вскормленного правительством, ... сбросить министерские пеленки и начать ходить без помочей»². «Понятно, что теперь положение несколько другое, чем оно было 6–10 лет тому назад, когда промышленность имела один только практический путь — обращаться с ходатайствами к государству, — отмечал В.В. Жуковский, один из деятелей представительного движения, в мае 1908 г. на Совещании о положении металлургической и машиностроительной промышленности. — ... Теперь в этом отношении роль государства изменилась принципиально, изменилась, могу сказать, его дееспособность. Государство теперь гораздо меньше может помочь промышленности практически, чем это было 10–11 лет тому назад,

² Слово. 1908. 23 января.

просто потому, что промышленность в государстве настолько выросла, что для того, чтобы ей помочь, нужно обладать теперь большими и финансовыми и хозяйственными силами. Поэтому понятно, что теперь промышленности приходится в гораздо большей степени рассчитывать самой на себя и в гораздо меньшей степени на государство»³.

Вместе с тем в представительное движение были вовлечены далеко не все предпринимательские силы страны. Многие важные отрасли промышленности и торговли никаких союзов для защиты

собственных экономических интересов не имели. Тем не менее в начале XX в. система представительных организаций российского бизнеса являла собой довольно сложный механизм, поддерживаемый правительством.

Взаимодействие государственных институтов и организованного капитала имело сложный и противоречивый характер, а также тенденцию к постоянному совершенствованию. За короткую историю своего существования представительные бизнес-союзы превратились во влиятельную общественную силу, оказывавшую существенное влияние на модернизационные процессы второй половины XIX — начала XX в.

³ Стенограмма Совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности. СПб.; 1908.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. А-ъ. Свет и тени торгово-промышленных организаций. *Торгово-промышленный Юг*. 1912;(1):30–35.
2. Литвинов-Фалинский В.П. Наше экономическое положение и задачи будущего. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума; 1908.
3. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние; 1981.
4. Гушка А.О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб.: Типо-литография Шредера; 1912.
5. Ерманский А. К характеристике крупной буржуазии. *Наша заря*. 1912;(1–2):21–31.
6. Лурье Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб.: Политехнический ин-т Петра Великого; 1913.

REFERENCES

1. A-ъ. Light and shadows of commercial and industrial organisations. *Torgovo-promyshlennyi Yug*. 1912;(1):30–35. (In Russ.).
2. Litvinov-Falinsky V. P. Our economic situation and challenges of the future. St. Petersburg: Typography V.F. Kirshbaum; 1908. (In Russ.).
3. Shepelev L.E. Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the XIX century. Problems of trade and industrial policy. Leningrad: Nauka; 1981. (In Russ.).
4. Gushka A. O. Representative organisations of the commercial and industrial class in Russia. St. Petersburg: Schroeder's typo-lithograph; 1912. (In Russ.).
5. Yermansky A. Towards the characteristics of the large bourgeoisie. *Nasha Zaria*. 1912;(1–2):21–31. (In Russ.).
6. Lurie E.S. Organisation and organisations of commercial and industrial interests in Russia. St. Petersburg: Peter the Great Polytechnic Institute; 1913. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
ishapkin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Shapkin — Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
ishapkin@fa.ru

Статья поступила 15.12.2019; принята к публикации 15.01.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.12.2019; accepted for publication on 15.01.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-18-23
УДК 342.842(045)

Европейский суд по правам человека и российское законодательство о выборах: точки соприкосновения и векторы развития

Ю.Е. Курилюк

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9256-0878>

АННОТАЦИЯ

Деятельность Европейского Суда по правам человека рассматривается в качестве гарантии прав и свобод человека и гражданина, в том числе — активного и пассивного избирательного права. Актуальность работы обусловлена принятием депутатами Государственной Думы (на момент написания настоящей статьи — в первом чтении) законопроекта о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», предусматривающего внесение в Конституцию РФ положения о возможности неисполнения Россией решений межгосударственных органов в истолковании, противоречащем Конституции. Это вновь дало повод ученым и представителям общественности сомневаться в необходимости исполнения Россией решений Европейского Суда по правам человека. Цель настоящего исследования — рассмотреть влияние решений Европейского Суда по правам человека на развитие российского законодательства о выборах. В исследовании были использованы методы формальной логики: анализ и синтез, аналогия; общенаучные методы: структурный и системный подход, а также частнонаучные методы: метод толкования и моделирование. По итогам проведенного исследования автором сделаны выводы о необходимости продолжения исполнения Российской Федерацией решений Европейского Суда, учете правовых позиций не только в отношении России, но и в отношении других государств в случае использования сходных юридических конструкций в законодательстве, а также о необходимости внесения изменений в законодательство о выборах. **Ключевые слова:** Европейский Суд по правам человека; Конституционный Суд Российской Федерации; поправки к Конституции; законодательство о выборах; активное избирательное право; пассивное избирательное право; ограничения избирательного права; выборы; голосование

Для цитирования: Курилюк Ю.Е. Европейский суд по правам человека и российское законодательство о выборах: точки соприкосновения и векторы развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):18-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-18-23

ORIGINAL PAPER

The European Court of Human Rights and Russian Electoral Legislation: Common Ground and Vectors of Development

Y.E. Kurilyuk

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9256-0878>

ABSTRACT

The activities of the European Court of Human Rights are a guarantee of the rights and freedoms of man and citizen, including active and passive suffrage. The relevance of this paper is due to the adoption by the deputies of the State Duma the draft law introducing the amendment to the Constitution of the Russian Federation — “On improving the regulation of certain issues of public authority organization”. It envisages introducing into the Constitution of the Russian Federation a provision on the possibility of non-enforcement by Russia of decisions of interstate bodies in interpretation contrary to the Constitution. It again gave to doubt the need Russia execution of judgments of the European Court of Human Rights rise to scientists and members of the public. The purpose of this study is to examine the impact of decisions of the European Court of Human Rights on the development of Russian election law. As research methods, the methods of formal logic were used: analysis and synthesis, analogy, general scientific methods: a structural and systematic approach, as well as private, scientific methods: an interpretation method and modelling. Based on the results of the study, the author concluded that there is the need to continue the implementation of the decisions of the European Court by the Russian Federation, to take into account legal positions not only concerning Russia, but also in relation to other states if

similar legal structures are used in the legislation, and also about the need to amend the electoral legislation.

Keywords: European Court of Human Rights; Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional amendments; election legislation; active suffrage; passive suffrage; electoral restrictions; elections; voting

For citation: Kurilyuk Y.E. The European court of human rights and Russian electoral legislation: Common ground and vectors of development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):18-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-18-23

Одним из значимых политических и правовых событий начала 2020 г. в Российской Федерации стали разработка и принятие Госдумой 23 января законопроекта о поправках к Конституции Российской Федерации¹ (далее — Законопроект о поправках), претворяющего в жизнь тезисы послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию², в котором нас в контексте обозначенной темы работы интересует в первую очередь предлагаемая редакция ст. 79 Конституции РФ, предусматривающая, что решения межгосударственных органов, толкование положений международных договоров в которых противоречит Конституции РФ, не подлежат исполнению.

Положение о невозможности исполнения решения межгосударственных органов в случае, если предполагаемые им со стороны Российской Федерации меры противоречат Конституции РФ, с 2015 г. уже содержится в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации»³, и формулировка, касающаяся именно требуемых по решению межгосударственных органов мер, представляется более удачной, нежели норма Законопроекта о поправках, предполагающая противоречие только в толковании. Отметим, что Конституционный Суд (КС) РФ с осторожностью подходил к использованию данного полномочия, применив его с 2016 г. в отношении всего двух дел⁴.

¹ Законопроект № 885214–7 «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. Российская газета. 16.01.2020. № 7.

³ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ. Российская газета. 23.07.1994. № 138–139.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». СЗ РФ. 25.04.2016. № 17. Ст. 2480; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». СЗ РФ. 30.01.2017. № 5. Ст. 866.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что Российская Федерация даже с принятием Законопроекта о поправках к Конституции РФ не отказывается от исполнения решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), и обращение в ЕСПЧ по-прежнему остается одной из гарантий прав и свобод, закрепленной в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ. Следовательно, даже соглашаясь с тезисом о том, что акты ЕСПЧ носят не только юридический, но и политический характер⁵ [1], необходимо рассмотреть и проанализировать как его постановления в отношении применения российского законодательства о выборах, так и дела ЕСПЧ по избирательным правам в отношении иных государств. Позиции по последним, по нашему мнению, необходимо учитывать в случае использования в российском законодательстве юридических конструкций сходных с теми, которые были признаны противоречащими Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶ (далее — Европейская конвенция, Конвенция), во избежание аналогичных дел (и, как следствие, выплаты компенсаций за нарушения) в отношении Российской Федерации.

Следует отметить, что Европейская конвенция, на основе которой действует и принимает решения ЕСПЧ, не содержит правового регулирования активного и пассивного избирательного права в привычном нам понимании. В отличие от большинства положений Конвенции и протоколов к ней, сформулированных непосредственно через права человека, право на свободные выборы (ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции) предполагает обязанность государства по проведению свободных выборов, называясь правом лишь в заголовке к статье. Содержащееся в формулировке права положение о выборах лишь в органы законодательной власти

Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». СЗ РФ. 30.01.2017. № 5. Ст. 866.

⁵ Владимир Путин обвинил ЕСПЧ в политизированности. URL: <http://www.garant.ru/news/559493>.

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 04.11.1950). Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

тракуется Европейским Судом достаточно узко, хотя и не ограничивает законодательные органы одним лишь парламентом и нивелирует возможность обжаловать в ЕСПЧ, к примеру, нарушения положений Конвенции на выборах органов местного самоуправления, что подтверждается практикой Европейского Суда⁷. Полагаем также, что не смогут быть обжалованы в ЕСПЧ нарушения на выборах глав государств — членов Совета Европы, а в федеративных государствах — и высших должностных лиц субъектов.

Следует оговориться, что не все дела Европейского Суда, выигранные заявителями, свидетельствуют о недостатках законодательства: в ряде случаев речь может идти о нарушениях со стороны правоприменительных органов⁸.

Такие нарушения стали основанием для обращения в суд в деле «Давыдов и другие против Российской Федерации»⁹. В частности, заявители обжаловали удаление наблюдателей с избирательных участков за ведение ими видеосъемки или необеспечение для них такого обзора, при котором им были бы видны кабины для голосования; возможное искажение итогов голосования избирательными комиссиями и другие нарушения. С другой стороны, в указанном деле нарушения стали возможны, на наш взгляд, в том числе, в силу недостаточной прозрачности законодательства о выборах того времени, которое, однако, с тех пор претерпело изменения: так, в 2016 г. в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ¹⁰ (далее — Закон № 67-ФЗ) было прямо закреплено право наблюдателей осуществлять фото- и видеосъемку¹¹ (подп. «к» п. 9 ст. 30 Закона № 67-ФЗ). В 2014 г., после издания

постановления КС РФ от 22.04.2013 № 8-П¹², была изменена редакция ст. 77 Закона № 67-ФЗ — расширен перечень оснований, по которым суд вправе отменить решение избирательной комиссии об итогах голосования. Центральной избирательной комиссией была внедрена практика использования QR-кодов на протоколах избирательных комиссий, что позволило почти полностью исключить возможность какого-либо искажения информации¹³. Способствует повышению профессионализма членов избирательных комиссий практика формирования избиркомов как постоянно действующих органов.

Однако большая транспарентность избирательного процесса должна быть обеспечена законодательно. Полагаем, что норма, закрепленная в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ может считаться основой права ведения фото- и видеосъемки на избирательном участке каждым, кто там находится, при условии соблюдения ограничений, предусмотренных ч. 1 ст. 24 Конституции РФ и ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁴. Однако довольно часто ведение фото- и видеосъемки на избирательном участке расценивается избирательными комиссиями как вмешательство в их законную деятельность¹⁵. Законопроект, призванный решить сложившуюся проблему, был отозван субъектом права законодательной инициативы¹⁶. Представляется необходимым закрепить становящееся все более распространенным ведение видеосъемки на избирательных участках в ст. 30 Закона № 67-ФЗ.

В иных случаях решения против Российской Федерации были обусловлены не идущими вразрез с законом действиями правоприменителей, а непосредственно несовершенством положений российского законодательства о выборах. Так, в деле «Российская консервативная партия предприни-

⁷ Решение ЕСПЧ от 25.01.2000 «По вопросу приемлемости жалобы № 51501/99 „Виктор Черепков (Viktor Cherepkov) против Российской Федерации”». Журнал российского права. 2000;(11).

⁸ Постановление ЕСПЧ от 19.07.2007 по делу «Краснов и Скуратов против Российской Федерации». Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 4.

⁹ Постановление ЕСПЧ от 30.05.2017. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 2.

¹⁰ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Парламентская газета. 15.06.2002. № 110–111.

¹¹ Федеральный закон от 15.02.2016 № 29-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 33 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в части деятельности наблюдателей». СЗ РФ. 15.02.2016. № 7. Ст. 917.

¹² Российская газета — Федеральный выпуск. 30.04.2013. № 6070 (94).

¹³ Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 15.02.2017 № 74/667-7 // Сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/28607/>.

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 29 и 30 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» (по вопросу проведения фото и видеосъемки в помещении для голосования) № 681214-7. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/681214-7>.

¹⁶ Там же.

мателей и другие против Российской Федерации»¹⁷ заявителями обжаловалось ныне утратившее силу положение закона, регулировавшего выборы в Госдуму в конце 90-х — начале 2000-х гг., в соответствии с которым в случае выбытия хотя бы одного из первых трех кандидатов федерального списка, в регистрации отказывалось всему списку. Европейским Судом было принято решение о нарушении отдельных положений Конвенции и Протокола № 1 к ней, однако значение решения было исключительно компенсаторным, поскольку смысл оцениваемого положения закона до принятия постановления был истолкован и признан противоречащим Конституции РФ Конституционным Судом¹⁸.

В ряду решений Европейского Суда в сфере избирательного права особое место занимает постановление по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации»¹⁹, названное А.И. Ковлевым апофеозом поворота в правовых позициях Европейского Суда по избирательным правам [2]. Вместе с тем, вопрос об активном избирательном праве заключенных впервые был поставлен перед ЕСПЧ не в российском деле: ему предшествовали постановления в отношении иных государств²⁰. Европейский Суд учел довод о фиксации запрета на голосование для лиц, находящихся в местах лишения свободы в главе 2 Конституции РФ, изменяемый только в порядке пересмотра, и предусмотрел возможность любых способов исполнения решения, включая толкование Конституции РФ Конституционным Судом (п. 111 постановления). Отметим также, что вывод ЕСПЧ о нарушении Российской Федерацией пределов усмотрения базировался на заключении об общем, автоматическом и неизбежном ограничении активного избирательного

права при назначении наказания в виде лишения свободы. КС РФ в дальнейшем, имея возможность опереться на ранее высказанную им правовую позицию, мог признать решение ЕСПЧ неисполнимым, поставив точку в вопросе рассмотрения проблемы. Вместо этого орган конституционного контроля предложил²¹ разумный, на наш взгляд, компромисс (с чем, впрочем, согласны не все исследователи [3], в соответствии с которым изменение Конституции РФ не потребовалось бы, и для достижения пропорциональности при ограничении активного избирательного права осужденных могли бы быть внесены изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации²². Однако постановление ЕСПЧ было признано исполненным не в силу придания нового статуса колониям-поселениям, а с внесением изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации²³, предусматривающих новый вид наказания в виде принудительных работ, а также с принятием постановлений Пленума Верховного Суда, позволивших снизить число приговоренных к лишению свободы и, как следствие, лишенных права голоса²⁴.

Не пытаясь прогнозировать дальнейшее развитие ситуации с избирательными правами лиц, отбывающих наказание, следует, вместе с тем, отметить, что возможно столкновение позиций и по вопросу пассивных избирательных прав осужденных. Так, если традиционное российское правопонимание, как нам представляется, относит категорию презумпции невиновности лишь к лицам, в отношении которых еще не вынесено судебное решение, ЕСПЧ, рассматривая дело «Дикле и Садак против Турции»²⁵, распространил понятие презумпции невиновности также на лиц, которые были признаны виновными,

¹⁷ Постановление ЕСПЧ от 11.01.2007. Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 1.

¹⁸ Постановление КС РФ от 25.04.2000 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“». Собрание законодательства РФ. 08.05.2000. № 19. Ст. 2102.

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалобы № 11157/04 и 15162/05). Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2.

²⁰ См.: Дело «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства (N2)» (жалоба N74025/01) // Документ опубликован не был. КонсультантПлюс; Дело «Фродль против Австрии» [Frodl v. Austria] (жалоба № 20201/04) (I Секция). Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. № 11/2010; дело «Скоппола (Scoppola) против Италии (№ 2)» (жалоба N10249/03). Бюллетень ЕСПЧ. 2010. № 1.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 25.04.2016. № 17. Ст. 2480.

²² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ. СЗ РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.

²³ Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». Российская газета. № 295. 29.12.2018.

²⁴ См.: 1355th meeting, 23–25 September 2019 (DH) // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680972e12.

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. по делу «Дикле и Садак (Dicle and Sadak) против Турции» (жалоба № 48621/07). Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2015. № 10.

отбыли наказание и в отношении которых обвинительные приговоры пересматривались на момент предвыборной кампании. Заявителям было отказано в регистрации их кандидатур на выборы, что было успешно обжаловано ими в ЕСПЧ. Учитывая действующее российское правовое регулирование выдвижения кандидатов, имевших судимость, нельзя исключать повторения аналогичных дел и в Российской Федерации, что, по нашему мнению, проще предотвратить, чем после исполнять.

Кроме того, показательным, на наш взгляд, в практике рассмотрения Европейским Судом дел в отношении иных государств является дело «Тахиров против Азербайджана»²⁶, касающееся нарушения при проверке подписей в поддержку выдвижения заявителя: кандидат не был допущен к процедуре их проверки. Представляется, что выводы, сделанные Европейским судом в указанном решении, в свете недавних событий, предваряющих выборы в Мосгордуму, должны быть учтены органами власти Российской Федерации при продумывании механизмов большей прозрачности также в подготовительных по отношению к выборам стадий — в частности, выдвижения и регистрации кандидатов.

Кроме того, небезынтересным для Российской Федерации представляется итоговый вывод ЕСПЧ по делу «Намат Алиев против Азербайджана»²⁷, согласно которому, игнорирование избирательными комиссиями и судами обоснованных утверждений кандидата в депутаты о многочисленных серьезных нарушениях избирательного процесса нарушает ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции.

В части рассмотрения вопросов реализации пассивного избирательного права, на наш взгляд, представляется небезынтересным отметить дело В.В. Кара-Мурзы²⁸, в определении по которому КС РФ в 2007 г. признал запрет быть избранными для граждан России, имеющих гражданство иностранного государства, соответствующим Конституции. В 2013 г. заявитель по делу обратился в ЕСПЧ, Евро-

пейским судом его жалоба была коммуницирована, Минюстом в 2017 г. были даны соответствующие разъяснения²⁹. Однако в вопросе об ограничении пассивного избирательного права по рассматриваемому основанию в практике ЕСПЧ, как отмечают исследователи, есть лишь дело «Тэнасе против Молдавии»³⁰. При этом законодательное регулирование множественного двойного и гражданства в Российской Федерации и Республике Молдова существенно различается [4], следовательно, делать какие-либо прогнозы относительно возможного разрешения дела представляется преждевременным.

В практике предшественницы нынешнего Европейского Суда — Комиссии по правам человека было дело, по которому наличие двойного гражданства было признано достаточным для оправдания ограничения пассивного избирательного права³¹, однако, очевидно, что позиции ЕСПЧ с течением времени меняются, и не исключено, что и по этому вопросу они изменятся тоже.

И если по делу Кара-Мурзы Европейским Судом будет вынесено решение, обязывающее государство пересмотреть подход в отношении ограничений, связанных с наличием у кандидата, помимо российского гражданства, также гражданства иностранного государства, снова возникнет вопрос о возможности его исполнения по причине несоответствия трактовки Европейским Судом Конвенции, противоречащей конституционному регулированию. Поскольку Законопроект о поправках предполагает такую редакцию ч. 1 ст. 97 Конституции РФ, в соответствии с которой запрет для депутатов иметь двойное гражданство станет конституционным запретом. Только в таком случае, вероятно, разрешение этого вопроса будет опираться на новую редакцию ст. 79 Конституции РФ, что сделает исполнение такого решения невозможным и вновь поставит вопрос о соблюдении Российской Федерации своих обязательств по Европейской Конвенции.

Подводя итог краткому исследованию рассмотрения в практике ЕСПЧ дел в отношении права избирать и быть избранным, прежде всего, необходимо сделать следующие выводы.

²⁶ Постановление ЕСПЧ от 11.06.2015 по делу «Тахиров (Tahirov) против Азербайджана» (жалоба N31953/11). Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 10.

²⁷ Постановлении ЕСПЧ от 08.04.2010 по делу «Намат Алиев (namat aliiev) против Азербайджана» (жалоба № 18705/06). Бюллетень ЕСПЧ. 2010. № 11.

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». СЗ РФ. 24.12.2007. № 52. Ст. 6533.

²⁹ О жалобе «Кара-Мурза против России». Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/o-zhalobe-kara-murza-protiv-rossii>.

³⁰ Постановление ЕСПЧ от 27.04.2010 по делу «Тэнасе (Tenase) против Молдавии». Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 11.

³¹ Решение Комиссии по правам человека от 21 ноября 1966 г. по делу «Ганшер против Бельгии» [Ganscher v. Belgium] (жалоба № 28858/65). Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR]. Т. 87. С. 130.

1. В случае принятия Законопроекта о поправках, даже в силу закрепления в ст. 79 Конституции РФ положения о неисполнении решений межгосударственных органов в истолковании, противоречащем Конституции РФ, возможность обращения в Европейский Суд по правам человека останется одной из конституционных гарантий прав и свобод, и исполнение подавляющего большинства решений ЕСПЧ, на наш взгляд, должно остаться обязательным.

2. В целях оптимизации российского законодательства о выборах должны быть учтены решения ЕСПЧ не только в отношении Российской Федерации, но и в отношении иных государств в случае, если правовое регулирование, ставшее поводом для обращения в Европейский Суд, является сходным.

3. В целях обеспечения большей транспарентности избирательного процесса и для предотвращения случаев незаконного привлечения к административ-

ной ответственности, необходимо законодательно закрепить в ст. 30 Закона № 67-ФЗ право избирателей на осуществление фото- и видеосъемки на избирательных участках.

4. При совершенствовании отдельных аспектов избирательного законодательства и в практике рассмотрения дел российскими судами должны быть учтены постановления ЕСПЧ по делам «Дикле и Садак против Турции» (о распространении Европейским Судом категории презумпции невиновности также на лиц, обвинительные приговоры в отношении которых находятся на пересмотре), «Тахиров против Азербайджана» (о необходимости большей открытости при проверке подписей в поддержку кандидата), «Намат Алиев против Азербайджана» (о недопустимости игнорирования избирателями и судами заявлений кандидата о многочисленных серьезных нарушениях избирательного процесса).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зорькин В.Д. Предел уступчивости. *Российская газета*. 29.10.2010. № 246(5325).
2. Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М.: ИЗИСП, Норма, ИНФРА-М; 2019. 400 с.
3. Смирнов А.М. Активное избирательное право для лиц, лишенных свободы. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=120327#01475812134224317>.
4. Красинский В.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам ограничения прав российских граждан на участие в выборах в связи с наличием иностранного гражданства либо вида на жительство на территории иностранного государства. *Современное право*. 2011;(6):46–52.

REFERENCES

1. Zorkin V.D. The limit of concessions. *Rossiiskaya gazeta*. 29.10.2010. No. 246(5325). (In Russ.).
2. Kovler A. I. European Convention: problems of interpretation and implementation: monograph. Moscow: IZiSP, Norma, INFRA-M\$2019. 400 p. (In Russ.).
3. Smirnov A.M. Active suffrage for persons deprived of their liberty. *Ugolovno-ispolnitel' naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=120327#01475812134224317>. (In Russ.).
4. Krasinskii V.V. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues of restricting the rights of Russian citizens to participate in elections due to the presence of foreign citizenship or residence permit in the territory of a foreign state. *Sovremennoe pravo*. 2011;(6):46–52. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Евгеньевна Курилюк — кандидат юридических наук, магистр юриспруденции, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия
YEKurilyuk@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuliya E. Kurilyuk — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia
YEKurilyuk@fa.ru

Статья поступила 04.03.2020; принята к публикации 15.03.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 04.03.2020; accepted for publication on 15.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-24-30

УДК 323.21(045)

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления в Республике Кыргызстан

Л.В. Савинов^а, Н.Н. Скорых^б, Б.М. Торогельдиева^с

^{а, б} Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Новосибирск

^с Высшая школа экономики Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

^а <https://orcid.org/0000-0003-2827-0339>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0473-1321>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-5519-5998>

АННОТАЦИЯ

В исследовании на основе системного подхода рассматриваются особенности цифровой трансформации государственного и муниципального управления в современном Кыргызстане. Актуальность работы определяется особой политической и социальной значимостью для исследуемой страны цифрового правительства в условиях демократического транзита. В современной социальной и гуманитарной науке практически отсутствуют работы по исследованию становления цифрового государства и электронного правительства в Кыргызстане. Наиболее перспективными направлениями дальнейших исследований цифровой трансформации государственного и муниципального управления в Кыргызстане могут стать вопросы эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, выборов в цифровом формате и модернизации коммуникационной инфраструктуры.

Ключевые слова: Кыргызстан; государственное и муниципальное управление; цифровая трансформация; цифровое правительство

Для цитирования: Савинов Л.В., Скорых Н.Н., Торогельдиева Б.М. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления в Республике Кыргызстан. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):24-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-24-30

ORIGINAL PAPER

Digital Transformation of State and Municipal Governance in Kyrgyzstan

L.V. Savinov^а, N.N. Skorykh^б, B.M. Torogeldieva^с

^{а, б} Siberian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

^с Academy of Public Administration under the President of Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

^а <https://orcid.org/0000-0003-2827-0339>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0473-1321>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-5519-5998>

ABSTRACT

The study is based on a systematic approach to the features of the digital transformation of state and municipal governance in the modern Kyrgyz Republic. The relevance of the work is determined by the special political and social significance for the studied country of the digital government in the conditions of democratic transit. In modern social and humanitarian science, there are practically no works on the study of the formation of the digital state and e-government in Kyrgyzstan. The most promising areas of further research on the digital transformation of state and municipal governance in Kyrgyzstan may be the issues of efficiency of the provision of state and municipal services in electronic form, elections in digital format and modernization of communication infrastructure.

Keywords: Kyrgyz Republic; state and municipal governance; digital transformation; digital government

For citation: Savinov L.V., Skorykh N.N., Torogeldieva B.M. Digital transformation of state and municipal governance in Kyrgyzstan. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):24-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-24-30

Вопросы становления и развития цифрового государства и электронного правительства становятся все более актуальными направлениями внутренней политики современных государств [1–4]. При этом цифровая трансформация государственного и муниципального управления — одна из наиболее сложных составляющих цифрового государства.

Кыргызская Республика на протяжении ряда лет работает в направлении создания электронного/цифрового правительства как инструмента для модернизации системы государственного управления [5, 6]. По сути, начало этому процессу положила принятая Правительством в 2013 г. Стратегия по электронному государственному управлению Кыргызской Республики на 2014–2017 гг., в основном сфокусированная на создании более действенной, прозрачной, подотчетной, открытой и ориентированной на граждан системе государственного управления. В результате ее реализации проделана начальная работа для создания интегрированной системы электронного Правительства, что должно позволить гражданам получить доступ к приоритетным услугам, однако полномасштабное внедрение цифровых технологий и других инновационных решений остается текущей задачей и требует дальнейшего развития. Наиболее активно развитие электронного управления началось с 2017 г.

Создание и развитие электронного правительства в Киргизии, как и во многих странах мира, стало одним из приоритетов совершенствования государственного управления. В создании электронного правительства проявлялась определенная политика государства. В первое десятилетие 2000-х гг. ее определяла Программа развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Кыргызской Республике.

Одной из основных задач данной программы была обозначена информатизация органов государственной власти и местного самоуправления, т.е. создание электронного правительства как системы интерактивного взаимодействия государства и граждан при помощи сети Интернет. При этом выделялись три основных компонента электронного правительства: государство-население; государство-бизнес; государство-государство и четыре этапа ее создания.

На первом этапе (Информация — Information) создается государственный интернет-портал, чтобы публиковать информацию об услугах и общего характера, например часы работы, списки контактных лиц и номера телефонов. Использование ИКТ

в государственных органах ограничено, в основном используется электронная почта.

На втором этапе (Одностороннее взаимодействие — Interaction) организуется интерактивное взаимодействие правительства с гражданами и частным сектором. На этом этапе начинают внедряться различные интерактивные услуги, позволяющие гражданам заходить на государственный интернет-портал и заполнять различные формы.

На третьем этапе (Двусторонние операции — Transaction) государственными органами реализуется обработка транзакций и уже существует возможность предоставления финансовых и юридических услуг.

На четвертом этапе (Преобразование — Transformation) идет активный переход на новые технологии и приложения, поддерживающие возможности использования межведомственной информации и новых видов услуг. Идет внедрение порталов, позволяющих гражданам переходить от одной службы к другой без необходимости снова удостоверять свою личность. Благодаря эффективному взаимодействию государственные базы данных могут стать интерактивными и обмениваться данными друг с другом. Эта фаза фактически завершает процесс перехода от традиционного правительства к электронному.

Создание электронного правительства рассматривалось как одна из долгосрочных и комплексных программ, рассчитанная до 2010 г. При этом ставились также задачи совершенствования законодательной и нормативно-правовой базы с целью создания благоприятных условий для развития электронного правительства, а также обеспечения ее информационной безопасности.

Планом действий программы «Электронное правительство» был определен ряд приоритетных проектов, в их числе: «Проект по предоставлению государственных услуг средствами ИКТ»; «Создание единого государственного портала (www.gov.kg) с возможностью интеграции веб-сайтов госорганов» (реализован первый этап этого проекта); «Создание сети общественных центров доступа к информации до уровня районов»; «Автоматизированная система управления человеческими ресурсами»; «Государственный регистр населения»; «Создание системы судебной информации и управления»; «Системы правовой информации»; «Проект по предоставлению таможенной отчетности через средства ИКТ» и др.

В ряде государственных органов было начато внедрение систем электронного документооборота. Это позволило улучшить функции делопроиз-

водства, выполняемые работниками министерств посредством автоматизации процессов создания, согласования, учета и контроля исполнения входящих, исходящих, организационно-распорядительных и других документов [7].

Развивались также отраслевые информационные системы и ресурсы (регистры: населения, правовых единиц, образования, автотранспортных средств, прав на недвижимость; автоматизированные системы: казначейства, медицины, геологии и минеральных ресурсов и др.).

Однако задача по созданию электронного правительства в намеченные сроки и в полном объеме по различным причинам не была решена. Поэтому для улучшения координации работ по созданию электронного правительства, выработки единых стандартов межведомственного электронного взаимодействия и проведения других работ в 2014 г. Правительством КР был создан Центр электронного управления и принята Программа Правительства КР по внедрению электронного управления («электронное правительство») на 2014–2017 гг.

Данная Программа была направлена на кардинальное улучшение использования ИКТ в госорганах исполнительной власти и повышение эффективности их деятельности, открытость и расширение спектра предоставляемых электронных услуг в соответствии с Национальной стратегией устойчивого развития на 2013–2017 гг.

Программа была сфокусирована на приоритетных аспектах: предоставлении электронных государственных услуг, формировании общегосударственной системы электронного управления, обеспечении финансовой и экономической эффективности проектов ИКТ, развитии кадрового потенциала и обеспечении структуры управления.

План действий по реализации Программы предполагал три этапа ее реализации [8]¹. Первый этап — подготовительный, второй — переходный и третий — эксплуатационный. Первый этап включал в себя формирование структуры, управления и координации, подготовку подробных дорожных карт по приоритетным направлениям, разработку индивидуальных планов органов государственного управления, ревизию действующих и подготовку новых нормативных правовых актов, подготовку технических заданий и закупки оборудования и программного обеспечения.

На втором переходном этапе планировалось принятие полного пакета НПА по всем направлениям, организация тендеров, закупка и установка общих сервисов ИТ-ИКТ архитектуры электронного управления.

На третьем этапе намечались ввод в эксплуатацию общих инфраструктурных, платформенных и программных сервисов, предоставление приоритетных электронных услуг, обучение кадров и информирование населения.

Для консолидации усилий по созданию в Кыргызстане электронного правительства и ускорения перехода на технологии электронного управления в 2016 г. был создан новый государственный орган — Государственный комитет информационных технологий и связи.

В рамках реализации указанной Программы и создания электронного правительства были достигнуты определенные успехи. Разработан и в тестовом режиме запущен портал государственных услуг. Сформирован перечень из 189 электронных услуг. Для обеспечения электронного межведомственного взаимодействия внедряется система «Тундук», к которой пока подключены 12 государственных органов республики в пилотном режиме [7].

Система «Тундук» основана на одной из лучших международных практик — эстонской системе межведомственного взаимодействия «X-road». По оценке международных экспертов, при внедрении системы ожидается экономия бюджета до 300 млн долл. в год. Ключевыми задачами системы являются: повышение эффективности и оперативность управления в органах государственной власти и предоставлении услуг, обеспечение прозрачности.

Сегодня практически все государственные органы имеют в сети Интернет свои веб-сайты, предоставляющие различные информационные услуги. Обеспечению открытой и отзывчивой работы государственных органов способствовали внесенные в 2014 г. изменения и дополнения в закон КР «О порядке рассмотрения обращений граждан», обязывающие государственные органы рассматривать и отвечать на электронные обращения граждан в срок до 14 дней. В Кыргызстане осуществляется реализация проекта «Открытые данные», цель которой заключается в создании национальной платформы открытых данных и механизмов доступа населения к ним, осуществлении сопутствующей деятельности с целью расширения возможностей населения в части получения доступа и пользования этими данными.

Электронное правительство — эффективный способ противодействия коррупции. Так, внедрение

¹ Аналитический отчет «Оценка готовности по созданию электронного правительства в Кыргызской Республике». Бишкек; 2008.

электронной системы государственных закупок Министерства финансов КР привело к стандартизации процесса проведения тендеров, снизило бюрократическое вмешательство, гарантировало объективность принятых решений и сделало прозрачным процесс проведения закупок.

Несмотря на достигнутые успехи, имеется еще немало проблем. Так, в рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства Организации Объединенных Наций Кыргызстан в 2018 г. занимал 91-е место из 193 стран мира (индекс составил 0,5835). В рейтинге электронного участия граждан КР занимает 75-е место.

Основными проблемами остаются сфера предоставления цифровых услуг и развитие ИКТ-инфраструктуры. В рейтинге стран мира по уровню развития ИКТ по версии Международного союза электросвязи Кыргызстан в 2017 г. занял 109-е место из 176 стран мира и последнее место среди стран СНГ.

К другим проблемам можно отнести недостаточное количество индивидуальных пользователей сети Интернет (34,50%; среднее по СНГ — 65,10%) и домохозяйств, имеющих компьютер (21,40%; среднее по СНГ — 67,40%), а также доступ домохозяйств к сети Интернет (18,76%; среднее по СНГ — 68,00%).

С решением этих и других проблем связан новый этап формирования и развития электронного правительства в Кыргызстане, вызванный принятием Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023 гг.». Ее стратегические цели в полной мере соответствуют Национальной стратегии развития КР на 2018–2040 гг.

В Концепции выделено несколько приоритетных задач, связанных с развитием электронного правительства. Среди них — предоставление качественных цифровых услуг, повышение эффективности, результативности, открытости, прозрачности, подотчетности и борьбы с коррупцией системы государственного управления, повышение уровня вовлеченности граждан в процессы принятия государственных и муниципальных решений через цифровую трансформацию системы государственного и муниципального управления.

Для этого намечены действия, направленные на повышение эффективности деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: искоренение коррупции через внедрение цифровых государственных и муниципальных услуг, автоматизацию внутренних процессов, процедур и регламентов, а также совершенствование норма-

тивной правовой базы. Обеспечение верховенства права и искоренение коррупции в системе правопорядка и правосудия будет реализовано через внедрение цифровых инструментов взаимодействия правоохранительных органов и судебной ветви власти с гражданами и бизнес-структурами, а также посредством полной автоматизации внутренних процессов.

Решению отмеченной задачи Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023 гг.» должен способствовать проект «Цифровая Центральная и Южная Азия. Кыргызская Республика», реализация которого осуществляется в рамках Региональной программы Digital CASA Всемирного банка. До 30 декабря 2019 г. Правительство должно было перевести все государственные услуги в электронный формат.

Основная цель данного проекта — повышение способности по предоставлению услуги цифрового правительства в Кыргызской Республике за счет расширения доступа к более качественному и выгодному Интернету, а также привлечение частных инвестиций в сектор ИКТ и развитие регионально интегрированной цифровой инфраструктуры и благоприятной среды.

В настоящее время осуществляется:

- строительство магистральных волоконно-оптических линий связи (ВОЛС) и установка современного оборудования, что позволит соединить все регионы страны широкополосной телекоммуникационной транспортной сетью и предоставит возможность обеспечения надежности, точности и своевременности доставки информации, а также увеличение объемов и скорости передачи данных;
- переход на цифровое телерадиовещание;
- развитие электронного портала государственных услуг (ЭПГУ), где размещены электронные формы подачи заявлений к 189 электронным государственным услугам. В указанный перечень электронных услуг на сегодняшний день входят 22 министерства и ведомства. Согласно постановлению Правительства Кыргызской Республики от 14 марта 2018 г. № 134, утверждены Временные правила пользования Государственным порталом электронных услуг. Обеспечена работа десяти бесплатных государственных услуг, предоставляемых пятью государственными органами (Министерство внутренних дел, Министерство экономики Кыргызской Республики, Государственная налоговая служба при Правительстве Кыргызской Республики, Государственная регистрационная

служба при Правительстве Кыргызской Республики, Социальный фонд Кыргызской Республики). В настоящее время 9 государственных органов подключены к ЭПГУ, ответственные сотрудники данных госорганов прошли соответствующее обучение, в пилотном режиме через ЭПГУ предоставляются 27 государственных услуг. Также развитие электронного управления продолжает проект «Информационные киоски МСУ», которых по республике установлено 453, предоставляющих ежемесячно более 16 тыс. услуг населению;

- работы по разработке программного обеспечения Государственной системы электронных платежей (платежный шлюз) и интеграции ее с ЭПГУ. Постановлением Правительства от 28 октября 2017 г. № 709 утверждено положение о Государственной системе электронных платежей, в соответствии с которым назначен технический оператор платежного шлюза в лице ГП «Инфосистема» при Государственном комитете информационных технологий и связи Кыргызской Республики;

- развитие системы электронного межведомственного взаимодействия (СМЭВ) «Түндүк». В целях эффективного внедрения электронного межведомственного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления Кыргызской Республики 11 апреля 2018 г. Правительством Кыргызской Республики создано государственное предприятие Центр электронного взаимодействия при Комитете (далее ГП «ЦЭВ») и утверждены Требования к взаимодействию информационных систем в системе межведомственного электронного взаимодействия «Түндүк» (далее СМЭВ «Түндүк»), подписаны соглашения с 47 министерствами и ведомствами Кыргызской Республики и 5 коммерческими организациями, проведены технические мероприятия по подключению 31 государственного органа и их подведомственных подразделений. Обеспечен обмен данными между 8 государственными органами (Министерство финансов Кыргызской Республики, Государственная налоговая служба при Правительстве Кыргызской Республики, Социальный фонд Кыргызской Республики, Государственная регистрационная служба при Правительстве Кыргызской Республики, Фонд обязательного медицинского страхования при Правительстве Кыргызской Республики, Государственная таможенная служба при Правительстве Кыргызской Республики, Министерство внутренних дел Кыргызской Республики, Государственная служба финансовой

разведки при Правительстве Кыргызской Республики).

Обмен данными производится по следующим сервисам:

- проверка налоговой задолженности участников государственных закупок (между Департаментом государственных закупок при Министерстве финансов Кыргызской Республики и Государственной налоговой службой при Правительстве Кыргызской Республики);

- сведения о социальной задолженности (между Департаментом государственных закупок при Министерстве финансов Кыргызской Республики и Социальным фондом Кыргызской Республики);

- сведения о юридических лицах (между Государственной налоговой службой при Правительстве Кыргызской Республики и Государственной регистрационной службой при Правительстве Кыргызской Республики);

- ПИН-сервис (между Государственной регистрационной службой при Правительстве Кыргызской Республики и Государственной налоговой службой при Правительстве Кыргызской Республики и Фондом обязательного медицинского страхования при Правительстве Кыргызской Республики);

- ориентировки по транспортным средствам (между Министерством внутренних дел Кыргызской Республики и Государственной регистрационной службой при Правительстве Кыргызской Республики);

- декларация по транспортным средствам (между Государственной таможенной службой при Правительстве Кыргызской Республики и Государственной регистрационной службой при Правительстве Кыргызской Республики);

- сводный санкционный перечень Кыргызской Республики (Перечень физических и юридических лиц). В настоящее время ГП «ЦЭВ» разработаны 29 баз данных в 13 государственных органах.

Также в рамках внедрения электронного правительства начал работу проект «Массовое сканирование архивных документов», который обеспечивает формирование электронного архива, являющегося одним из важнейших этапов в процессе формирования современной ИКТ-инфраструктуры и предоставления на ее основе качественных государственных услуг. Кроме этого, для совершенствования электронного управления, правительство Киргизии запустило такие проекты, как «Гибридная почта», «Электронная очередь» в дошкольные образовательные организации

г. Бишкек, Автоматизированная информационная система «Учет человеческих ресурсов» и «Автоматизированная система пограничного контроля e-gates», «Электронная виза КР». Перспективными для реализации рассматриваются проекты «Электронный патент», «Электронная регистрация юридических (иностраннных) лиц», «Электронный нотариус», которые бурно обсуждаются экспертами гражданского общества, международными организациями и правительством, поскольку они обеспечивают функционирование электронного управления во всех отраслях и направлениях.

Для приведения законодательства Кыргызской Республики в надлежащий вид для развития электронного государства предстоит еще много работы. В текущий период Госкомитетом разрабатываются и дополняются порядка 180 нормативных правовых актов в сфере ИКТ и связи.

Ежегодно Эстонская Академия электронного управления (E-GA) вручает награду за наилучшее внедрение системы электронного управления. Это очень престижная награда. 21 мая 2019 г. государственное предприятие «Центр электронного взаимодействия» из Кыргызской Республики было награждено Эстонской Академией электронного управления за внедрение системы обмена

данными «Түндүк» и продвижение электронного управления в Кыргызской Республике. На церемонии награждения присутствовали около 500 делегатов из 130 стран, представители ООН и Европейского союза.

Таким образом, развитие цифрового государства и электронного правительства в современном Кыргызстане имеет свои специфические особенности, связанные с условиями демократического транзита и общим цифровым развитием общества. Процесс цифровой трансформации государственного и муниципального управления в Республике Кыргызстан все еще находится на этапе своего становления. Однако при этом в сравнении с соседними странами постсоветского пространства — Узбекистаном и Таджикистаном развитие цифрового государства в Республике Кыргызстан является более успешным.

Наиболее перспективными направлениями дальнейших исследований цифровой трансформации государственного и муниципального управления в Кыргызстане могут стать вопросы эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, выборов в цифровом формате и модернизации коммуникационной инфраструктуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Володенков С.В. Интернет-пространство в системе глобального политического управления: основные сценарии трансформации. *Вестник Российской нации*. 2017;(56):147–161.
2. Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) — новый тип государства или форма глобального мирового порядка? *История государства и права*. 2017;(4):3–11.
3. Мончиньска Э. Государство в условиях цифровой революции. *Мир перемен*. 2018;(3):10–25.
4. Панченко В.Ю., Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) — концептуальное основание глобального мирового порядка. *Государство и право*. 2018;(7):99–109.
5. Белоусов С.Н. Развитие цифровой экономики в Кыргызской Республике и государствах Евразийского экономического союза. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2018;1(23):36–39.
6. Венидиктов С.В. Образ евразийской интеграции в медиасфере. *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2018;3(338):72–85.
7. Торогельдиева Б.М. Административная реформа как фактор повышения эффективности государственного управления в Кыргызстане. *Развитие территорий*. 2019;2(16):28–32.
8. Жумалиев К.М., Сагымбаев А.А., Асхаб Ахмад Али. Состояние и перспективы внедрения электронного правительства в Кыргызской Республике. URL: [https:// http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KSTUJUMALIEV22010-21.pdf](https://http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KSTUJUMALIEV22010-21.pdf).

REFERENCES

1. Volodenkov S.V. Internet space in the system of global political governance: main transformation scenarios. *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2017;(4):147–161. (In Russ.).
2. Romashov R.A. Digital state (digital state) — a new type of state or a form of global world order? *Istoriya gosudarstva i prava*. 2017;(4):3–11. (In Russ.).
3. Monchinska E. The state in the digital revolution. *Mir peremen*. 2018;(3):10–25. (In Russ.).
4. Panchenko V. Yu., Romashov R.A. Digital state — the conceptual foundation of the global world order. *Gosudarstvo i pravo*. 2018;(7):99–109. (In Russ.).

5. Belousov S.N. Development of the digital economy in the Kyrgyz Republic and the States of the Eurasian Economic Union. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*. 2018;1(23):36–39. (In Russ.).
6. Venidiktov S.V. The image of Eurasian integration in the media sphere. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer*. 2018;3(338):72–85. (In Russ.).
7. Torogeldieva B.M. Administrative reform as a factor of improving the efficiency of public administration in Kyrgyzstan. *Razvitie territorij*. 2019;2(16):28–32. (In Russ.).
8. Zhumaliev K.M., Sagymbaev A.A., Askhab Ahmad Ali. Status and prospects of e-government implementation in the Kyrgyz Republic. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KSTUJUMALIEV22010–21.pdf> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Вячеславович Савинов — доктор политических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Россия, Новосибирск
savinov@siu.ranepa.ru

Наталья Николаевна Скорых — кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Россия, Новосибирск
skoryh@siu.ranepa.ru

Бактыкан Макишевна Торогельдиева — доктор политических наук, доцент, профессор межпрограммной кафедры государственного и муниципального управления, политических технологий, менеджмента и экономики Высшей школы экономики Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
torogeldieva@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Leonid V. Savinov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean, Faculty of Public Administration Siberian Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation
savinov@siu.ranepa.ru

Natalya N. Skorykh — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of Public Administrations, Siberian Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation
skoryh@siu.ranepa.ru

Baktykan M. Torogeldieva — Doctor of Political Sciences, Professor, Academy of Public Administration under the President of Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
torogeldieva@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.В. Савинов — концепция и структура статьи, подготовка статьи, научное редактирование.

Н.Н. Скорых — аналитическая обработка материалов, подготовка статьи, сбор и обработка библиографических источников, научное и техническое редактирование.

Б.М. Торогельдиева — аналитическая обработка материалов, подготовка статьи, сбор и обработка библиографических источников.

Contribution of the authors:

L.V. Savinov — concept and structure of the article, preparation of the article, scientific editing.

N.N. Skorykh — analytical processing of materials, article preparation, collection and processing of bibliographic sources, scientific and technical editing.

B.M. Torogeldieva — analytical processing of materials, article preparation, collection and processing of bibliographic sources.

Статья поступила 12.12.2019; принята к публикации 10.01.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.12.2019; accepted for publication on 10.01.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-31-35

УДК 323(045)

Институциональные основы антикоррупционной политики в России: ретроспектива и современность

В.Е. Шорохов

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6028-395X>

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день коррупция приобретает отчетливо выраженный межгосударственный и межнациональный характер, ставит под угрозу безопасность и стабильность отдельно взятого государства, подрывает авторитет его общественных институтов и существенно снижает престиж страны в глазах мирового сообщества. Таким образом, первостепенную роль в исследовании вопросов проводимой публичной властью антикоррупционной политики на внутригосударственном уровне приобретает поиск наиболее эффективных моделей борьбы с коррупцией, понимание ее институциональности и логики фундаментальных изменений. Важное значение имеет также организация взаимодействия иерархической и горизонтальной систем противодействия коррупции в правоприменении в контексте институциональных основ, так как параметры такого взаимодействия и основные направления антикоррупционной деятельности в целом задаются системой законодательства государства, направленной на противодействие коррупции, что обуславливает актуальность ее изучения с этих позиций.

В данной статье рассматриваются исторические правовые документы и современные нормативные правовые акты, формирующие основу институциональности государственной антикоррупционной политики в России. Проводится ретроспективный анализ законодательной базы в исследуемой сфере и определяются перспективные направления ее совершенствования. Подчеркивается необходимость уточнения отдельных аспектов в контексте развития антикоррупционного законодательства в Российской Федерации. Безусловно, предложенный формат и направления изменений требуют подробной научной разработки, что предполагает перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; институциональные основы; государственная антикоррупционная политика; антикоррупционное законодательство

Для цитирования: Шорохов В.Е. Институциональные основы антикоррупционной политики в России: ретроспектива и современность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):31-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-31-35

ORIGINAL PAPER

Institutional Basis of Anti-Corruption Policy in Russia: Retrospect and Modern View

V.E. Shorokhov

Siberian Institute of Management – RANHiGS branch, Novosibirsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6028-395X>

ABSTRACT

Today corruption takes on a distinct interstate and interethnic character, threatens the security and stability of an individual state, undermines the credibility of its public institutions and significantly reduces the country's prestige in the eyes of the world community. Thus, the search for the most effective anti-corruption models, an understanding of its institutional nature and the logic of fundamental changes play a paramount role in the study of issues conducted by public authorities on anti-corruption policies at the domestic level. The organization of

interaction between the hierarchical and horizontal anti-corruption systems of law enforcement in the context of institutional frameworks is also important since the parameters of such interaction and the main directions of anti-corruption activity as a whole are determined by the system of state legislation aimed at combating corruption, which determines the relevance of its study from these positions. This article discusses historic legal documents and new normative legal acts that form the basis of the institutional nature of the state anti-corruption policy in Russia. A retrospective analysis of the legislative framework in the field under study is carried out, and promising directions for its improvement are determined. The need to clarify certain aspects in the context of the development of anti-corruption legislation in the Russian Federation is emphasized. Of course, the proposed format and directions of changes require detailed scientific progress, which suggests the prospects for further research.

Keywords: corruption; anti-corruption; institutional framework; state anti-corruption policy; anti-corruption legislation

For citation: Shorokhov V.E. Institutional basis of anti-corruption policy in Russia: Retrospect and modern view. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):31-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-31-35

В настоящее время, что ранее отмечалось неоднократно, законодательная база противодействия коррупции как основа институциональности проводимой государством антикоррупционной политики в России находится на завершающей стадии формирования [1–4].

Антикоррупционное законодательство сформировано в Российской Федерации на всех уровнях управления и представляет собой совокупность нормативных правовых актов:

- Конституция Российской Федерации;
- федеральные конституционные законы;
- общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации;
- Закон о противодействии коррупции и другие федеральные законы;
- нормативные правовые акты Президента Российской Федерации;
- нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации;
- нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти;
- нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- муниципальные правовые акты.

Отечественное антикоррупционное законодательство традиционно исходит из юридической квалификации коррупции как явления, связанного с продажностью должностных лиц. В дореволюционной и советской юридической науке это понятие преимущественно рассматривалась в уголовно-правовой категории «взяточничество».

Первые ограничения коррупционных проявлений связываются с содержанием Судной

грамоты Ивана IV (1550), устанавливающей наказание за получение взятки судебными чиновниками [5]. Уголовная ответственность за взяточничество и прочие проявления злоупотребления своим положением должностными лицами предусматривалась также в Соборном уложении 1649 г. (<https://base.garant.ru/57791500>).

Развитие государственности России при Петре I и Екатерине II сопровождалось ростом служебных злоупотреблений, а потому требовало закономерного ужесточения регулирования данной сферы общественных отношений. Основным нормативным антикоррупционным актом периода царской России было «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. (первый Уголовный кодекс России). В данном документе целый раздел (пятый) был посвящен «преступлениям и проступкам по службе государственной и общественной», а главой шестой «О мздоимстве и лихоимстве» была предусмотрена ответственность за получение взятки как «благодарности» и «откупа» [6]. При этом, криминализируя различные способы взяточничества, Уложение предусматривало наказание не только в случае получения взятки, но и обещания ее получения «по согласию и волеизъявлению виновного».

Развитие законодательства, направленного на противодействие коррупции, имело место и в императорской России. Так, в 1862 г. императором Александром II был издан указ «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы» [7], положения которого касались возникновения коррупции в системе государственной службы. В этот же период был утвержден проект нового Уголовного уложения 1903 г., предусматривающий

развитие ответственности служащих, уличенных в коррупционной деятельности. Ответственность в этих случаях наступала за принятие, получение взятки, установление незаконных взиманий в свою пользу, оказание содействия взяточничеству, присвоение и прочие нарушения, предусмотренные нормами главы 37 нового Уголовного уложения 1903 г. (<http://library6.com/books/553030.pdf>).

Вопросы коррупции в советском праве, равно как и в теоретических исследованиях данного периода, освещались слабо по причине восприятия ее как элемента буржуазного общества, не свойственного социализму. Собственно термин «коррупция» был исключен из официального использования. В мае 1918 г. Советом народных депутатов был издан декрет «О взяточничестве», предусматривающий за данное преступление лишение свободы и принудительные работы. Нормами Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. взяточничество также преследовалось по закону, а за его совершение назначалось наказание, вплоть до расстрела (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#045404611997049793>). Уголовный кодекс РСФСР предусматривал ответственность за ряд преступлений коррупционного характера: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве (ст. 173, 174, 174.1 УК РСФСР 1960 г.)^{*}.

Анализ антикоррупционных законодательных норм советского периода позволяет утверждать, что отличительной их особенностью являлась неприкосновенность высших партийных деятелей. Ослабление государственного регулирования рассматриваемого периода фактически обусловило развитие теневого рынка, а коррупционные явления оказались своего рода средством становления рыночных отношений и способом получения превосходства в конкурентных отношениях.

На сегодняшний день, как нами было отмечено ранее, система антикоррупционного законодательства Российской Федерации представляет собой развитую базу нормативных правовых актов, в основе которой — Конституция Российской Федерации (ст. 2, 3, 18 и др.), федеральный конституционный закон, внесенный в 2008 г. изменения в правовой статус Пра-

вительства Российской Федерации, общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы о противодействии коррупции, об антикоррупционной экспертизе. Антикоррупционное законодательство включает также иные федеральные законы, нормативные акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, иных федеральных органов государственной власти, законы субъектов России и иные нормативные акты субъектов, а также правовые акты муниципальных образований, направленные на противодействие коррупции.

Учитывая масштабность стоящих перед государством антикоррупционных задач и двухуровневое построение государственной власти в России, часть полномочий в сфере антикоррупционного регулирования обоснованно возложена на субъекты.

Развитие государственности России при Петре I и Екатерине II сопровождалось ростом служебных злоупотреблений, а потому требовало закономерного ужесточения регулирования данной сферы общественных отношений. Основным нормативным антикоррупционным актом периода царской России было «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.

Региональная правовая база в основном ориентирована на выполнение стандартов, сформированных на уровне федерального законодательства. Налаженная взаимосвязь региональных антикоррупционных мер и направлений, определенных в Национальной стратегии противодействия коррупции и федеральной законодательной базе, позволяет констатировать устойчивые тенденции формирования комплексного самостоятельного регионального антикоррупционного законодательства.

Антикоррупционное законодательство России постоянно совершенствуется, благода-

^{*} Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу с 1 января 1997 г.).

ря чему приобретает все более четкие рамки, становится системным, получает апробацию и обратную связь в правоприменении. Правотворчество охватывает такие направления, как лоббизм, урегулирование конфликта интересов, минимизация коррупционных рисков, повышение значимости и ответственности общественных институтов и др. На федеральном уровне правовая основа противодействия коррупции в целом сформирована. Ключевой задачей ее развития и совершенствования являются реализация механизмов надлежащего применения правовых предписаний, регулирование кадрового и материального обеспечения.

Между тем для России остаются актуальными вопросы имплементации международных норм права, развития правовых моделей, позволяющих минимизировать коррупционные риски, а также укрепления законодательного антикоррупционного регулирования на региональном и муниципальном уровнях. Актуальность сохраняется также в вопросах регулирования противодействия коррупции в частной сфере, которое должно быть нацелено на четкое определение границ государственного вмешательства в частную сферу при соблюдении баланса частных и публичных интересов. Отдельного внимания требуют развитие превентивных мер государственной

антикоррупционной политики и рассмотрение эффективности антикоррупционного законодательства субъектов России, в актах которых прослеживается наличие коррупциогенных факторов.

Таким образом, дальнейшее развитие антикоррупционного законодательства в контексте проводимой в России антикоррупционной политики должно опираться на доктринальное осмысление его природы и перспектив, систематизацию и обеспечение надлежащего правоприменения, особенно на региональном и местном уровне [8]. Также стоит подчеркнуть, что даже самое совершенное законодательство в сфере противодействия коррупции обречено на декларативное существование, а работа уполномоченных органов — на имитацию противодействия коррупции, в отсутствие участия в его практической реализации всех слоев гражданского общества. По этим причинам необходимая законотворческая деятельность по совершенствованию антикоррупционного законодательства и полноценному формированию институциональности проводимой государственной антикоррупционной политики в России должна органически сочетаться с мерами по вовлечению общества по их применению на основе развитого антикоррупционного образования и культуры [9].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шорохов В. Е. Антикоррупционное образование в рамках реализации государственной антикоррупционной политики. *Развитие территорий*. 2016;3–4(6):74–78.
2. Шорохов В. Е., Савинов Л. В. Восприятие антикоррупционного опыта зарубежных стран как гарант прав человека в России. *Сибирский международный*. 2017;(19):170–173.
3. Шорохов В. Е. О роли антикоррупционного образования и воспитания в формировании антикриминальной личности. *Правда и закон*. 2018;2(4):81–83.
4. Шорохов В. Е. Перспективы антикоррупционной политики в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(37):66–70.
5. Лукпанов А. Ж., Чепрасов М. Г. История развития законодательства по борьбе с коррупцией в государственной службе России. Материалы XLIII Международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки» (Россия, г. Новосибирск, 7 июня 2016 г.). URL: <https://sibac.info/studconf/econom/xliiii/55750>.
6. Воробьев А. С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: проблематика определения его рамок и содержания. *Актуальные проблемы российского права*. 2017;8(81):11–16.
7. Варфоломеева Н. П. Исторический опыт борьбы с коррупцией. *Основы экономики, управления и права*. 2013;5(11):8–13.
8. Шорохов В. Е. Антикоррупционное правосознание в системе местного самоуправления. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2018;(4):22–26.
9. Шорохов В. Е. Актуальные вопросы антикоррупционного образования и культуры. *Культура: управление, экономика, право*. 2019;(2):29–34.

REFERENCES

1. Shorokhov V. E. Anti-corruption education in the framework of the implementation of the state anti-corruption policy. *Razvitiye territoriy*. 2016;3–4(6):74–78. (In Russ.).
2. Shorokhov V. E., Savinov L. V. Perception of the anti-corruption experience of foreign countries as a guarantor of human rights in Russia. *Sibirskiy mezhdunarodnyy*. 2017;19:170–173. (In Russ.).
3. Shorokhov V. E. On the role of anti-corruption education and upbringing in the formation of an anti-criminal personality. *Pravda i zakon*. 2018;2(4):81–83. (In Russ.).
4. Shorokhov V. E. Prospects for anti-corruption policy in modern Russia. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2019;1(37):66–70. (In Russ.).
5. Lukpanov A. Zh., Cheprasov M. G. The history of the development of anti-corruption legislation in the public service of Russia. Materials of the XLIII International scientific-practical conference “Scientific community of students of the XXI century. Economic sciences” (Russia, Novosibirsk, June 7, 2016). URL: <https://sibac.info/studconf/econom/xliii/55750> (accessed on 11.25.2019). (In Russ.).
6. Vorobiev A. S. The Institute of State Crimes during the validity of the Criminal and Correctional Penal Code of 1845: problems of determining its scope and content. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 2017;8(81):11–16. (In Russ.).
7. Varfolomeeva N. P. Historical experience in the fight against corruption. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. 2013;5(11):8–13. (In Russ.).
8. Shorokhov V. E. Anti-corruption justice in the system of local government. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy*. 2018;4:22–26. (In Russ.).
9. Shorokhov V. E. Actual issues of anti-corruption education and culture. *Kul'tura: upravleniye, ekonomika, pravo*. 2019;2:29–34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Евгеньевич Шорохов — аспирант факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск, Россия
v-shorohov@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav E. Shorokhov — Postgraduate student, Faculty of State and Municipal Management of the Siberian Institute of Management — RANHiGS branch, Novosibirsk, Russia
v-shorohov@list.ru

Статья поступила 15.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-36-39

УДК 321.7:004.77(045)

Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий

М.Ю. Карапузов

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-5666-9446>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с возможностями широкого внедрения механизмов прямой демократии, представшие перед обществом и государством в результате стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Актуальность темы обусловлена вызовами, с которыми сталкиваются правительства всех демократических стран мира в рамках постиндустриального общества. Целью работы является исследование перспектив повышения эффективности демократических процессов посредством внедрения информационных технологий. Также автор рассматривает основные механизмы прямой электронной демократии и анализирует их применение на практике. Методы исследования включают в себя обзор соответствующих источников и научной литературы, анализ актуальной статистики, методы анализа и синтеза, контент-анализ.

Ключевые слова: прямая демократия; электронная демократия; электронное голосование; информационные технологии; блокчейн

Для цитирования: Карапузов М.Ю. Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):36-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-36-39

ORIGINAL PAPER

Prospects for the Development of Direct Democracy Mechanisms Using Information and Communication Technologies

M. Yu. Karapuzov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5666-9446>

ABSTRACT

This article discusses theoretical issues related to the possibilities of widespread implementation of direct democracy mechanisms provided to society and the state as a result of the rapid development of information and communication technologies. The relevance of the topic is due to the challenges faced by governments of all the democratic countries of the world in the framework of post-industrial society. The work aims to study the prospects for improving the efficiency of democratic processes through the introduction of information technology. The underlying mechanisms of direct e-democracy are examined, and their application in practice is analyzed. Research methods include a review of relevant sources and scientific literature, analysis of relevant statistics, analysis and synthesis methods, and content analysis.

Keywords: direct democracy; e-democracy; e-voting; information technology; blockchain

For citation: Karapuzov M. Yu. Prospects for the development of direct democracy mechanisms using information and communication technologies. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):36-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-36-39

В настоящее время информационно-технические (ИТ) технологии оказывают влияние на все сферы общества, и политическая жизнь не является исключением. Правительства разных стран расширяют свое присутствие в Интернете, создаются интернет-платформы государственных учреждений. А социальные сети стали удобным способом выражения общественного мнения, предоставив новые возможности получения обратной связи. Развиваются электронные площадки для обсуждения законопроектов гражданами, где они могут высказывать свое мнение и предлагать собственные инициативы. Цифровая революция знаменует появление новых форм политической коммуникации, что оказывает существенное влияние на демократические процессы [1]. Данные факты привели к появлению нового явления — концепции электронной демократии и электронного правительства.

Электронная демократия представляет собой форму демократии, при которой информационно-коммуникационные технологии становятся ведущим средством взаимодействия общества, государства и социально-политических процессов. Поскольку все больше граждан используют Интернет в повседневной жизни, то с высокой вероятностью они так или иначе участвовали бы в политической жизни общества. Информационные технологии способствуют вовлечению новых социальных групп в политику (особенно молодых людей), автоматизации бюрократических процедур, созданию информационного пространства для коммуникации, повышению гражданской активности и инициативы, а также общественному контролю над органами власти.

Также ИТ ведут к трансформации традиционных политических институтов и реинжинирингу традиционных политических процессов. Мгновенное предоставление информации, внедрение новых методов и технологий для более эффективного управления, создание возможностей для широкого и активного политического участия граждан открывают новые перспективы для изменения существующей демократической парадигмы и преодоления ее системного кризиса.

Благодаря информационным технологиям современная модель представительной демократии может быть трансформирована в иную модель открытого типа с активным участием граждан, в основе которой лежат механизмы прямой демократии [2, 3]. В рамках такой модели можно выделить следующие направления

развития: электронное голосование (e-voting), сетевая коммуникация, выдвижение гражданских инициатив, самоорганизация граждан, открытое правительство.

Электронное голосование призвано повысить удобство и прозрачность выборов, а также способствовать повышению политической вовлеченности большего количества граждан. Первой в мире страной, применившей систему интернет-голосования на общенациональном уровне, стала Эстония (www.nytimes.com/2007/02/22/technology/22iht-evote.4691301.html). В 2007 г. на парламентских выборах гражданам была предоставлена возможность онлайн-голосования прямо из дома. Процесс электронного голосования стал возможен благодаря смарт-картам, пришедшем на смену традиционным бумажным паспортам. Система электронного голосования широко распространена и в Швейцарии, где граждане принимают активное участие в управлении кантонами (<https://houseofswitzerland.org/swissstories/history/way-modern-direct-democracy-switzerland>).

При этом основной проблемой электронного голосования является обеспечение информационной безопасности и прозрачности выборов. Использование стандартных языков программирования и средств работы с базами данных, централизованная архитектура системы, отсутствие анонимности и гарантии целостности данных делают электронное голосование уязвимым. К примеру, в России в 2009 г. в рамках эксперимента по электронному опросу избирателей было зафиксировано более 270 тыс. кибератак, из них 21 — потенциально опасная (https://yandex.ru/search/?text=ria.ru%2F20090302%2F163587727.html&lr=213&clid=2337552-30&win=400&suggest_reqid=5635805143029232707159903950848).

Технология блокчейн способна устранить подобные недостатки и усовершенствовать систему электронного голосования. Блокчейн представляет собой распределенный реестр, хранящий данные, выстроенные в виде цепочки блоков. При этом информация добавляется блок за блоком, каждый последующий блок хранит сведения обо всех предыдущих, а все данные в любой момент времени можно перепроверить. Внести запись в цепочку могут только те, кому предоставлен доступ, а любые попытки несанкционированного изменения хотя бы одного из блоков будут незамедлительно зафиксированы. Например, при попытке фальсификации голосов избирателей, будет нарушена целостность цепочки. Таким образом, возможность

взлома системы, основанной на технологии блокчейн, стремится к нулю.

Использование технологии блокчейн в электронном голосовании позволит обеспечить прозрачность выборов и гарантировать право на тайное голосование. Реализация данной технологии в политике способна преодолеть недоверие рядовых граждан к системе онлайн-выборов. Многие страны выразили заинтересованность в использовании блокчейна на выборах. В ноябре 2018 г. в штате Западная Вирджиния был успешно проведен эксперимент по использованию удаленного онлайн-голосования на основе технологии блокчейн и распознавания лиц (www.washingtonpost.com/technology/2018/11/06/west-virginians-countries-have-voted-by-mobile-device-biggest-blockchain-based-voting-test-ever/). Первые выборы президента страны с использованием данной технологии прошли в марте 2018 г. в Сьерра-Леоне [4]. В обоих случаях записи о каждом голосе добавлялась в цепочку блоков, а после автоматического подсчета голосов каждый избиратель мог проверить корректность работы системы. По заявлению специалистов, в результате применения технологии блокчейн удалось обеспечить прозрачность процедуры выборов и подсчета голосов и значительно повысить явку избирателей.

Россия также стремится не отставать от современных тенденций. В 2019 г. Президентом РФ был утвержден эксперимент по проведению интернет-голосования, основанного на технологии блокчейн, в Московскую городскую думу 8 сентября 2019 г.¹ Голосование проходило на официальном сайте мэра Москвы, при этом избирателям гарантировалось соблюдение тайны голосования, которая обеспечивалась технологией, аналогичной «слепой» подписи, когда уникальные ссылки формируются путем одновременной генерации хешей (www.mos.ru/city/projects/blockchain-vybory/). Итоги выборов подводились автоматически и только после окончания голосования. Любой желающий после оглашения результатов мог удостовериться в том, что его голос учтен правильно, сопоставив код транзакции и значения зашифрованного голоса с помощью программного обеспечения или непосредственно на портале mos.ru.

Вторым механизмом электронной прямой демократии является сетевая коммуникация (интернет-

коммуникация). Она подразумевает обсуждение законов, решений и предложений непосредственно гражданами на интернет-площадках. Преимущества, предоставляемые информационно-коммуникационными технологиями (такие как проведение онлайн-дискуссий, диалог с представителями власти, проведение опросов и голосований), позволяют приблизить граждан к процессу принятия решений [5]. Наиболее ярким примером осуществления механизма сетевой коммуникации является конституционная реформа в Исландии 2010–2013 гг. В разработке проекта новой конституции принимали участие простые граждане. Каждый мог присылать свои предложения по электронной почте, а в социальных сетях велись онлайн-дискуссии. Проект нового основного закона был одобрен на референдуме в 2012 г., однако по сей день не принят правительством (www.ruv.is/frett/meirihluti-sagdi-javid-ollum-spurningum). Несмотря на это, впервые всему миру был представлен проект краудсорсинговой конституции, пока что не имеющий аналогов.

Третье направление развития прямой цифровой демократии — выдвижение инициатив. Это подразумевает создание единой интернет-платформы, где любой гражданин может предложить свою идею или просьбу. Инициативы, поддержанные определенным количеством граждан, должны быть рассмотрены органами власти и иметь юридическую силу. В различных странах мира существуют интернет-порталы для создания и подписания петиций — коллективных обращений граждан к органам власти. В России в 2013 г. была запущена онлайн-платформа «Российская общественная инициатива»². Инициативы, набравшие более 100 тыс. голосов на федеральном уровне, в обязательном порядке рассматриваются экспертными группами, которые могут направить их на рассмотрение в Госдуму.

Еще одним компонентом прямой электронной демократии является развитие самоорганизующихся виртуальных сетевых сообществ. Граждане все чаще используют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) для объединения с целью решения определенных вопросов и защиты своих прав. Это является важнейшей задачей любого демократического общества и гарантирует

¹ Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905290064.

² Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса „Российская общественная инициатива»». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201303040014 (дата обращения: 20.08.2019).

народный суверенитет. В качестве площадок для формирования сетевых сообществ выступают социальные сети, мобильные приложения и веб-сайты. Например, система «Демократор» позволяет объединяться гражданам вокруг общих проблем, совместно создавать коллективные обращения в органы власти и отслеживать состояние их рассмотрения (<https://democrator.ru/about>).

Наконец, в качестве пятого направления развития прямой электронной демократии можно выделить концепцию открытого правительства. Она подразумевает использование информационных технологий для обеспечения максимальной прозрачности деятельности органов власти и гражданского контроля. Открытый диалог между обществом и государством, новые способы предоставления

актуальной информации и получение обратной связи способствует повышению эффективности государственного управления в интересах народа.

Таким образом, внедрение информационно-коммуникационных технологий способствует достижению подлинной демократии. Информационное общество создает новые возможности и механизмы для расширения демократического участия граждан, сокращения разрыва между народом и элитой, способствует установлению диалога между властью и обществом и повышению прозрачности и подконтрольности политических процессов; обеспечивает гарантии соблюдения прав и свобод. Электронная демократия дает надежду на формирование справедливого общества, направленного на всестороннее развитие каждого человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бершадская Л.А., Биккулов А.С., Чугунов А.В. Дискуссии в социальных медиа и электронная демократия: развитие исследовательского инструментария. *Политэкс.* 2013;9(2):230–41.
2. Barber B. Strong democracy: Participatory democracy for a New Age. Berkeley: Univ. of California Press; 1984.
3. Slaton C.D. Televote: expanding citizen participation in the quantum age. N.Y., Praeger; 1992.
4. Космарский А. Первые в мире выборы на блокчейне: что это было? URL: indicator.ru/mathematics/vybory-serraleone-blokchejn.htm.
5. Reedy J. and Wells C. Information, the internet, and direct democracy. *Routledge handbook of Internet politics.* 2009:157–172.

REFERENCES

1. Bershadskaya L. A., Bikkulov A. S., Chugunov A. V. Discussions in social media and electronic democracy: the development of research tools. *Polytex.* 2013;9(2):230–41. (In Russ.).
2. Barber B. Strong democracy: Participatory democracy for a New Age. Berkeley: University of California Press; 1984.
3. Slaton C.D. Televote: expanding citizen participation in the quantum age. New York, N.Y.: Praeger; 1992.
4. Kosmarsky A. The first blockchain elections in the world: what was it? News of science and technology — Indicator. URL: indicator.ru/mathematics/vybory-serraleone-blokchejn.htm (accessed on 08.17.2019). (In Russ.).
5. Reedy J., Wells C. Information, the internet, and direct democracy. *Routledge handbook of Internet politics.* 2009:157–172.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Юрьевич Карпузов — студент 4-го курса факультета прикладной математики и информационных технологий, Финансовый университет, Москва, Россия
m.karpuzov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maksim Yu. Karapuzov — 4-year student, Faculty of Applied Mathematics and Information Technologies, Financial University, Moscow, Russia
m.karpuzov@yandex.ru

Статья поступила 15.12.2019; принята к публикации 10.01.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.12.2019; accepted for publication on 10.01.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-40-46
УДК 327(045)

Динамика геополитики: к вопросу о понятии «геополитические процессы»

В.М. Родачин

Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена методологии и практике исследования геополитических процессов. В ней показаны два взаимосвязанных подхода, применяемых в геополитической науке: статический, связанный с рассмотрением структурных компонентов геополитического пространства, совокупности акторов геополитики, факторов геополитического влияния, а также динамический, отражающий как процессы адаптации, сохранения геополитической картины мира, так и происходящие измерения геополитической реальности. Каждый из методологических подходов характеризуется соответствующим теоретико-понятийным аппаратом, сформированным в классической и современной геополитике. Обращается внимание на недостаточное теоретическое осмысление в современной отечественной геополитике терминологии геополитической динамики, в том числе, самого понятия «геополитический процесс» («геополитические процессы»). Предпринимается авторская попытка выделения основных признаков, характерных для геополитических процессов, определения их сущности, раскрытия специфики процессов функционирования и развития, а также особенностей процессов, связанных с действиями геополитических центров силы, со стратегией государств, использующих выгоды территориально-географического расположения.

Ключевые слова: динамика геополитики; геополитический процесс; геополитическое соперничество (борьба); геополитическое доминирование; экспансия; пространственное расширение; пространственное сжатие

Для цитирования: Родачин В.М. Динамика геополитики: к вопросу о понятии «геополитические процессы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):40-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-40-46

ORIGINAL PAPER

Dynamics of Geopolitics: On the Question of Concept “Geopolitical Processes”

V.M. Rodachin

Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

ABSTRACT

The article is devoted to the methodology and practice of the study of geopolitical processes. It shows two interrelated approaches used in geopolitical science: static, associated with the consideration of the structural components of the geopolitical space, a set of actors of geopolitics, factors of geopolitical influence, as well as dynamic, reflecting both the processes of adaptation, preservation of the geopolitical picture of the world, and the ongoing dimensions of geopolitical reality. Each of the methodological approaches is characterized by a corresponding theoretical and conceptual apparatus formed in classical and modern geopolitics. Attention is drawn to the lack of attention and theoretical understanding in current domestic geopolitics terminology of geopolitical dynamics, including the concept of “geopolitical process (geopolitical processes)”. The author attempted to highlight the main features of the geopolitical processes, determining their essence, disclosure of the specifics of processes of functioning and development, as well as characteristics of the processes associated with the actions of geopolitical centres of power, as well as the strategy States that benefit from the geographically-geographical location.

Keywords: dynamics of geopolitics; geopolitical process; geopolitical rivalry (fighting); geopolitical dominance; expansion; spatial expansion; spatial contraction

For citation: Rodachin V.M. Dynamics of geopolitics: On the question of concept “geopolitical processes”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):40-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-40-46

ВВЕДЕНИЕ

С зарождения геополитики как самостоятельной науки на рубеже XIX–XX вв., «изучающей отношение государства к пространству» [1], в центре ее внимания находятся *динамика* пространственно-властных отношений в мировой политике, борьба между великими державами за территориальный передел мира, расширение своего «жизненного пространства» и подконтрольных сфер влияния (территорий и регионов, на которые распространяются их национальные интересы).

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Ключевыми понятиями для классической геополитики, изучающей свой объект в *статике*, являются: «*жизненное пространство государства*», «*теллурократия*» (сухопутное могущество), «*талассократия*» (морское могущество), «*мировой остров*» (World Island — континентальная Евразия, оплот теллурократии), «*сердцевинная земля*» (Heartland — центральная часть Евразии — ядро «цивилизации Суши»), «*внутренний полумесяц*» (Inner crescent, Coastland — буквально «окаемочная земля»: Европа — Аравия — Индокитай), «*внешний полумесяц*» (Outer crescent — зона талассократии: Америка — Африка — Океания). В центре «мирового острова», в зоне «Heartland», находится «*географическая ось истории*» («Pivot Area»). Х. Макиндер отмечал, что Россия, Германия или Китай в результате захвата доминирующего положения в Хартленде способны обойти морской мир с флангов. Любые попытки объединения этих стран Макиндер считал опасными для Великобритании и других государств внешнего полумесяца. Единственное спасение от соединения России и Германии он видел в создании разделительного яруса или «*санитарного кордона*» [2].

Для выделения ключевой зоны господства в мире, в отличие от Маккиндера, сформулировавшего принцип: «Кто правит хартлендом, тот правит миром», Николас Спайкмен (1893–1944 гг.) ввел понятие *Римленд* (Rimland — «Дуговая земля»). Эта гигантская дуга прибрежной полосы, окружающей Хартленд с запада, юга и юго-востока (см. *рисунок*). Именно контроль над этим пространством, как считал Н. Спайкмен, имеет решающее стратегическое значение для контроля над Евразией [3].

ДИНАМИКА ГЕОПОЛИТИКИ И ЕЕ ТЕРМИНОЛОГИЯ

В свою очередь, базисными понятиями для геополитики, нацеленной на *динамику* геополитической обстановки, служат термины «*геополитический процесс*» («*геополитические процессы*»), «*трансформация мирового политического порядка*», «*раздел и передел мира*», «*соперничество мировых держав за сферы влияния*», «*Большая игра*» (Great Game), «*экспансия*», «*пространственное расширение*», «*пространственное сжатие*», «*восходящие и нисходящие центры влияния*» и др. Под «*Большой игрой*», метафорой, пришедшей из писем Артура Конолли и книг Редьярда Киплинга¹, понималось противостояние Англии и Российской империи за контроль над важнейшими стратегическими пространствами евразийского материка, прежде всего над Средней и Центральной Азией, а также Кавказом и Ближним Востоком, длившееся на протяжении всего XIX в. [4].

В современных условиях получил распространение термин «New Great Game» (новая Большая игра), характеризующий геополитические процессы соперничества США, России, Китая, ряда региональных держав за контроль над пространством Евразии, прежде всего Центральной Азии. «Если сто лет назад противоборство между Британской и Российской империями носило преимущественно военно-политический характер, то сегодня в основе Большой игры борьба за контроль над природными ресурсами, прежде всего — над углеводородами (нефть и газ)» [5].

Геополитическая картина мира всегда находится в состоянии трансформации, и новые разделы и переделы его неизбежны. Каждый из них отражает только временное равновесие, достигнутое имеющимся на определенный момент времени соотношением сил. И сегодня возрастающая глобальная конкуренция между США, Китаем, Европейским союзом, Российской Федерацией, а также соперничество региональных центров силы, нередко принимающее форму «преднамеренной деструктивности, наряду с ростом напряженности, накоплением кризисов, террористических угроз и войн, со-

¹ Впервые о «Большой игре» в письме губернатору Бомбея написал офицер английской армии и служащий Ост-Индской компании Артур Конолли. В 1901 г. о «Большой игре» узнал весь мир. О ней в своем романе «Ким» написал английский писатель Редьярд Киплинг.

Рис. / Fig. Хартленд и Римленд как зоны борьбы за геополитическое господство / Heartland and Rimland as zones of struggle for geopolitical supremacy

Источник / Source: Географическое положение обрекает Россию на конфронтацию с США.

URL: <https://politrussia.com/world/pochemu-my-s-326> / Geographical position condemns Russia to confrontation with the United States. URL: <https://politrussia.com/world/pochemu-my-s-326>.

здает обстановку постоянной тревоги и неопределенности в мире»².

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НЕРАЗВИТОСТЬ ДИНАМИКИ ГЕОПОЛИТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Несмотря на заметно повысившуюся роль геополитических процессов, отечественная геополитика, возродившаяся в 90-х гг. XX в. (а до этого считавшаяся буржуазной лженаукой), не оказывает им достаточного внимания и не предлагает теоретического осмысления. В ней по-прежнему преобладает статический подход, отдающий приоритет структурным компонентам геополитики и различного рода факторам геополитического влияния.

Как следствие, при характеристике предмета геополитики как науки, большинство авторов не включают в него геополитические процессы. Преобладающим является следующее определение

предмета геополитики: «это наука, изучающая в единстве географические, экономические, военные, исторические, политические и иные взаимодействующие факторы, оказывающие влияние на стратегический потенциал государства». В содержании многих отечественных учебников по геополитике отсутствуют разделы и главы, посвященные целостной характеристике геополитических процессов, их классификации.

В немногих работах, посвященных геополитическим процессам, сохраняются разночтения по масштабу охватываемых ими пространств. Одни авторы исходят из того, что «Геополитика — это наука о взаимодействии пространства и политики в глобальном масштабе», контроле «над планетарным пространством». Другие считают, что «Структура геополитики явственно дифференцируется на глобальную, региональную и локальную» [6]. С точки зрения геополитических отношений, отмечается их проявление «на международном, региональном, государственном уровнях. Однако главным остается глобальный уровень» [7].

² Geopolitical Outlook for Europe Confrontation vs Cooperation. European Political Strategy Centre Brief, 2018. 8 June.

Не во всех словарях геополитических терминов и в энциклопедических изданиях можно найти *понятия* «геополитический процесс», «геополитические процессы» и их определения.

Не всегда в диссертационных и монографических исследованиях, объектом и предметом которых являются геополитические процессы, *даются общие определения данного понятия*, на основе которых вырабатываются авторские определения конкретных исследуемых геополитических процессов [8].

Недостаточно конкретизирована и описана вся совокупность современных геополитических процессов, характеризующих динамику геополитической картины мира. В целом, по нашему мнению, имеет место недостаточная разработка *теории геополитических процессов*, как относительно самостоятельного раздела геополитики.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС (ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ) КАК ПОНЯТИЕ

Среди отечественных ученых не сложилось единства мнений в отношении сущности понятий «геополитический процесс» и «геополитические процессы». Высказываются различные точки зрения на их соотношение и определение. Нередко они отождествляются по причине внешне не существенной разницы между использованием понятий в единственном или множественном числе. Между тем *понятие «геополитический процесс»* имеет общий, интегрированный характер и выражает, по нашему мнению, обобщенную, целостную картину динамики того или иного геополитического пространства, воплощаемую в ключевых тенденциях изменения геополитической ситуации как в глобальном масштабе, так и в отдельных геополитических регионах. Понятие *«геополитические процессы»* имеет дифференцированный характер и охватывает все множество, всю совокупность отдельных, конкретных процессов, осуществляющихся в определенном геополитическом пространстве. К их числу, например, относят *«стратегическое соперничество и геополитическое противоборство мировых держав»*, *«процесс геополитической экспансии США на постсоветском пространстве и вытеснения Российской Федерации из зон ее традиционного влияния»*, *«геополитическую трансформацию Европы»*,

«геополитическую трансформацию Юга России» [9], *«вывод каспийско-черноморской зоны из-под влияния России»* [10], *«соперничество цивилизаций»* [11] и т.д. Вместе с тем следует признать, что многие конкретные геополитические процессы теоретически не артикулированы и не систематизированы, не классифицированы по видам, не имеют однозначных названий, точно выражающих их содержание и специфику. Нередко в литературе термин «геополитические процессы» механически привязывается к тем или иным регионам мира, а их содержательный анализ ведется без конкретизации совокупности этих процессов, выделения подпроцессов. Например, «геополитические процессы в Западной и Восточной Европе», «геополитические процессы на Ближнем Востоке», «геополитические процессы в Центральной Азии» [12] и т.п.

В современных условиях получил распространение термин «New Great Game» (новая Большая игра), характеризующий геополитические процессы соперничества США, России, Китая, ряда региональных держав за контроль над пространством Евразии, прежде всего Центральной Азии.

Отличительными признаками любого геополитического процесса, связанного с мировыми и региональными центрами силы, по нашему мнению, являются их *присутствие*, прежде всего военное (советники, базы, поставки военной техники, миротворческие силы и т.п.), экономическое (инвестиции, представительство банков, фирм, предприятий, совместные экономические проекты и др.), этносоциальное (родственные и разделенные народы, диаспоры), культурное (язык, религия, филиалы вузов, и др.), иное в территориальных пространствах других государств; *действия по обеспечению и продвижению своего присутствия* (национальных интересов) на территории других государств; *соперничество конкурирующих центров силы за доминирование в пространстве определенных государств*,

контроль стратегических коммуникаций, транспортных коридоров, сырьевых месторождений, других ключевых районов в них; *экспансия* (*расширение* подконтрольных территориальных пространств) или *сужение* сфер и территориальных зон влияния центров силы.

Что касается *сущности* такого рода геополитического процесса (геополитических процессов), то она выражает качественную определенность, присущую данным явлениям, взятым в их динамике. Представляется, что *геополитическими по своей природе* являются процессы, характеризующиеся *развертыванием во времени и в пространстве* целенаправленных, взаимосвязанных действий со стороны каждого из центров силы за сохранение своего присутствия и влияния в определенных территориальных пространствах (процессы функционирования) или за изменение соотношения сил в мировом или региональном пространстве, передел сфер влияния (процессы развития).

Политическая динамика, как известно, имеет две стороны, ориентированные как на сохранение, воспроизводство, так и изменение политического порядка. С учетом данного обстоятельства понятие «геополитический процесс» нельзя ограничивать только изменениями геополитической реальности, обстановки, картины мира. Некоторые из них имеют характер функционирования. Основные усилия США как мировой сверхдержавы, например, направлены на сохранение модели однополярного миропорядка и ее гегемонии в мировом пространстве.

Нельзя не обратить внимание на своеобразие геополитических процессов, связанных с взаимоотношениями ряда стран, обладающих выгодами от своего географического положения, с другими государствами, в том числе с великими державами, региональными центрами силы. Збигнев Бжезинский называл такие страны «геополитическими центрами» в противоположность государствам, являющимся «геостратегическими действующими лицами». Геополитические центры — «это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Чаще всего геополитические центры обуславливаются своим географическим положением, которое в ряде

случаев придает особую роль в плане контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геостратегическим действующим лицам в получении ресурсов» [13].

К числу таких стран относится Украина. Украинская территория является промежуточным пространством между Европой и Россией [14]. Используя свое транзитное положение между Европой и Россией, прежде всего в транспортировке российского газа, Украина в постсоветский период постоянно провоцировала газовые конфликты, добиваясь от России односторонних экономических и политических уступок. Ценой фактического шантажа европейских потребителей российского газа возможным срывом нового транзитного договора с Россией ей удалось навязать выгодные для себя условия: заключить 21 декабря 2019 г. договор сроком на пять лет, с возможностью пролонгации на десять лет; зарезервировать объемы транзита — 65 млрд кубометров в 2020 г., по 40 млрд кубометров в 2021–2024 гг.; получить 2,9 млрд долл. выплат «Газпрома» «Нафтогазу» по решению Стокгольмского арбитража [15]. Геополитическая роль Украины, кроме того, заключается в том, что в планах США она является важнейшим плацдармом и инструментом сдерживания России, провоцирования военно-политической напряженности непосредственно у границ нашей страны. «Территория Украины рассматривается как часть антироссийского “санитарного кордона” “Междуморья”, место для размещения стратегических и обычных вооружений США и НАТО. С ее территории в Россию планируют экспортировать майданские технологии и настроения. Вооруженный конфликт на Донбассе русофобские силы стремятся превратить в долговременный источник напряженности и хаоса на юго-западных рубежах РФ» [16].

Подытоживая, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, объективная оценка и учет геополитических изменений, происходящих в мировом социуме, разделенном государственными границами и сферами влияния, невозможна без понятия «геополитический процесс».

Во-вторых, назрела потребность в дополнении «факторной», «статичной» геополитики, преобладающей в отечественной науке с начала ее становления, исследованиями, отражающими

ми сложную динамику геополитической реальности в терминах геополитических процессов.

В-третьих, следует усилить теоретическую базу анализа геополитических процессов, устраняя неоднозначность их толкования, неопределенность существенных признаков, размытость критериев идентификации принадлежности, что не позволяет провести строгое различие между собственно геополитическими процессами и другими процессами, называемыми «геополитическими», но не имеющими к ним непосредственного отношения.

В-четвертых, применение процессного подхода не может не сопровождаться выделением и характеристикой как взаимосвязанных циклов функционирования, так и оценкой различных этапов, фаз происходящих изменений в динамике соответствующих геополитических процессов функционирования и развития. Важно исключить ситуации, при которых процессы описываются как зрелые и сформировавшиеся, тогда как в действительности они только зародились, либо находятся в состоянии упадка и прекращения своего существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия; 2008.
2. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. *Полит.* 1995(4):162–169.
3. Spykman N. J. *The Geography of the Peace*, New York: Harcourt, Brace and Company; 1944. XII. 66 p.
4. Хопкирк П. Большая игра. Битва империй за Центральную Азию. Пер. с англ. М.: Vox Populi; 2010. 440 с.
5. Михалев А. В. «Новая Большая игра» в Центральной Азии: фактор Монголии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-bolshaya-igra-v-tsentralnoy-azii-faktor-mongolii-1>.
6. Исаев Б. А. Состояние современной геополитики в ее сравнении с геополитикой классического периода 1890–1940-х годов. ТРУДЫ СПБГИК. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-sovremennoy-geopolitiki-v-ee-sravnenii-s-geopolitikoy-klassicheskogo-perioda-1890-1940-h-godov>.
7. Белашов И. И. Геополитические интересы в структуре современного политического процесса. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь; 2004.
8. Газиев В. З. Геополитические процессы на Кавказе в условиях глобализации. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2011.
9. Жаде З. А. Юг России в условиях геополитической трансформации. Политическая наука на Юге России: Итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции 11–12 марта 2009 г. Вып. 1. Ростов на/Д: Изд-во СКАГС; 2009.
10. Эжиев И. Б. Геополитические процессы в Каспийском регионе в 90-е гг. XX — начале XXI в. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: ГУУ; 2005.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ; 2005.
12. Артыкбаев А. М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 20.03.12. М.; 2014.
13. Бжезинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения; 1998.
14. Ирхин А. Украина в современных геополитических измерениях. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/geopolitics/14.html>.
15. Епифанова М. Транзитный поток. Россия и Украина в последний момент подписали протокол соглашения о прокачке газа. *Новая газета*. 2019. 21 декабря.
16. Разумовский А. Украина как жертва большой геополитики. URL: <https://cont.ws/@colonel-cassad/112595>.

REFERENCES

1. Chellen R. The state as a form of life. Moscow: Russian political encyclopedia; 2008. (In Russ.).
2. Mackinder X. J. The geographical axis of history. *Policy*. 1995(4):162–169.
3. Spykman Nicholas John. *The Geography of the Peace*. New York: Harcourt, Brace and Company; 1944. XII.
4. Hopkirk P. The great game. The battle of the empires for Central Asia. Moscow: Vox Populi; 2010. (In Russ.).
5. Mikhalev A. V. “New Big game” in Central Asia: The factor of Mongolia; 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-bolshaya-igra-v-tsentralnoy-azii-faktor-mongolii-1>. (In Russ.).

6. Isaev B. A. The state of modern geopolitics in its comparison with the geopolitics of the classical period of the 1890s-1940s; 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-sovremennoy-geopolitiki-v-ee-sravnenii-s-geopolitikoy-klassicheskogo-perioda-1890-1940-h-godov>. (In Russ.).
7. Belashov I. I. Geopolitical interests in the structure of the modern political process. Dis. ... Cand. Polit. Sciences: 23.00.02: Stavropol, 2004. (In Russ.).
8. Gaziev V. Z. Geopolitical processes in the Caucasus in the context of globalization. Abstract dis. cand. politic. sciences: 23.00.02. Rostov-on-Don, 2011.
9. Zhade Z. A. South of Russia in the conditions of geopolitical transformation. Political science in the South of Russia: Results of twenty-year development. Proceedings of the international scientific and practical conference March 11–12, 2009. Issue 1. Rostov-on-Don: Skaggs Publishing house; 2009. (In Russ.).
10. Ageev I. B. Geopolitical processes in the Caspian region in the 90-s of XX – beginning of XXI century. Diss... candidate of political sciences: 23.00.02. Moscow: GUU, 2005. (In Russ.).
11. Huntington S. Clash of civilizations. Moscow: ACT; 2005. (In Russ.).
12. Artykbaev A. M. Geopolitical processes in Central Asia in the era of globalization. Diss... cand. polit. sciences: 20.03.12. Moscow; 2014. (In Russ.).
13. Brzezinski Z. The grand chessboard (the domination of America and its geostrategic imperatives). Moscow: International relations; 1998. (In Russ.).
14. Irkhin A. Ukraine in modern geopolitical dimensions. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/geopolitics/14.html>. (In Russ.).
15. Epifanova M. Transit flow. Russia and Ukraine at the last moment signed the Protocol of the agreement on gas pumping. *Novaya Gazeta*. 2019. December 21. (In Russ.).
16. Razumovsky A. Ukraine as a victim of big geopolitics. URL: <https://cont.ws/@colonel-cassad/112595>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Российский новый университет, Москва, Россия
rodvm@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Rodachin — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia
rodvm@yandex.ru

Статья поступила 25.12.2019, принята к публикации 10.01.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.12.2019; accepted for publication on 10.01.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-47-53
УДК 327(045)

Диалектика цивилизаций Запада и Востока в Новом великом шелковом пути

Т.Т. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

АННОТАЦИЯ

В статье говорится об имманентных противоречиях, заложенных в самой природе, генетике Запада и Востока, проявляющихся на географии Проекта всего Нового Шелкового пути как диалектика межцивилизационных отношений. Глобализационные процессы отчетливо выявляют противоречия, определяют различные варианты их разрешения, особенности, действующие на всех уровнях человеческого бытия и сознания – от мировоззрения и мировосприятия в целом, и до прикладной хозяйственно-экономической деятельности, в частности. Осмысление данного фактора объективной реальности, поиск и выявление форм и способов разрешения противоречий межцивилизационных отношений Запада и Востока может явиться важным теоретико-философским основанием нахождения практических мер гармоничного развития этих отношений в пространстве Нового Шелкового пути.

Ключевые слова: Новый Шелковый путь; западный менталитет; восточная мудрость; макроцивилизации; межцивилизационные отношения; демографическая лавина; многополярный мир

Для цитирования: Махаматов Т.Т. Диалектика цивилизаций Запада и Востока в Новом великом шелковом пути. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):47-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-47-53

ORIGINAL PAPER

Dialectics of Civilisations of the West and the East in the New Great Silk Road

T.T. Makhmatov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

ABSTRACT

The article deals with the immanent contradictions inherent in the very nature, genetics of the West and the East, manifested in the geography of the entire "Silk Road" as a dialectic of inter-civilisational relations. Globalisation processes, which have entered their neo-globalisation period, clearly reveal contradictions, determine various options for their resolution and features that operate at all levels of human existence and consciousness – from the peculiarities of worldview and world perception, in general, to applied economic activity, in particular. The understanding of this factor of objective reality, the search and identification of forms and ways of resolving the contradictions of inter-civilisational relations of the West and the East can be an essential theoretical and philosophical basis for the harmonious development of these relations.

Keywords: New Silk Road; Western mentality; the wisdom of the East; macrocivilisations; relations between civilisations; demographic avalanche; multi-polar world

For citation: Makhmatov T.T. Dialectics of Civilizations of the West and the East in the New Great Silk Road. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):47-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-47-53

ВВЕДЕНИЕ

Процесс глобализации с самого своего начала раскрывал, обострял актуальные имманентные противоречия бытия человечества и определял основные линии его дальнейшей эволюции. Нынешний этап глобализации, (неглобализационный) [1], выдвигает на передний план диалектику противоречий межцивилизационных отношений, актуализирует проблему нахождения новых форм, способов их разрешения и формирование такого глобально-жизненного пространства, «где человек и мир составляют одно целое и являются «продлением» друг друга» [2, с. 31].

Для современной цивилизации в целом характерна парадигма сосуществования, выживания и диалектического единения в условиях глобальных проблем. В настоящее время, как пишет Р.А. Нуруллин, «интеграция народов приобрела глобальный характер, что вновь на новом витке развития человечества актуализировало проблему необходимости синхронизации различных культур, но только на основе переосмысления проблем не начала бытия, а проблем, связанных с осознанием конечности существования человечества (*эсхато*)» [3]. Говоря о смене парадигмы взаимоотношений (поскольку совершенно естественно, что парадигма интересов во взаимоотношениях Запада и Востока как существовала прежде, так и будет существовать всегда) Запада и Востока в современном мире — с *парадигмы интересов на парадигму ценностей*, вернее, о необходимости приоритета последней над первой, следует иметь в виду, что для реализации подобного рода качественного совершенствования межцивилизационных отношений необходимы некие значительные мотивационные предпосылки [4].

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Одной из значимых причин возникновения предпосылок установления взаимосогласованного отношения между разными по форме цивилизациями, на наш взгляд, является реальность современных глобальных проблем, встающих все острее и актуальнее перед всем мировым сообществом, независимо от форм и типов цивилизаций, и требующих диалога. «Если нам удастся должным образом направить и контролировать постоянный диалог цивилизаций, — пишет известный польский ученый Гж.В. Колодко, — то не будет их разрушительных столкновений, а возникнет творческая гармония» [5].

Только всеобщее осознание необходимости совместного решения этих проблем поистине обще-

планетарного масштаба (как по своим причинам, так и по реальным и возможным последствиям) в условиях интегрированности и целостности современного мира, от разумного и позитивного разрешения которых зависит будущее человечества, может привести к подлинному взаимобмену ценностями между Востоком и Западом, к развитию межцивилизационных отношений качественно иного порядка. Здесь следует иметь в виду особенности культурно-цивилизационных систем Европы, США, Востока, в частности Китая и Ирана, и господствующие в них менталитеты, о тонкостях которых пишет А.Н. Чумаков: «...в то время как Европа проявляет определенную осторожность и осмотрительность в международных делах, Соединенные Штаты Америки как относительно молодая культурно-цивилизационная система ведут себя несколько иначе. Американцы — прагматики и потому *мыслят по большей части тактически, на короткие дистанции. Они не любят и не хотят ждать...* Иначе обстоит дело с культурно-историческими системами, история которых насчитывает многие столетия и тысячелетия. Там мыслят стратегическими категориями на длинные дистанции и умеют ждать: не спешат ни в словах, ни в делах, добиваясь поставленных целей» [6]. К таким историческим культурно-цивилизационным системам относятся Китай, Монголия, Иран, Азербайджан, страны Центральной Азии и др., расположенные в географическом пространстве Шелкового пути.

Диалектика межцивилизационных отношений Востока и Запада, которые представляют для цивилизованного человечества историю всей человеческой цивилизации и мысли, заложена в глубинах самой сущности обеих макроцивилизаций. Здесь нет места категоричности, вроде той, что региональным или мировым лидером должна стать какая-либо страна [7]. Конкретное государство становится лидером на основе устойчивого развития своей реальной экономики, вооруженных сил и тонкой международной политики. А это, в свою очередь, для цивилизации означает необходимость подняться на качественно иную ступень духовного совершенства, что особенно важно для обеспечения ее дальнейшего сосуществования и выживания в новом тысячелетии.

Что лежит в основе парадигмы диалектического единства макроцивилизаций? Для раскрытия основ противоречивости двух макроцивилизаций и их возможного позитивного взаимодействия следует рассмотреть то, что их различает и объединяет.

Современные процессы «постиндустриальной» технологизации, информатизации и, в конечном счете — *универсалистской глобализованности современной мировой цивилизации* привели к существенным противоречиям как между Западом и Востоком, так и на уровне конкретных локальных цивилизаций — по принципу «универсализм — партикуляризм», с одной стороны, и также к глубокому противоречию между материальным и духовным аспектом существования человека и общества — с другой.

До начала XXI в. в мире господствовала прозападная цивилизация [8], которая, в отличие от классических цивилизаций Востока, содержит в своей основе иной *духовный путь*, опирающийся на рационализм, иной комплекс морально-этических и духовных ценностей, исходящих из индивидуализма, разумного эгоизма. Поэтому чем совершеннее становятся технологии, тем слабее и беззащитнее в их среде чувствует себя человеческий индивид.

Предмет, мотивация и методы философско-религиозного поиска в макроцивилизациях Востока и Запада различаются существенно. Путь развития макроцивилизации Запада **экстравертен**. В его основе никогда не существовало предпосылки следовать внутреннему **естеству**, природным законам, пути самосовершенствования в рамках своего общества. Как раз наоборот, в западном человеке и обществе имманентно преобладало стремление **подчинять и использовать** — природу, общество, другого индивида рациональному человеку-эгоисту и потребителю. Исторически имел место *предельный прагматизм* духовной и общественно-политической жизни.

В итоге эпоха модерна, сменившись эпохой постмодерна, завершилась неким разочарованием Запада в осуществлении трех главных целей, поставленных в свое время эпохой Просвещения: подчинить человеческому *ratio* природу, общество, человека. Как пишет Гж. В. Колодко, «усилия по вестернизации мира и особенно по его американизации потерпели неудачу... Политический неолиберализм из подлинной демократии делает посмешище, а экономический неолиберализм превращает экономику в свою частную ферму...» [5].

В цивилизации Востока издревле преобладало стремление познать *изначальные, непреходящие законы Естества*, согласно которым, как считалось и считается, все исконно управляется и совершается (иначе говоря, высшее, универсальное начало, например, Дао, Дхарма, Святое Откровение, Атман, Воля Всевышнего). Ибо, лишь следуя этим законам,

можно достичь истинного мира и гармонии, что и является, собственно, подлинным развитием, как полагали на Востоке. А. Фурсов, например, в данной связи справедливо отмечает: «В отличие от Запада, где изменение приравнивается к прогрессу, а прогресс является ценностью, в Бирме изменение не отождествляется с прогрессом. Буддизм учит: изменение неизбежно, но оно вовсе не значит ни линейность, ни сдвиг к лучшему, а потому нововведения и новизна не могут быть целями...» [9].

В этом аспекте можно говорить о существовании неких системообразующих элементов макроцивилизационного дискурса, таких как образ жизни, мировосприятие, миропонимание, ментальность, духовно-культурные ценности. Можно заключить, что данные факторы обусловили различие самих целей цивилизационного развития на Западе и Востоке, а также логики эволюции восточного и западного типов макроцивилизаций. Данная логика представляется противоречивыми тенденциями этого развития, такими, как рационализм, техногенность, антропоцентричность, «условная дифференцированная реальность» — в западной макроцивилизации, и иррационализм, экофильность, теоцентричность, «безусловная целостная реальность», которая, согласно концепции геоцивилизации, выдвигаемой современными китайскими обществоведами во главе с Жуань Вэем, «является фактом „живой жизни“, а потому и воспринимается по-китайски — „сердцем“, то есть сквозь призму наполненного теплом человеческого соприсутствия и вовлеченности» [2, с. 31], — в восточной (курсив авторский).

Возвращаясь к межцивилизационному аспекту взаимодействия Запада и Востока в «геоцивилизационном» пространстве Шелкового пути, отметим актуальнейшую, на наш взгляд, проблему: существует ли какая-либо позитивная перспектива дальнейшего развития межцивилизационных отношений в современном мире? Актуальность проблемы еще ярче выступает на фоне того, что, согласно рассуждениям Гж. В. Колодко, «во времена глобализации и присущей ей борьбы за влияние и положение честной политики не существует. Китай широко использует промышленный шпионаж... Американцы, русские, англичане, немцы, французы и японцы, а также другие нации тоже это делают» [5].

Рассматривая в данной связи известный тезис американского ученого С. Хантингтона о неизбежном столкновении цивилизаций в XXI в., мы можем сказать, что, конечно, потенциально возможности столкновения макроцивилизаций существуют, но

постольку-поскольку параллельно с ними существуют также и возможности позитивного диалога и сотрудничества, опирающиеся на *потенциал, имманентно заложенный в самой сущностной основе каждой цивилизации*. Здесь следует рассмотреть объективные основания общности и различия цивилизаций.

ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Прежде чем выявить факторы общности и различий цивилизаций в пространстве Нового Шелкового пути, следует проанализировать их субстанциальное основание, определяющее их различия. Таким основанием выступает культура, которая имеет свою неповторимую специфику и форму у каждого конкретного народа.

Понятие цивилизации в основном отождествляют с понятием культуры, что затрудняет объективный анализ проблемы сближения и столкновения цивилизаций. Хотя эти два понятия близки друг другу и взаимосвязаны, однако между ними присутствуют существенные различия. Для выяснения этих различий следует вначале раскрыть содержание понятия культуры.

На философском уровне культура — это совокупность выработанных форм и способностей творческой деятельности, умений, опыта и, также, по выражению К. Маркса, «вторичная природа», т.е. орудия труда, материальные творения, созданные каждым народом в процессе его практического и духовного освоения действительности. Только на определенном уровне ее исторического развития появляются зачатки цивилизации.

Широкое философское понятие культуры показывает, что она пронизывает все сферы общественной жизни, начиная от экономики и заканчивая духовной сферой общества. Например, такие видные представители институционализма, как Д. Норт, Дж.Р. Стэнфилд, А. Мэйхью, считают культуру фундаментом экономических процессов и рассматривают любое человеческое поведение как культурное. Д. Тросби, рассматривая «культурный контекст экономики как систему социальной организации», пишет следующее: «Тот факт, что экономические агенты живут, дышат и принимают решения внутри культурной среды, нетрудно заметить. Равно как и то, что эта среда оказывает некоторое влияние на формирование их предпочтений и регулирование их поведения, будь то поведение на уровне индивидуального потребителя или фирмы или на совокупном уровне макроэкономики» [10, с. 27]. Культуру часто отождествляют с «рядом

убеждений, нравов, обычаев, ценностей и практик, свойственных географии, религии, этнической принадлежности или некоторых других характеристик, что дает возможность отнести ее, например, к мексиканской культуре, культуре басков, еврейской культуре, азиатской культуре, феминистской культуре, корпоративной культуре, молодежной культуре и т.д.» [10, с. 19]. Культура каждого народа имеет свои особенности. Даже родственные национальности, например, русские и болгары, турки и азербайджанцы, англичане и англоязычные американцы и т.д. имеют отличные друг от друга по своей форме культуры. Поэтому не может быть единой, т.е. глобальной культуры.

Отличие цивилизации от культуры заключается в возвышении в обществе ценностей человека-гражданина и личности, добродетели, милосердия, готовности к взаимопомощи, т.е. принципов практического гуманизма и антропоцентризма. В эпоху Просвещения, когда формировалось понятие цивилизации, И. Кант отразил эту сущность цивилизации в своем практическом императиве: «*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [11]. Так и маркиз Виктор Рикети де Мирабо (1715–1789) в своем незавершенном трактате «Друг женщин, или Трактат о цивилизации» рассуждает, что цивилизация возникает тогда, когда формируется *социальная система, базирующаяся на гуманных основаниях, добродетели*, исключая проявления жестокости и диких нравов по отношению к другим. Внешнее поведение, обходительность де Мирабо не считает показателями цивилизованности. Он писал: «Если б я спросил, в чем, по-вашему, состоит цивилизация, большинство ответило бы, что цивилизация народа — это смягчение его нравов, обходительность, учтивость и распространение в нем познаний, благодаря коим соблюдаются благоприличия, служа мелкими повседневными законами; *все сие являет мне лишь маску, а не лицо добродетели, цивилизация же ничего не дает обществу, ежели не дает ему содержание и форму добродетели*» [12, с. 117] (курсив автора).

Однако, как показывают исследования швейцарского ученого Ж. Старобинского, понятие «цивилизация» у «французского первооткрывателя» и у последующих сторонников цивилизационной концепции отнюдь не однозначно. Под пером того же де Мирабо оно получает и чисто описательную, нейтральную функцию: оно обозначает совокупность институций и техник, которыми обладают

великие империи в высший момент своего развития и которые утрачиваются ими в период упадка. Но «в первом, упомянутом выше значении цивилизация носила идеальный характер, представляя собой нормативное понятие, позволяющее дискриминировать и строго судить не-цивилизированных, варваров, малоцивилизированных» [12, с. 118]. Такая неопределенность «цивилизации», ее отождествление не только с духовной, но и материальной культурой, усугубляется трудами Л. Моргана, Н.Я. Данилевского, Шпенглера, Тойнби и других.

Процесс глобализации, расширение и противоречивое развитие демократии, «демографическая лавина» и ее последствия более четко выявляют различие между культурой и цивилизацией. Иммигранты являются представителями народов, имеющих определенную культуру. Однако их социальные поступки и поведение едва ли можно считать цивилизованными. *Цивилизация отличается от культуры господством в обществе принципов гуманизма, антропоцентризма и ценностей человеческой личности, человеческой жизни, практическим, т.е. политико-правовым отношением общества к личности как высшей ценности и осознанием индивидом своей ответственности перед обществом.*

В понимании взаимосвязи культуры и цивилизации очень важно, во-первых, то, что определенный образ жизни конкретного народа, уровень достижения его материальной и духовной культуры, исторические традиции и т.п. определяют форму проявления цивилизационных ценностей. В этом смысле правомерно использование термина «культурно-цивилизационные системы». Во-вторых, во взаимосвязи культуры и цивилизации важно выявление механизма перехода от первой ко второй, как высшего результата развития культуры, что также определяет внешнее различие цивилизаций. Такими механизмами, на наш взгляд, являются наличие политико-правовой системы, развитая система всеобщего образования, формирующие культуру демократии действенные институты гражданского общества, свободные средства массовой информации, и т.п.

Например, современная западная культурно-цивилизационная система изначально формировалась на основе «общественного договора» как способа преодоления состояния «войны всех против всех», сформулированного Т. Гоббсом, и законодательного обеспечения жизни и собственности граждан. Однако основная забота человека о себе находится в руках самого индивида. И не зря современным неолиберализмом государство рассматривается

как «ночной сторож», что отражает индивидуализм и разумный эгоизм как основной принцип цивилизации западного мира. Восточные же страны, расположенные на Великом Шелковом пути, в том числе и мусульманские, шли к цивилизации посредством сложного процесса формирования в социуме уважительного отношения к личности каждого гражданина как основной ценности общества.

Различие между цивилизациями может также заключаться в уровне правовой обеспеченности цивилизационного отношения к личности, достаточности или тесноте общественного пространства для самореализации личности.

Однако *все цивилизации, несмотря на свои различия по форме, в своей сущности едины*, что проявляется прежде всего в уважительном, бережном отношении к человеку как высшей ценности общества, высшему творению природы и бога. О человеке как о высшей ценности в период исламского средневековья писали на Востоке Н. Насими, А. Навои, Ю. Эмре, на Западе — гуманисты эпохи Возрождения: Данте Алигьери, Петрарка, Томмазо Кампанелло и др.

Если понимать цивилизацию как качественную определенность общества (заключающуюся в его отношении к человеческой личности как своей высшей ценности), при наличии в нем материальных и политико-правовых условий для всестороннего и гармоничного развития демократичной и патриотичной личности, можно сказать, что имеется реальная возможность сотрудничества разных по форме цивилизаций и образование глобальной цивилизации.

На наш взгляд, возможность столкновения цивилизаций во многом определяется наличием или отсутствием, а также уровнем рационального мышления, принципами гуманизма, толерантности руководителей ведущих держав мира. Действительно, наглядный пример развития, который демонстрируют в наше время Япония и Китай, показывает, что возможно совершать модернизацию восточного государства и общества, не просто заимствуя западные ценности, но, сочетая, синтезируя технократическую культуру Запада с духовными традициями Востока, сохраняя при этом национальную культурную идентичность и самобытность цивилизации.

Хотя Восток всегда был самодостаточен на своем пути развития, само понятие «развитие» всегда обладало на Востоке иной семантикой, чем на Западе. Объективный процесс глобализации вынуждает Восток заимствовать и адаптировать на своей почве западные ценности и элементы

западной культуры как средство, инструмент экономического и научно-технологического развития. Участвуя в развитии межцивилизационных отношений в условиях углубляющейся и расширяющейся глобализации (что является закономерным следствием развития так называемой «западной половины человечества», о чем говорилось выше), Восток должен изучить этот «язык» современного глобализма и говорить на нем для того, чтобы выявить и некий собственный потенциал развития. В то же время Запад лишь начинает осознавать необходимость культурных заимствований у Востока, продолжая считать самодостаточной ту систему ценностей, которую создала западная цивилизация в ходе своего исторического развития. Осознание такой необходимости обусловлено как спецификой и логикой развития самой западной макроцивилизации, так и недавними последствиями глобализации. Как пишет Л. Е. Гринин, «развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии» [13].

Наблюдается стремление западного человека сбалансировать рационализированность, спланированность и техногенность окружающей его жизни (которая зачастую делает формальной даже систему ценностей, в которой он живет) путем перенимания духовных традиций, морально-этических канонов и культурных достижений Востока.

В настоящее время мы можем говорить о заимствованиях западным обществом культурных традиций Востока на уровне отдельных индивидов и мелких социальных групп (общин), хотя и в широких масштабах. Это выражается во все возрастающем личностном и групповом интересе западного человека к традиционным и нетрадиционным религиозно-философским системам Востока (буддизм, ислам, индуизм и др.), к национальным восточным культурно-философским традициям (таким, например, как японская *икебана* и чайная церемония, китайское искусство *цигун* и *тайцзицюань* и т.п.),

в создании соответствующих общин и обществ на Западе. Таким образом, для развития искусства межцивилизационного «гуманистического» политического диалога необходимо в корне пересмотреть саму общую парадигму конфликта цивилизаций. Качественно новым и весьма необходимым для дальнейшего позитивного развития современного мирового сообщества этапом в формировании межцивилизационных отношений должен явиться осознанный качественный переход этих цивилизаций (макроцивилизаций) в их взаимодействии друг с другом от приоритета парадигмы интересов к приоритету парадигмы ценностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В обсуждении данной проблемы представляется более правильным анализировать дилемму возможности взаимодействия макроцивилизаций не с позиции парадигмы конфликта — интересов или ценностей, а с позиции парадигмы практического взаимодействия цивилизаций (макроцивилизаций). Такой диалог может стать возможным при условии преодоления некоего социокультурного эгоцентризма как Запада, так и Востока, и сосредоточения обоих типов цивилизации на проблеме создания социально-экономических и политико-правовых условий для всестороннего развития личности как для собственного блага, так и ради блага всего общества.

Закономерным результатом качественного перехода на более совершенную ступень в межцивилизационных отношениях неизбежно станет проявление взаимного уважения во взаимоотношениях цивилизаций и преодоление, по словам Жака Ле Гоффа, «псевдиалога между Востоком и Западом, Севером и Югом» [14]. Что, в свою очередь, позволит цивилизациям (макроцивилизациям) осуществлять взаимное культурное обогащение и более эффективно сотрудничать в решении глобальных проблем современного мира на примере проекта Шелкового пути.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Махаматов Т.М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект. *Век глобализации*. 2017;(4):55–61.
2. Мигунов Н.И., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума». *Век глобализации*. 2017;(2):20–36.
3. Нуруллин Р.А. Идеология в условиях становления глобальной цивилизации. *Век глобализации*. 2017;(2):83–92.
4. Махаматов Т.Т. О диалоге цивилизаций. *Вестник Финансового университета*. 2007;(1):109–115.
5. Колодко Гж.В. Эра Азии на фоне евро-атлантической цивилизации? *Вопросы экономики*. 2017;(10):140–147.
6. Чумаков А.Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов. *Век глобализации*. 2017;(2):3–19.

7. Ковалев Ю.А. Новая геополитическая реальность и вопросы идеологии. *Век глобализации*. 2017;(4):14–22.
8. Гранин Ю.Д. Запад и альтернативные стратегии модернизации. *Век глобализации*. 2017;(3):17–30.
9. Афро-азиатский мир: региональные исторические системы и капитализм: проблемно-тематический сборник. А.И. Фурсов, сост. М.: ИНИОН РАН; 1999.
10. Тросби Д. Экономика и культура. Пер. с англ. М.: ИД Высшей школы эк-ки; 2013.
11. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука; 1995.
12. Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. Пер. с франц. М.: Язык славянской культуры; 2002.
13. Гринин Л.Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс). *Век глобализации*. 2013;(2):63–78.
14. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс; 2001.

REFERENCES

1. Makhamatov T.M. From the era of globalisation to neo-globalisation: cultural and civilizational aspect. *Vek globalizatsii*. 2017;(4):55–61. (In Russ.).
2. Migunov N.I., Migunova O.V. On the theoretical foundations of the Chinese concept of “geo-civilisational continuum”. *Vek globalizatsii*. 2017;(2):20–36. (In Russ.).
3. Nurullin R.A. Ideology in the conditions of global civilisation formation. *Vek globalizatsii*. 2017;(2):83–92. (In Russ.).
4. Makhamatov T.T. On the dialogue of civilisations. *Vestnik Finansovogo universiteta*. 2007;(1):109–115. (In Russ.).
5. Kolodko G.V. The era of Asia against the background of Euro-Atlantic civilisation? *Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):140–147. (In Russ.).
6. Chumakov A.N. The coming demographic avalanche: on the threshold of the Great Migration of Nations. *Vek globalizatsii*. 2017;(2):3–19. (In Russ.).
7. Kovalev Yu.A. The new geopolitical realities and questions of ideology. *Vek globalizatsii*. 2017;(4):14–22. (In Russ.).
8. Granin Yu.D. West and alternative strategies of modernisation. *Vek globalizatsii*. 2017;(3):17–30. (In Russ.).
9. Afro-Asian world: regional historical systems and capitalism. A.I. Fursov, ed. Moscow: INION Russian Academy of Sciences; 1999. (In Russ.).
10. Throsby D. Economics and culture. Transl. from English. Moscow: Higher School of Economics; 2013. (In Russ.).
11. Kant I. Critique of practical reason. St. Petersburg: Science; 1995. (In Russ.).
12. Starobinsky J. Poetry and knowledge. History of literature and culture. Transl. from Franch. Moscow: Language of Slavic culture; 2002. (In Russ.).
13. Grinin L.E. Globalization shuffles the world deck (Where the global economic and political balance is shifting?). *Vek globalizatsii*. 2013;(2):63–78. (In Russ.).
14. Le Goff J. The Medieval Imagination. Moscow: Progress; 2001. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимур Таирович Махаматов — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
timour.makhamatov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Timur T. Makhamatov — Cand. Sci. (Philosophy). Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
timour.makhamatov@gmail.com

Статья поступила 15.12.2019; принята к публикации 10.01.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.12.2019; accepted for publication on 10.01.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Олимпийские идеалы как компонент общественного сознания

А.В. Швецов^а, Ю.А. Фомин^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия

^б Московская государственная академия физической культуры, Московская область, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-3366-6437>

АННОТАЦИЯ

Олимпийские идеалы являются составной частью общественного сознания, всех его форм и принципов практической деятельности. Жизнеспособность олимпийских идеалов определяется международным признанием олимпийского спорта, его общечеловеческой значимостью, выражающейся как в повседневных, так и в перспективных интересах общества и человека. Олимпийские идеалы формируют представления о желаемом типе общества, об основных средствах их достижения, о целях и нормах поведения людей, они существовали и существуют как общечеловеческие ценности и стандарты. В качестве социальных ценностей олимпийские идеалы конкретизируются в социальных нормах, обеспечивающих поддержание олимпизма. Действительно, идеалы физического совершенства, красоты движения и тела, взаимное уважение, честность и справедливость, поддержание мира на планете, дружбы, сотрудничества, запрещение политической, расовой, религиозной дискриминации являются олимпийскими ценностями. Частные интересы тех или иных групп могут вступать в конфликт с олимпийскими идеалами, нарушать их, создавать конфликтные ситуации в олимпийском движении. Но в рамках общественного сознания это трактуется как результат несовершенства человечества. Олимпийские идеалы остаются целью и средством для реализации совершенства человека и общества.

Ключевые слова: идеал; идеология; олимпийское движение; олимпизм; олимпийские идеалы

Для цитирования: Швецов А.В., Фомин Ю.А. Олимпийские идеалы как компонент общественного сознания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):54-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-54-58

Olympic Ideals as a Component of Social Consciousness

A.V. Shvetsov^а, Yu.A. Fomin^б

^а Financial University, Moscow, Russia

^б Moscow State Academy of Physical Education, Malakhovka (Moscow region), Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-3366-6437>

ABSTRACT

Olympic ideals are the component of social consciousness, all its forms and principles of practical activity. The vitality of Olympic ideals is predetermined by the international recognition of Olympic sport, its universal significance, expressing both everyday and prospective interests of society and a person. The Olympic ideals form views on the desired type of society, on the desired type of society, on the ideas and goals shared and aspired by people as well as on the principal means to achieve these goals. Olympic ideals also form conceptions objectives and norms of people's behaviour. As social values, the Olympic ideals are defined in social norms which ensure the maintenance of Olympism. Olympic ideals have existed as universal values and standards. Indeed the ideals of physical perfection, beauty, mutual respect, honesty and justice, maintenance of peace on the planet, friendship, cooperation, prohibition of political, race and religious discrimination are the values of the Olympic sport which don't belong only to Olympic movement. Private interests of any particular group can come into conflict with Olympic ideals, violate them, and create conflict situations in the Olympic movement. But within the bounds of social consciousness, a conflict situation is interpreted as the result of imperfection of humanity, Olympic ideals remain to be the aim for the realization of man's and society's perfection. As a rule, Olympic ideals become the principles of practical activity when they agree with the ideology of the country or the epoch. The contemporary era of development is characterized by three main ideologies: liberalism, conservatism and socialism. Olympic ideals are closely interwoven with all of them.

Keywords: ideal; ideology; Olympic movement; olympism; Olympic ideals

For citation: Shvetsov A.V., Fomin Yu.A. Olympic ideals as a component of social consciousness. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):54-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-54-58

Влюбом рассуждении, согласно формально-логическому закону тождества, следует использовать понятия в одном и том же смысле. А для этого рассуждающий должен их определить, иначе слушателю или читателю, усвоившему иную трактовку какого-либо понятия, будет сложно (хотя и возможно на основе контекста) уяснить смысл излагаемого. Учитывая отмеченное, есть основание начать изложение материала с определения и краткой характеристики понятия «общественное сознание».

С нашей точки зрения, общественное сознание — это духовная система общества, отражающая общественное бытие и взаимодействующая с ним. Общественное сознание формируется общественными связями и отношениями, и его содержание наиндивидуально, всеобщее. Общественное сознание потому и общественное, что оно не связано только с индивидом, хотя и развивается через сознание отдельных людей, будучи относительно независимым от последнего.

Известно, что общественное сознание функционирует в различных формах (идеология, культура, наука, искусство и др.), которые содержательно представляют собой систему взаимопроникающих компонентов. Одним из таких компонентов является совокупность олимпийских идеалов. На современном этапе развития человечества олимпийские идеалы содержательно входят в культуру, идеологию, философию, мораль, искусство, архитектуру, в определенные времена и в религию. Именно поэтому олимпийские идеалы — не элемент общественного сознания, а его компонент.

История современных Олимпийских игр началась 6 апреля 1896 г., когда король Греции Георг I в присутствии 80 тыс. зрителей объявил Игры I Олимпиады в Афинах открытыми. Современное олимпийское движение, возникшее на рубеже XIX–XX вв., утвердилось как массовое спортивное движение и стало значительным социальным явлением в жизни стран и народов мира. В настоящее время Олимпийские игры являются крупнейшими и самыми популярными спортивными соревнованиями мирового масштаба, привлекающими внимание всего человечества, а идеи олимпизма постепенно и прочно вошли в современную жизнь.

Термин «олимпизм» был предложен французским ученым, общественным деятелем,

организатором и основателем современных Олимпийских игр Пьером де Кубертенем. По мнению Пьера де Кубертена, олимпизм основывается на принципах взаимоуважения политических взглядов оппонента, религиозных верований, национальных чувств; терпимости к другому пониманию и уважения другой культуры, других традиций, другой точки зрения. Олимпийская идея П. де Кубертена базируется на общечеловеческих ценностях, опирается на демократические и гуманистические идеалы, призвана стать неотъемлемым и приоритетным элементом в системе воспитания и образования [1].

Для Кубертена олимпизм был не только системой международных соревнований, но и жизненной философией, которая способствует объединению в сбалансированное целое достоинств тела, воли и разума, соединению спорта с культурой и образованием, построению лучшего мира посредством воспитания молодежи занятиями спортом в духовной атмосфере общечеловеческих этических принципов [1–3].

В имеющихся публикациях как у нас в стране, так и за рубежом олимпийским идеалам (в совокупности они включаются в термин «олимпизм») уделяется достаточное внимание. Олимпийские идеалы существовали и существуют как общечеловеческие ценности и эталоны.

Действительно, идеалы физического совершенства, красоты, взаимоуважения, честности и справедливости, сохранения и укрепления мира на планете, дружбы и сотрудничества, запрещения дискриминации по политическим, расовым, религиозным и другим мотивам являются ценностями не только олимпийского спорта. Олимпийские идеалы закреплены во всех формах общественного сознания в качестве их элементов и принципов практической деятельности. Частные интересы отдельных групп людей могут входить в противоречие с олимпийскими идеалами, попирая их, создавать конфликтные ситуации в олимпийском движении [4–6]. Но в рамках общественного сознания это воспринимается как результат несовершенства человечества, а олимпийские идеалы остаются целью, которую надо реализовывать для улучшения человека и общества [1–3, 7, 8].

Олимпийские идеалы становятся принципом практической деятельности, как правило,

тогда, когда они вписываются в идеологию страны или эпохи. Современная эпоха характеризуется тремя основными идеологиями: либерализмом, консерватизмом и социализмом. Со всеми этими идеологиями олимпийские идеалы переплетаются в той или иной степени.

К сожалению, эта проблема практически не исследована. Имеется, правда, большое число работ, в том числе, достаточно серьезных, в которых анализируются взаимоотношения спорта с политикой [2–4, 6, 8, 9–11 и др.]. Если понимать политику как практическую реализацию идеологических установок по руководству и развитию общества, то можно, конечно, с помощью анализа этих работ выявить некоторые аспекты взаимоотношений идеологии и олимпийских идеалов. Но это не исключает, а, скорее, предполагает использование других методов для получения более точных обобщений. Поэтому анализ отмеченных литературных источников был дополнен для объективной характеристики взаимодействия олимпийских идеалов с различными идеологиями анализом официальных документов. В результате такого анализа была получена возможность утверждать следующее.

В период возникновения современного олимпийского движения оно ориентировалось на либерализм, а его основатели (в первую очередь Пьер де Кубертен) были представителями данного течения. Это нашло отражение в Олимпийской хартии, своего рода конституции современного олимпийского движения.

Открывает Олимпийскую хартию раздел «Основопологающие принципы олимпизма», в котором дается определение олимпизма: «это философия жизни, возвышающая и объединяющая в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума. Соединяя спорт с культурой и образованием, олимпизм стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, воспитательной ценности хорошего примера, социальной ответственности и уважении к всеобщим фундаментальным этическим принципам». Цель олимпизма заключается в следующем: «поставить спорт на службу гармоничному развитию человека, способствуя созданию миролюбивого общества, заботящегося о соблюдении человеческого достоинства»¹.

Изменения, внесенные в Олимпийскую хартию в ходе развития олимпийского движения, лишь подтверждают либеральную ориентацию этого документа. Например, подчеркивается приоритет прав личности в социальных сферах. Так, правило 9.1 Олимпийской хартии гласит: «Олимпийские игры являются соревнованиями между спортсменами в индивидуальных или командных видах спорта, а не между странами».

Ряд положений Олимпийской хартии и решений конгрессов МОК подчеркивают связь олимпийских идеалов с консерватизмом. Так, сама идея возрождения Олимпийских игр ориентирована на воспроизведение и сохранение олимпийских традиций античности. Естественно, новые исторические условия требовали и ряда изменений, но они не коснулись, например, основных ритуалов: церемоний открытия и закрытия Игр, награждения спортсменов, зажжения олимпийского огня в Олимпии и эстафеты олимпийского огня к месту проведения Игр, клятвы спортсменов и судей и др. [1–3, 7, 8, 11].

Переплетение консерватизма и либерализма в сфере олимпийских идеалов хорошо вписывается в современную идеологическую ситуацию. Ведущие страны современного мира, ориентировавшиеся в 60–70-х гг. XX в. на либеральную идеологию, пришли к выводу, что руководствоваться идеями классического либерализма в экономической сфере (такими как «государство не должно вмешиваться в экономику и деятельность предприятий», «рынок сам должен регулировать экономические проблемы, и он в состоянии это делать» и др.) не только нерационально, но и опасно. В результате свободная рыночная конкуренция была ограничена возможностями в ряде случаев и необходимостью государственного вмешательства. Возникла смешанная либерально-консервативная идеология. Олимпийская идеология (а она, как и всякая идеология, формулирует принципы практической деятельности, оформленные в виде идеалов) опередила этот процесс в сфере политической идеологии.

Что касается социалистической идеологии, то и с ней олимпийские идеалы связаны в достаточной степени, чтобы об этой связи говорить. Идеал гармоничной и разносторонне развитой личности, зафиксированный в античном и современном олимпизме, обозначен и в социалистической идеологии. Достаточно

¹ Олимпийская хартия (в действии с 8 июля 2011 г.). Пер. с англ. М.: МОК; 2012. 54 с.

напомнить, что в СССР в Программе КПСС по построению коммунистического общества, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г., одной из основной задач партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры значится следующий пункт: «Все-стороннее и гармоническое развитие человеческой личности. Воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»².

Аналогично применение олимпийских идеалов в других формах общественного сознания. Все чаще, даже в рамках материалистического понимания общества, высказывается мысль о том, что человечество подошло или подходит к такому периоду своего развития, когда уже не общественное бытие определяет общественное сознание, а, наоборот, последнее становится определяющим, детерминирующим фактором общественного развития. Особенно это характерно для авторов, увлеченных известным положением К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что капитализмом завершается предыстория человечества и начинается подлинная его история, что переход к коммунизму будет означать переход «из царства необходимости в царство свободы». В связи с этим появляются высказывания о смене материальной детерминации исторического развития идеальной его детерминацией. Правда, при этом отмечается,

что идеальная детерминация осуществится только при качественно новом общественном бытии. Но это означает не что иное, как обусловленность общественного сознания историческим уровнем развития общественного бытия, которое, в любом случае, подчиняет себе общественное сознание, сужая или расширяя возможности его ускоряющего или замедляющего, положительного или отрицательного влияния на общественное бытие. Следовательно, общественное сознание определяет формирование олимпийских идеалов и принципы их реализации.

В качестве социальных ценностей олимпийские идеалы конкретизируются в социальных нормах, которые обеспечивают сохранение олимпизма. В силу этого жизненность олимпийских идеалов предопределяется международным признанием олимпийского спорта, его универсальным для современности значением, выражающим как повседневные, так и перспективные интересы общества и личности.

Следовательно, олимпийские идеалы формируют: во-первых, представления о желаемом типе общества; во-вторых, разделяемые в обществе убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться и основные средства их достижения; в-третьих, обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения. Поэтому многозначность влияния олимпийских идеалов на общественное сознание и их органическая взаимосвязь дает нам возможность утверждать, что олимпийские идеалы — не просто элемент общественного сознания, а его компонент.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубертен П. Олимпийские мемуары. Киев: Олимпийская литература; 1997. 180 с.
2. Суник А.Б. Российский спорт и олимпийское движение. М.: Советский спорт; 2001. 664 с.
3. Родиченко В.С. Олимпийская идея для России. М.: Диалог культур; 2011. 319 с.
4. Фомин Ю.А., Килькина И. Кризис в МОК в конце 90-х гг. XX века и общественное мнение России. *Теория и практика физической культуры*. 2001;(7):4–6.
5. Фомин Ю.А., Меркутова Т.Ю. Конфликты в олимпийском движении, их преодоление и предупреждение. *Теория и практика физической культуры*. 2010;(6):2–8.
6. Визитей Н.Н. Идея олимпизма и реалии современного мира. *Теория и практика физической культуры*. 2011;(1):43–47.
7. Основы олимпизма. Пер. с англ. Э. Миа, Б. Гарсиа. М.: Рид Медиа; 2013. 191 с.
8. Столяров В.И. Идеи Пьера де Кубертена и современное олимпийское движение. *Теория и практика физической культуры*. 2014;(1):57–60.
9. Фомин Ю.А. Методологические основы теории спорта или философия спорта? *Теория и практика физической культуры*. 2011;(12):94–98.

10. Егоров А.Г. Философское значение современного олимпизма. *Теория и практика физической культуры*. 2001;(7):18–23.
11. Энциклопедия современного олимпийского спорта. Киев: Олимпийская литература; 1998. 599 с.

REFERENCES

1. Coubertin P. Olympic memoirs. Kyiv: Olympic literature; 1997. 180 p. (In Russ.).
2. Sunik A. B. Russian sport and the Olympic movement. Moscow: Soviet sport; 2001. 664 p. (In Russ.).
3. Rodichenko V. S. Olympic idea for Russia. Moscow: Dialogue of cultures; 2011. 319 p. (In Russ.).
4. Fomin Yu.A., Kilkina I. Crisis in the IOC in the late 90s of the XX century and public opinion of Russia. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2001;7:4–6. (In Russ.).
5. Fomin Yu.A., Merkutova T. Yu. Conflicts in the Olympic movement, its overcoming and prevention. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2010;6:2–8. (In Russ.).
6. Vizitey N.N., Manolaki V. G. Olympic idea and realities of modern world. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2011;1:43–47. (In Russ.).
7. The foundations of the Olympic movement. Translated from English. E. Mia, B. Garcia. Moscow: Reed Media; 2013. 191 p. (In Russ.).
8. Stolyarov V.I. Ideas of Pierre de Coubertin and modern Olympic movement. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2014;1:57–60. (In Russ.).
9. Fomin Yu. A. Methodological basics of sportstheory or sportphilosophy? *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2011;12:94–98. (In Russ.).
10. Egorov A. G. Philosophical significance of modern Olympism. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2001;7:18–23. (In Russ.).
11. Encyclopedia of modern Olympic sport. Kyiv: Olympic literature; 1998. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Валентинович Швецов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Финансовый университет, Москва, Россия
Shvedcov2004@yandex.ru

Юрий Алексеевич Фомин — доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой философских, исторических и социальных наук, Московская государственная академия физической культуры, Московская область, Россия
kaf-filosofii@mgafk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Shvetsov — Cand. Sci. (Pedagogic), Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
Shvedcov2004@yandex.ru

Yuriy A. Fomin — Doctor of Social Sciences, Professor, Moscow State Academy of Physical Education, Moscow region, Russia
kaf-filosofii@mgafk.ru

Статья поступила 26.12.2019; принята к публикации 10.01.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 26.12.2019; accepted for publication on 10.01.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-59-65
УДК 331.101.52;316.422.44(045)

Роль науки и образования в развитии человеческого капитала*

Ю.М. Грузина^а, Д.Д. Сорокин^б, К.А. Штанова^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-6656-1156>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-7979-2463>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-5487-7025>

АННОТАЦИЯ

Под человеческим капиталом понимается запас знаний, умений, профессиональных и иных качеств, сформированный непосредственно индивидом и государством и используемый самими индивидами для производства новых благ и прибавочной стоимости. Фактически сама дефиниция «человеческий капитал» стала отражением того, насколько возросла роль образования и уровня профессионально-технической подготовки индивидуума в индустриальном и пост-индустриальном обществе. Совокупно человеческий капитал включает в себя такие понятия как здоровье, культурный уровень, уровень образования, а также физический и финансовый капиталы. В статье анализируется динамика развития человеческого капитала в Российской Федерации и за рубежом.

Ключевые слова: человеческий капитал; индекс человеческого капитала; наука; пятый технологический уклад; образование; научно-технический прогресс

Для цитирования: Грузина Ю.М., Сорокин Д.Д., Штанова К.А. Роль науки и образования в развитии человеческого капитала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-59-65

ORIGINAL PAPER

The Role of Science and Education in the Development of Human Capital**

Yu.M. Gruzina^а, D.D. Sorokin^б, K.A. Shtanova^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0002-6656-1156>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-7979-2463>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-5487-7025>

ABSTRACT

Human capital refers to the stock of knowledge, skills, professional and other qualities formed directly by the individual and the state and used by the individuals themselves for the production of new goods and surplus-value. In fact, the very definition of “human capital” has become a reflection of how much the role of education and the level of vocational training of the individual has increased in industrial and post-industrial society. Collectively, human capital includes such concepts as health, cultural level, level of education, as well as physical and financial capital. The article analyses the dynamics of human capital development in the Russian Federation and abroad.

Keywords: human capital; human capital index; science; fifth technological order; education; scientific and technical progress

For citation: Gruzina Yu.M., Sorokin D.D., Shtanova K.A. The role of science and education in the development of human capital. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-59-65

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету в 2019 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task of the financial University in 2019.

Изучение теории человеческого капитала началось еще в XIX в., но тщательное исследование стало проводиться в 60-х гг. XX в. лауреатами Нобелевской премии по экономике Т. Шульцем и Г. Беккером. С этого времени теория сформировалась как самостоятельное научное течение экономической мысли. Также важный научный вклад в ее разработку и дальнейшее развитие внесли Дж. Минцер, Л. Туроу, М. Фишер, М. Блауг, Дж. Кендрик, Э. Денисон, Ф. Махлуп, У. Боуэн, и др.

Концепция человеческого капитала лежит в основе такого ключевого показателя социально-экономического развития государства, как индекс человеческого развития (ИЧР), и работа на этот показатель становится одним из трендов внутренней политики государств и даже средством оценки одних государств другими. ИЧР измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан. Измерения осуществляются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых выступает как совокупный показатель ИЧР в том же диапазоне.

В основу оценки индекса положены реальные числовые показатели официальных источников о развитии человеческого капитала в разных странах мира, поэтому индексы считаются объективными и поддаются верификации (рис. 1).

Стоит отметить, что данные за более ранний период показывают, что график роста ИЧР идет скорее по синусоиде, и в некоторые годы индекс развития человеческого потенциала «проседает». С другой стороны, это может быть связано с перерасчетом формулы определения ИЧР, который производился с начала XXI в. минимум дважды, потому и были выбраны наиболее актуализированные данные.

На данный момент в рейтинге ИЧР Россия занимает совокупное 16-е место и по этому показателю опережает своих соседей по постсоветскому пространству, а также такие страны, как Монголия, Сербия, Куба и др. (рис. 2; таблица).

Конкурентоспособность государства на мировой арене, развитие страны в условиях глобализации и информатизации во многом зависит и определяется уровнем образованности общества и граждан [1]. Поэтому одним из важнейших показателей человеческого капитала является индикатор образования, который включает в себя полученные знания, приобретенные навыки, врожденные способности, уровень мотивации и энергии, которыми обладают люди и которые используются в течение

определенного периода времени для совершения конкретных задач. Вот почему в теориях человеческого капитала показатель образования является постоянной величиной, присутствующей на любой стадии и ступени развития производства.

Из *таблицы* видно, что Россия занимает 16-е место, но только на основании рейтинга невозможно сделать вывод о развитии человеческого капитала в конкретной стране, так как его структура предполагает анализ большого количества показателей и возрастных групп населения.

По состоянию на 2017–2018 гг. Российская Федерация обладает одним из самых высоких общих уровней образования населения: в РФ один из самых низких коэффициентов выбытия из начальной школы (0,7%), а процент населения, имеющего высшее или среднее образование, высок даже по меркам стран с высоким ИЧР. Количество населения в официальном возрасте высшего образования составляет 82%, что больше, например, чем в Китае, Италии, Швеции или Швейцарии (см. *таблицу*). Так, в группе показателей «Образование» Россия занимает 4-е место, Германия — 29-е место, Катар — 94-е место. Но при этом расходы на образовательную сферу составляют 3,8% от ВВП, как в Чили, Катаре или Андорре.

Однако необходимо отметить, что в целом экономика отдельно взятой страны не может принадлежать единственному технологическому укладу. Процент принадлежности действующему на данном этапе развития укладу определяет степень развития экономики государства. В настоящее время передовыми технологиями в наибольшей мере оснащена экономика США, Японии и КНР. В США, например, доля производительных сил четвертого технологического уклада составляет 20%, пятого — 60% и около 5% приходится на шестой уклад. Что касается России, то доля технологий пятого уклада составляет примерно 10%, да и то только в наиболее развитых отраслях: в военно-промышленном комплексе и авиакосмической промышленности. Более 50% технологий относится к четвертому уровню, а почти треть — к третьему [2].

Отметим, что пятый технологический уклад характеризуется растущим количеством открытий в области микробиологии, информатики, биотехнологий, ростом технологий альтернативной энергетики, большей упорядоченностью в работе рынка, засильем франшиз и цифровых технологий управления рыночными отношениями. Фактически вершиной пятого технологического уклада можно назвать интернет вещей — полностью автоматизи-

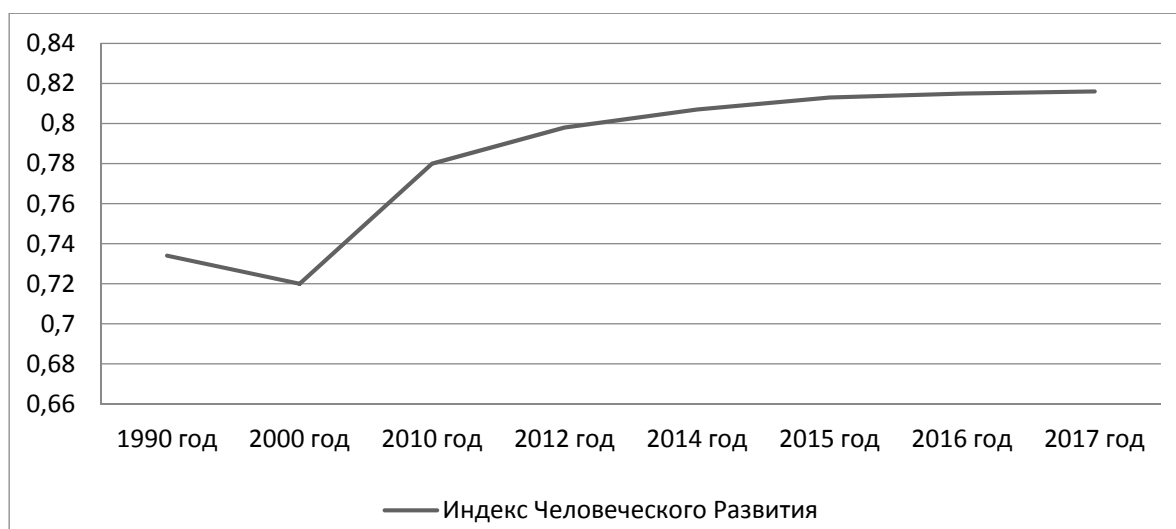

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика изменения значений ИЧР в Российской Федерации / Dynamics of changes in HDI values in the Russian Federation

Источник / Source: URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf.

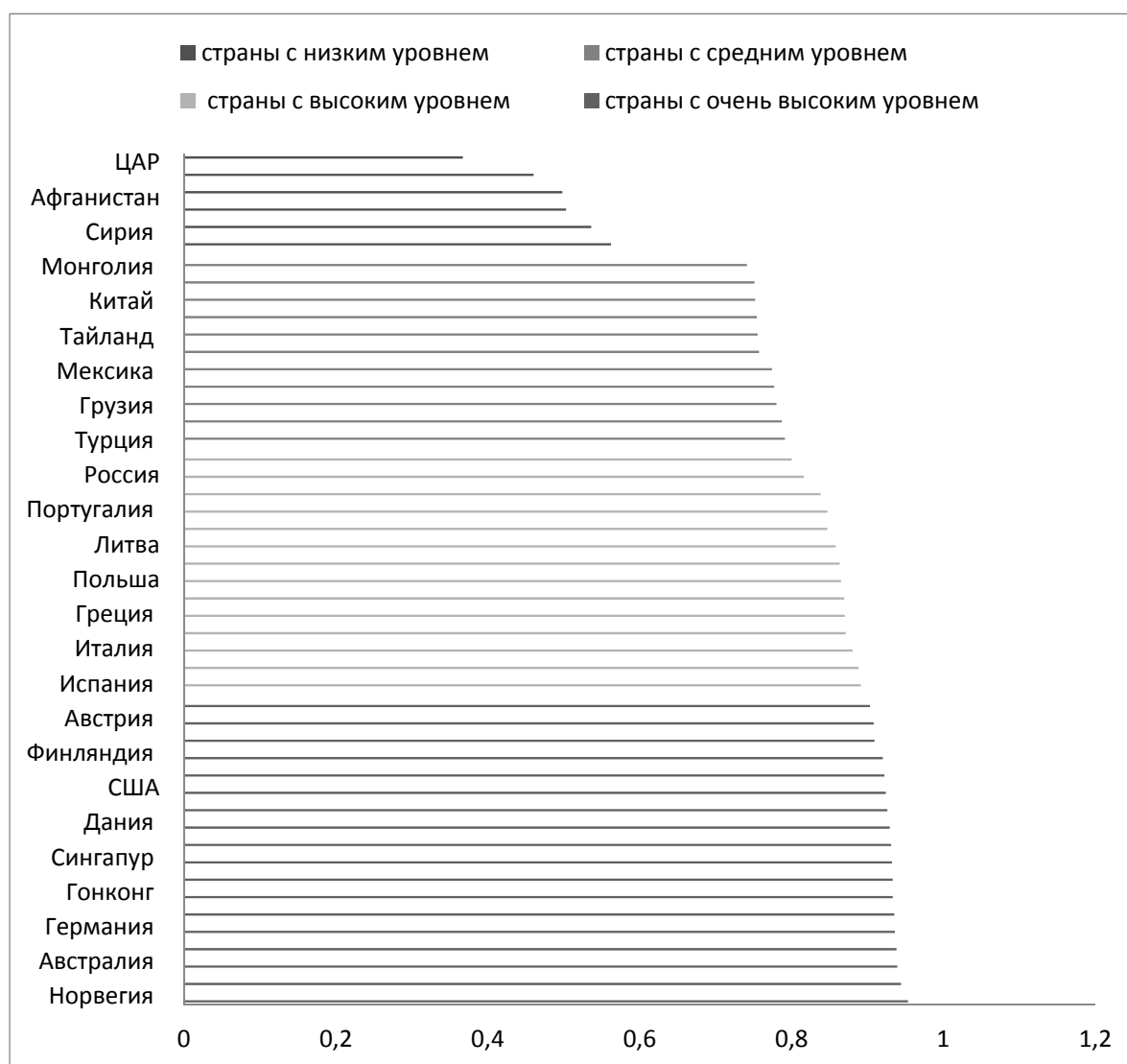

Рис. 2 / Fig. 2. Индекс человеческого развития за 2018 г. / Human Development Index for 2018

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Основные сведения о человеческом капитале в государствах мира на основе данных ежегодного аналитического отчета 2019 г. [2] / Basic information about human capital in the world's States based on the data of the annual analytical report 2019 [2]

Страна	Рейтинг по группе показателей образование человеческого капитала	Рейтинг по группе показателей развитие человеческого капитала	Общий рейтинг
Австралия	20	9	1
Австрия	45	7	10
Бразилия	74	87	77
Китай	62	47	34
Дания	16	14	5
Финляндия	8	1	2
Германия	29	12	6
Индия	101	65	103
Индонезия	64	53	65
Израиль	58	21	18
Италия	41	28	35
Япония	9	23	17
Катар	94	52	55
Россия	4	33	16
Сингапур	27	25	11
Швеция	31	16	8
Швейцария	28	2	3
Турция	83	46	75
США	22	4	4
Йемен	122	130	130

Источник / Source: URL: <https://gtmarket.ru/research/rule-of-law-index/info>.

зированную самостоятельную систему, в которой каждый имеющийся гаджет обладает определенной автономией и взаимодействует с другими гаджетами и приборами в системе, вмешательство человека в которую требуется уже в минимальной степени.

Шестой технологический уклад, в свою очередь, характеризуется ростом влияния биотехнологий и робототехники, повсеместным использованием нейросетей и все более активным развитием искусственного интеллекта. Некоторые тренды шестого технологического уклада, такие как производство материалов с заранее заданными свойствами, высокий уровень развития атомной энергетики, а также широкое использование нейросетей (как минимум в сфере безопасности) характерны для Российской Федерации, однако очень точно [3].

Говоря о том, что в настоящее время наибольших успехов России удалось достичь в военно-промыш-

ленном комплексе и энергетике, не нужно забывать и о гражданском секторе стимулирования научно-технического прогресса. Исходя из описания пятого и шестого технологических укладов, мы можем сделать вывод о важности наукоемких исследований производств и подготовки квалифицированных кадров в осуществлении быстрого и эффективного перехода на новый уровень, что требует увеличения вложений государства в НИОКР (рис. 3).

В ближайшие три года государство планирует потратить почти 2,4 трлн руб. на научные исследования и разработки. Однако следует отметить, что почти 40% этих расходов направлено на военные и космические исследования, при том, что финансирование фундаментальной науки по-прежнему является недостаточным и несравнимым с объемом затрат на исследования и разработки в странах-лидерах. Так, в проекте бюджета на три года расходы

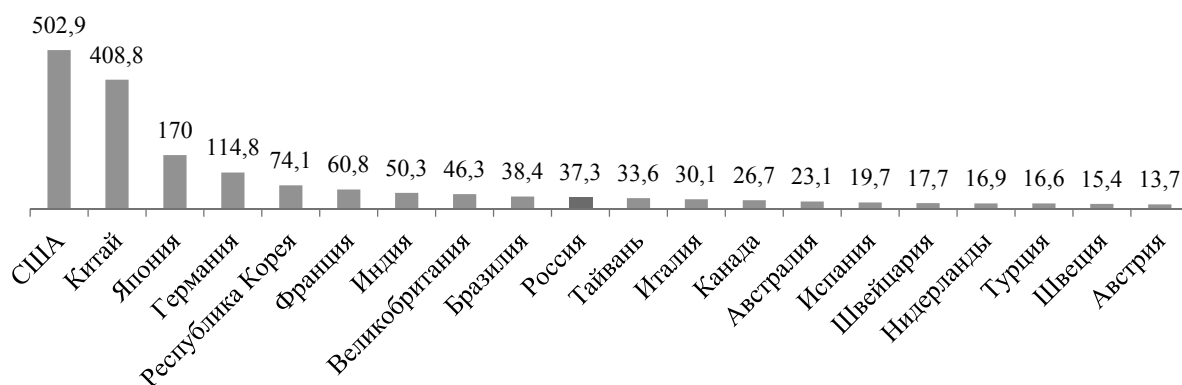

Рис. 3 / Fig. 3. Место РФ по объему внутренних затрат на исследования и разработки, 2016 г. (млрд долл. США) / Russia's position in terms of domestic research and development expenditures, 2016 (USD billion)

Источник / Source: URL: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2017/institut-statisticheskikh-issledovaniy-ekonomiki-znaniy-niu-vshe>.

на научные исследования и разработки распределены следующим образом: в 2019 г. — 764,6 млрд руб., в 2020 г. — 781,2 млрд руб. и в 2021 г. — 836,2 млрд руб. В эти суммы входят расходы на фундаментальные и прикладные исследования по всем разделам бюджета (общегосударственные вопросы, национальная экономика, национальная оборона, безопасность, здравоохранение и т.д.).

Для сравнения, в предыдущем законе о трехлетнем бюджете на 2018–2020 гг. расходы на эти цели были запланированы так: в 2019 г. — 688 млрд руб., в 2020 г. — 674 млрд руб. Получается неоднозначная картина: финансирование исследований и разработок растет, однако, по сравнению с 2018 г. (затраты на исследования и разработки — 857 млрд руб.) в следующем году они снизятся, при том, что доля этих расходов в ВВП уменьшится, согласно проекту бюджета, — с 0,85% (по итогам 2018 г.) до 0,71% (в 2020–2021 гг.) (<https://www.rbc.ru/economics/21/09/2018/5ba3bc4f9a7947172541a5ff>).

При этом технологические лидеры, такие как США и Япония, считают науку и инновационный сектор экономики базовыми источниками развития страны и достижения конкурентных преимуществ, а также ключевыми системообразующими институтами государства.

Рассматривая развитие человеческого капитала в научной сфере, необходимо отметить, что за 2015–2018 гг. количество публикаций в индексируемых журналах выросло в среднем в 2 раза. На рис. 4 представлены сравнительные показатели статей из разных стран, написанных в соавторстве с иностранными и российскими учеными.

Следующий важный показатель развития человеческого капитала — индекс так называемого «Ноу-хау», который включает долю высококвали-

фицированных специалистов и долю специалистов со средней квалификацией. На рис. 5 представлен рейтинг стран по индексу развития человеческого капитала «Ноу-хау».

Таким образом, конкурентоспособность государства на мировой арене, развитие страны в условиях глобализации и информатизации во многом зависит и определяется уровнем образованности общества и граждан. Поэтому одним из важнейших показателей человеческого капитала является индикатор образования, включающий в себя полученные знания, приобретенные навыки, врожденные способности, уровень мотивации и энергии, которыми обладают люди и которые используются в течение определенного периода времени для совершения определенных задач. Поэтому в теориях человеческого капитала показатель образования является постоянной величиной, присутствующей на любой стадии и ступени развития производства [4].

Правительство Российской Федерации понимает, что без развитой инновационной науки в постиндустриальном мире нашу страну ожидает судьба сырьевого придатка, второсортной державы. Государство должно поощрять инновационную активность ученых и научных школ, занятых решением прикладных или фундаментальных задач. Например, если правительство поднимает вопросы высокой смертности граждан в стране — значит, нужно осуществлять финансирование госзаказа на исследования в области сердечно-сосудистых или онкологических заболеваний и т.д. Поэтому для создания и внедрения прорывных технологий надо активно влиять на условия научного производства и инвестировать средства на развитие науки, образования, что отразится на развитии и росте человеческого капитала страны.

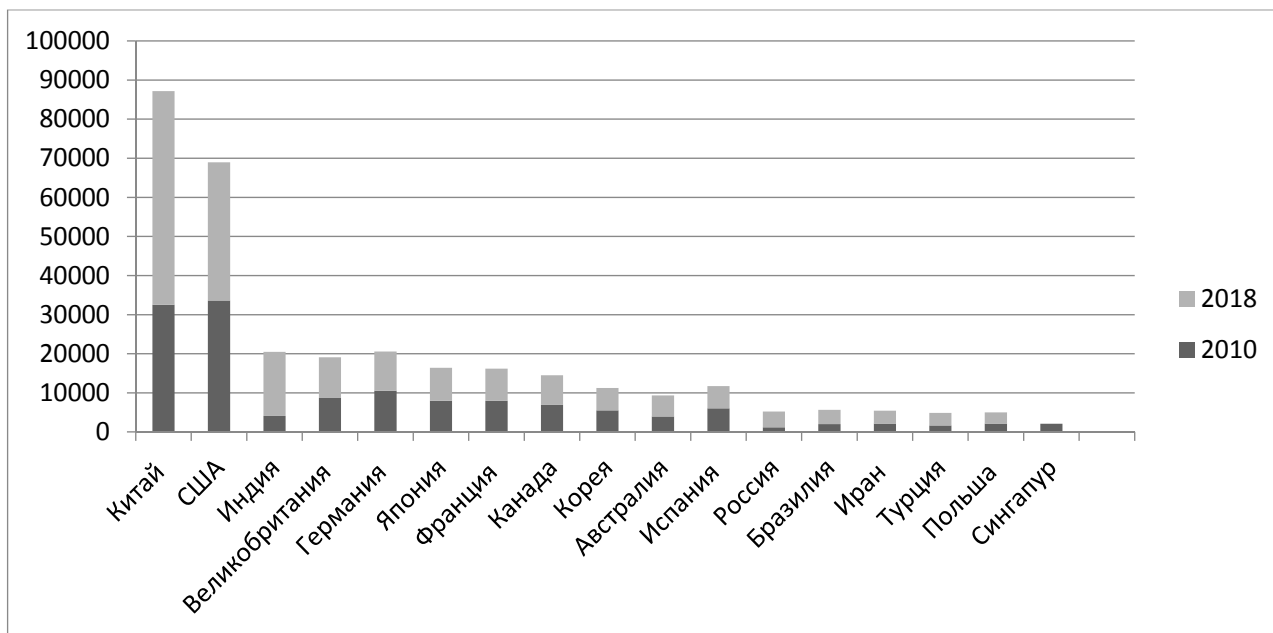

Рис. 4 / Fig. 4. Индекс по числу статей в журналах Scopus и WOS в разных странах / Index for the number of articles in Scopus and WOS journals in different countries

Источник / Source: URL: <http://helpiks.org>.

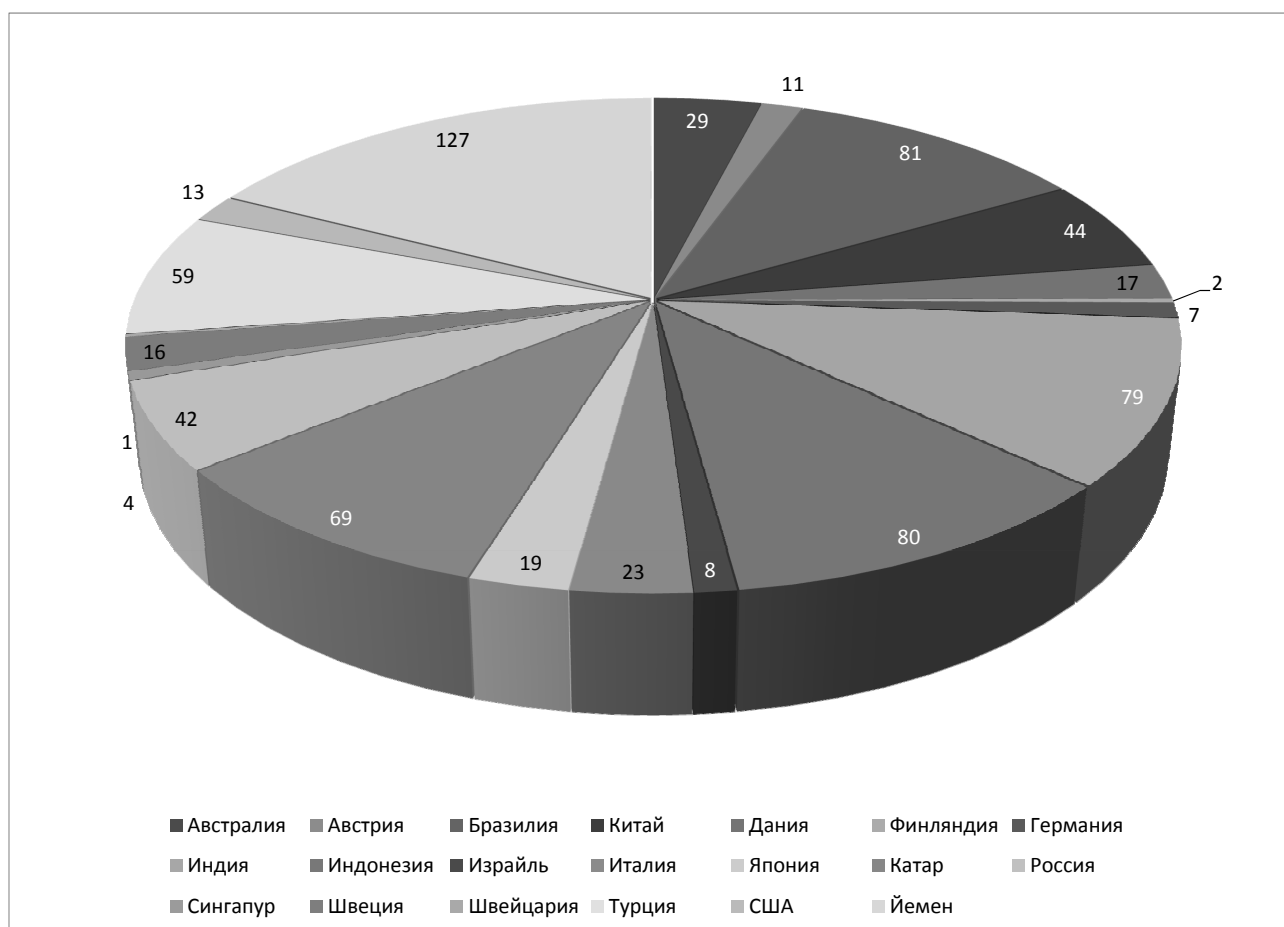

Рис. 5 / Fig. 5. Индекс развития человеческого капитала «Ноу-хау» за 2018 г. / Know-how human capital development index for 2018

Источник / Source: URL: <https://www.hse.ru/data/2018/08/20/1154812142/ICE2018.pdf.pdf>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эскиндаров М.А. Система образования находится в постоянном развитии. *Самоуправление*. 2019;2(115):14–17.
2. Шамахов В.А. Инновационное развитие: потенциал отечественной науки и образования. URL: <https://www.ejournal.ru/jour/article/view/186>.
3. Каблов Е. Шестой технологический уклад. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800>.
4. Курганский С.А. Тенденции развития человеческого капитала в России. *Известия ИГЭА*. 2011;2(76):17–20.

REFERENCES

1. Eskindarov M.A. The education system is in constant development. *Samoupravlenie*. 2019;2(115):14–17. (In Russ.).
2. Shamakhov V.A. Innovative development: the potential of national science and education. URL: <https://www.ejournal.ru/jour/article/view/186>. (In Russ.).
3. Kablov E. Sixth technological way. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800>. (In Russ.).
4. Kurganskiy S.A. Trends in the development of human capital in Russia. *Izvestiya of ISEA*. 2011;2(76):17–20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Михайловна Грузина — кандидат экономических наук, доцент Департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия

Ymgruzina@fa.ru

Дмитрий Дмитриевич Сорокин — лаборант-исследователь Международного центра развития инноваций и студенческих инициатив, Финансовый университет, Москва, Россия

DDSorokin@fa.ru

Ксения Алексеевна Штанова — младший научный сотрудник Международного центра развития инноваций и студенческих инициатив,

Финансовый университет, Москва, Россия

KAShtanova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yulia M. Gruzina — Cand. Sci. in Economics, Associate Professor, Department of Management, Financial University, Moscow, Russia

Ymgruzina@fa.ru

Dmitry D. Sorokin — Research assistant at the International Center for Development of Innovations and Student Initiatives, Financial University, Moscow, Russia

DDSorokin@fa.ru

Ksenia A. Shtanova — Junior researcher at the International Center for Development of Innovations and Student Initiatives, Financial University, Moscow, Russia

KAShtanova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю.М. Грузина — подготовка текста статьи, обзор литературы.

Д.Д. Сорокин — подготовка списка литературы, формулирование выводов.

К.А. Штанова — введение, методы и актуальность исследования.

Contribution of the authors:

Yu.M. Gruzina — preparation of the article text, literature review.

D.D. Sorokin — preparation of the list of references, formulation of conclusions.

K.A. Shtanova — introduction, methods and relevance of the research.

Статья поступила 12.01.2020; принята к публикации 10.02.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.01.2020; accepted for publication on 10.02.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-66-70
УДК 32(045)

Конференция победителей и Февральская революция

Д.Л. Каптарь

писатель, публицист, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9754-4378>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена Петроградской конференции представителей Антанты, проводившейся с 16 января по 8 февраля 1917 г. Данное дипломатическое событие анализируется в контексте Февральской революции. Автор считает, что революция не была спонтанной реакцией на положение в России, а готовилась заранее, и внешний фактор сыграл в этом важную роль. Таким образом, автор придерживается элитаристской социологической концепции, согласно которой элита, а не широкие народные массы, являются основным субъектом исторического развития. Современные события в мире, связанные с цепью так называемых «цветных» революций, придают статье актуальность, поскольку технология свержения монархии в России во многом похожа на методы, которые применялись во время «цветных» революций в наши дни.

Ключевые слова: монархия; Первая мировая война; Февральская революция; хлебный бунт; царь Николай; «цветная» революция

Для цитирования: Каптарь Д.Л. Конференция победителей и Февральская революция. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):66-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-66-70

ORIGINAL PAPER

Conference of the Entente Countries and the February Revolution

D.L. Kaptar

writer, publicist, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9754-4378>

ABSTRACT

The paper considers the Petrograd conference of the Entente countries held from January 16 to February 8, 1917. This diplomatic event the author analysed in the context of the February revolution. The author believes that the revolution was not a spontaneous reaction to the situation in Russia, but was prepared in advance, and the external factor played an essential role in this. Thus, the author shares the elitist sociological concept, according to which it is the elite, rather than the masses, is the main subject of historical development. Current world events related to the chain of the so-called “colour revolutions” gives the article the urgency, as the technology of the overthrow of the monarchy in Russia is similar to the methods that were used during the “colour revolutions” nowadays.

Keywords: the February revolution; monarchy; World War I; Tsar Nicholas; “colour” revolution

For citation: Kaptar D.L. Conference of the Entente countries and the February revolution. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):66-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-66-70

С 16 января по 8 февраля 1917 г. в Петрограде проходили переговоры представителей государств, союзников России в мировой войне. Это была первая и последняя конференция Антанты, проведенная в нашей стране, что само по себе говорит об уникальности данного международного форума.

В состав французской делегации входили министр колоний Думерг, посол в Петрограде Палеолог и генерал Кастельно; английской — член кабинета министров и военного совета Мильнер, посол Бьюкенен, полномочный министр лорд Ревельсток и генерал Вильсон; итальянской — член кабинета министров сенатор Шалойя, посол Карлотти ди Рипарбелла и генерал Руджери-Ладерки; румынской — председатель совета министров Братиано.

В качестве представителей России Император Николай II назначил генерал-инспектора артиллерии при Верховном Главнокомандующем Великого князя Сергея Михайловича; министров иностранных дел, военного, морского, финансов, торговли и промышленности; управляющего Министерством путей сообщения, и. о. начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала от кавалерии Гурко; начальника морского штаба при Верховном Главнокомандующем адмирала Русина, а также членов Государственного Совета гофмейстеров Сазонова и Нератова. Председателем Конференции был глава МИД Покровский, а управление делами возлагалось на товарища (заместителя) министра финансов Шателена¹.

Проведению Конференции предшествовала тщательная подготовка, во время которой обсуждался широкий круг вопросов, которые предполагалось поднять в ходе международных переговоров.

На заседании у министра иностранных дел 8 января 1917 г. было «постановлено, что союзная Конференция откроется пленарным совещанием.

После пленарного совещания имеют быть образованы три секции:

а/. Военно-политическая — в составе: Министра Иностранных Дел, генерала Гурко, представителя французского правительства г-на Думерга и генерала Кастельно, представителя

английского правительства лорда Мильнера и генерала Вильсона, представителя итальянского Правительства сенатора Шалойя и генерала Руджери-Ладерки.

б/. По вопросам снабжения.

с/. Финансовые»².

Именно военно-политическая составляющая переговоров рассматривалась российским руководством как ключевая. Тема зарубежных поставок вооружений и других предметов снабжения, а также связанные с этим финансовые вопросы носили второстепенный характер. Россия, безусловно, была заинтересована в масштабном импорте для нужд фронта, однако это не свидетельствовало о неспособности нашей армии продолжать войну до победы без осуществления столь крупных закупок, как это ошибочно восприняли во Франции. Российский военный атташе Игнатъев сообщил в телеграмме, что «французы усматривают в наших требованиях, в лучшем случае, малообоснованный запрос, при котором вся оказанная до сих пор помощь Франции как бы сводится к нулю, а в худшем случае они усматривают стремление некоторых наших государственных людей доказать союзникам невозможность для нас при подобных условиях продолжать борьбу»³.

Однако военный министр Беляев, отвечая Игнатъеву, резко опроверг данные интерпретации: «Поручаю Вам самым категорическим образом возражать против сообщаемых в Вашей телеграмме предположений о причинах заявлений наших на конференции о потребностях армии в предметах вооружения и снабжений. Передайте от меня г. Альберту Тома, что, стремясь всемерно развить успех на восточном фронте, мы разработали программу усиления наших вооруженных сил и сообщили на конференции о той материальной части, для новых формирований, которую не можем получить на наших заводах. Если союзные страны не в состоянии уступить нам недостающее вооружение, мы сократим число новых формирований...»⁴.

Обратите внимание на формулировку Беляева: если союзники не смогут удовлетворить наши требования, то мы «сократим число но-

¹ АВПРИ. Фонд «Секретный архив». Опись № 467. Дело № 675/716. ЛЛ.3–29.

² АВПРИ. «Секретный архив». Опись № 467. Дело № 678/718. Л. 24–28.

³ Там же. Дело № 680/720. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 12.

вых формирований», т.е. не прекратим создавать новые формирования, а лишь сократим их количество. Между тем русская армия уже к началу 1917 г. насчитывала около 10 млн человек и была самой крупной среди всех участников Первой мировой. Ее снабжение улучшалось, а военная промышленность росла быстрыми темпами. В 1916 г. Германия, Австро-Венгрия и Турция потерпели поражения в ряде операций на Восточном фронте, и в целом кампания 1916 г. закончилась в пользу России. На весну 1917 г. планировалось всеобщее наступление Антанты, и руководство нашей страны готовило дальнейшее укрепление армии и флота,

---

Именно военно-политическая составляющая переговоров рассматривалась российским руководством как ключевая. Тема зарубежных поставок вооружений и других предметов снабжения, а также связанные с этим финансовые вопросы носили второстепенный характер. Россия, безусловно, была заинтересована в масштабном импорте для нужд фронта, однако это не свидетельствовало о неспособности нашей армии продолжать войну до победы без осуществления столь крупных закупок, как это ошибочно восприняли во Франции.

представлявших грозную силу. Неслучайно в январе 1917 г. Германии приходилось держать на Восточном фронте 1,9 млн своих военно-служащих. Кроме того, России противостояли основные силы Австро-Венгрии, а также боевые действия велись на территории Турции. Хотя на Западном фронте находилось 2,9 млн германцев [1], и это больше чем на Восточном, на Западе против Германии действовали армии Франции и Англии, а также ряд подразделений португальской, бельгийской и русской армий.

Оценивая перспективы кампании 1917 г., Пауль фон Гинденбург писал в своих мемуарах: «Мы должны были ожидать, что зимой 1916–1917 гг., как и в прошлые годы, Россия успешно компенсирует потери и восстановит свои наступательные возможности. Никаких сведений, которые бы свидетельствовали о серьезных признаках разложения русской армии, к нам не поступало. К тому же опыт научил меня относиться к таким донесениям очень осторожно, вне зависимости от того, из какого источника и когда они исходят.

Столкнувшись с превосходством России, мы не могли безбоязненно смотреть на состояние австро-венгерской армии. Донесения, которые мы получали, не давали веских оснований считать, что благоприятный исход кампании в Румынии и относительно благоприятное положение на итальянском фронте (поскольку там ситуация оставалась напряженной) оказали долговременное ободряющее влияние на моральное состояние австро-венгерских войск.

Мы должны были учитывать, что атаки русских могут еще раз привести австрийские позиции к коллапсу. В любом случае невозможно было оставить австрийский фронт без прямой помощи Германии. Напротив, мы должны были быть готовы посылать и в дальнейшем подкрепления нашему союзнику, если сложится критическое положение» [2].

Разумеется, поставки вооружений из-за рубежа позволяли нарастить наши боевые возможности в еще большем масштабе, тем самым приблизив окончание войны в нашу пользу. Россия, как и Антанта в целом, уверенно шла к победе, и Петроградскую конференцию 1917 г. можно в определенном смысле сопоставить с Тегеранской конференцией 1943 г. Хотя до победы и оставалось полтора года, в исходе войны уже не было сомнений, о чем и свидетельствует список вопросов, обсуждаемых в Тегеране, в частности, территориальный раздел Германии. Изучая документы, подготовленные к Петроградской конференции, можно увидеть, что и в этом случае речь шла о послевоенном разделе территорий противника. Так, например, в одной из аналитических записок отмечается, что «С военно-политической точки зрения, наиболее важным для нас является рассмотрение вопросов, связанных с Балканским фронтом. ...По отношению к Европейской Турции на первом плане стоит

основная задача — осуществить наше соглашение с союзниками 1915 г. относительно приобретения Константинополя и Проливов. В этом для России заключается все оправдание войны и весь смысл балкано-македонской кампании. От успеха этой последней зависит достижение вышеуказанной главной цели»⁵.

Касательно территорий, входящих в Австро-Венгрию, «генерал Гурко придает большое значение более определенному разрешению вопроса о создании нового Чешского государства. Нам следует точно установить, какого рода государство мы стремимся создать из чешских земель. Нами уже глубоко затронута судьба чешского народа, а посему всякие колебания не доступны. По мнению генерала Гурко, создание молодой Чешской монархии являлось бы для нас более выгодным разрешением вопроса, чем создание Чехии-республики»⁶.

Обратим внимание на формулировки: Россия оказывает влияние не только на то, в каких границах будет создана Чехия, но также и на вопрос государственного устройства страны, которая должна появиться.

Таким образом, после победы могущество России должно было резко возрасти сразу в нескольких геополитических аспектах. Разумеется, такое усиление не соответствовало интересам ряда других великих держав. Смена государственного строя в нашей стране создавала разрыв легитимности власти и открывала перед «западными партнерами» возможность не исполнять ранее достигнутые договоренности. Конечно, ослабление Восточного фронта, связанное с дестабилизацией ситуации в России, осложняло и положение Западного фронта, однако, уже было известно, что в войну на стороне Антанты в 1917 г. вступят США. Поэтому ни Февральская революция, ни даже Брестский мир не могли спасти Германию и ее союзников от поражения. Так что не стоит удивляться, что в вопросах, связанных с Февральской революцией, отчетливо прослеживается иностранное вмешательство.

О контактах между британским послом Бьюкененом и будущими февралистами написано немало. Остановлюсь лишь на одном моменте. Бьюкенен знал, что оппозиция настаивает

на учреждении правительства, ответственного перед Государственной Думой. Это де-факто означало бы превращение Российской империи в парламентскую республику. Так вот, на аудиенции у царя незадолго до созыва Петроградской конференции Бьюкенен ходатайствовал в пользу принятия требований думских деятелей. Разумеется, это было грубейшим нарушением дипломатического этикета и попыткой вмешательства во внутренние дела нашей страны, что, естественно, вызвало негативную реакцию Николая II. Потерпев неудачу, оппозиция обратилась к другому представителю британской делегации, лорду Мильнеру (Милнеру). Кадетский деятель Струве направил ему два письма, а лорд, в свою очередь, составил меморандум на имя царя, где в более сдержанных выражениях, но все же проводил идеи в духе тезисов, высказанных ранее Бьюкененом [3]. Таким образом, Британия недвусмысленно давала понять Николаю II, на чьей стороне она находится.

Обращает на себя внимание и другой красноречивый факт. 4 ноября 1916 г. посол в Париже Извольский сообщил в Россию, что имел беседу с Ллойдом Джорджем, на тот момент военным министром Великобритании: «На мой вопрос будет ли он участвовать в предстоящей конференции в Петрограде, Л. Джордж ответил, что поехать туда может либо Лорд Грей, либо он»⁷.

В памятной записке, полученной Александром Треповым (Председателем Совета министров) 13 ноября 1916 г. отмечается, что «Личный состав иностранных уполномоченных окончательно не установлен, но можно считать несомненным, что в совещании примут участие, помимо военных делегатов также представители глав правительств, при чем со стороны Англии предполагается вероятно прибытие самого Первого министра г. Асквита»⁸.

В справке от 24 ноября 1916 г. относительно возможного состава иностранных делегаций на Петроградскую конференцию, вновь читаем: «От Англии: по-видимому, лорд Грей, может быть, Ллойд Джордж»⁹.

Итак, как минимум еще 24 ноября 1916 г. ожидалось, что в Россию прибудут военный

⁵ АВПРИ. Фонд «Секретный архив». Описание № 467. Дело № 678/718. Л. 57–59.

⁶ Там же. Л. 20–21.

⁷ АВПРИ. Фонд «Секретный архив». Описание № 467. Дело № 672/702. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Дело № 678/718. Л. 2–3.

министр, либо министр иностранных дел, а, возможно, премьер Великобритании. Участие Асквита считалось настолько высоко вероятным, что в той же записке Трепову говорилось: «Вследствие сего казалось бы необходимым, чтобы и со стороны России в трудах совещания принял участие Председатель Совета министров»¹⁰.

Что касается Франции, то российский премьер Штюмер направил послу в Париже секретную телеграмму от 3 ноября 1916 г., где указывалось, что «Прибытие в Россию, для участия в Конференции, Бриана (премьер-министр — *Прим. Д.Л. Кантаря*) представлялось бы крайне желательным»¹¹.

4 ноября 1916 г. Извольский в ответной телеграмме сообщает: «К сожалению, Бриан

абсолютно не имеет возможности отлучиться из Франции. Президент Республики, перед которым я энергично настаивал на его посылке, сказал мне, что враждебные ему партии в Парламенте могли бы воспользоваться его отсутствием, чтобы свергнуть его»¹².

Асквит, Ллойд Джордж и Грей также уклонились от поездки в Петроград, и вряд ли это можно назвать совпадением. Подобные дипломатические демарши обычно являются симптомом резкого ухудшения межгосударственных отношений. «Западные партнеры» использовали дипломатический сигнал с целью давления на Николая II.

В заключение отмечу, что 8 февраля Конференция в Петрограде завершилась, и уже 21 февраля в Петрограде начались массовые беспорядки, а 23 февраля принято считать началом Февральской революции.

---

¹⁰ АВПРИ. Фонд «Секретный архив». Опись № 467. Дело № 672/702. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же. Л. 9.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. McRandle J.H., Quirk J. The Blood Test Revisited: A New Look at German Casualty Counts in World War I. *The Journal of Military History*. 2006;70(3):667–701.
2. Marshal von Hindenburg. *Out of my life*. London, New York, Toronto and Melbourne: Cassel and company; 1920.
3. Катков Г.М. Февральская революция. М.: Русский путь; 1997.
Katkov G.M. *The February Revolution*. Moscow: Ruski Put; 1997. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дионис Леонидович Кантарь — писатель, публицист, Москва, Россия
murabl@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dionis L. Kantar' — writer, publicist, Moscow, Russia
murabl@yandex.ru

Статья поступила 04.02.2020; принята к публикации 20.02.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 04.02.2020; accepted for publication on 20.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-71-76
УДК 325.111(045)

Политические и социальные риски иммиграционных потоков для России*

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

Концепция государственной миграционной политики РФ обращает внимание на рост миграционной активности в непосредственной близости от внешних российских границ и в ареале интересов России. Масштабная иммиграция из стран Ближнего Востока, Северной Африки в страны Европы, начавшаяся в 2014–2015 гг. и продолжающаяся до настоящего времени, стала причиной неблагоприятных социально-экономических процессов в реципиентных государствах ЕС, кроме того, вызвала риски и угрозы разрастания в этих государствах криминальных, террористических, экстремистских структур, а также незаконной деструктивной миграции. Вышеуказанные негативные переливы иммиграции могут стать серьезной угрозой как для России, а также для приграничных с нею государств. В статье рассматриваются риски для России иммиграционных потоков из нестабильных стран в контексте уровня государственно-политической, экономической и социальной стабильности в них и воздействия внешних факторов на внутреннюю ситуацию в государствах – миграционных донорах. Проведен анализ механизмов предупреждения политических и социальных рисков посредством регулирования, упорядочения и легитимации иммиграционных потоков. **Ключевые слова:** иммиграционные риски; нестабильные государства; вооруженный конфликт; экономический кризис; социальная напряженность; политическая деструкция; регулируемая миграция; незаконная миграция

Для цитирования: Галас М.Л. Политические и социальные риски иммиграционных потоков для России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):71-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-71-76

ORIGINAL PAPER

Political and Social Risks of Immigration Flows in Russia

M.L. Galas

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

The concept of Russia's state migration policy draws attention to the growth of migration activity in the immediate vicinity of Russia's external borders and the range of Russia's interests. Large-scale migration flow from the Middle East and North Africa to Europe, which began in 2014–2015 up to now, has caused unfavourable socio-economic processes in the recipients of EU states. Besides, it has created risks and threats of expansion in these states criminal, terrorist, extremist illegal, destructive migration. The above harmful overflows of post-crisis migration can become a serious threat to Russia as well as to the border states with it. The article examines the risks for Russia of immigration flows from unstable countries in the context of the level of state-political, economic and social stability in them and the impact of external factors on the internal situation in the states – migration donors. The author also analysed mechanisms for preventing political and social risks through the regulation, streamlining and legitimisation of immigration flows.

Keywords: immigration risks; fragile states; armed conflict; economic crisis; social tension; political destruction; regulated migration; illegal migration

For citation: Galas M.L. Political and social risks of immigration flows in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):71-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-71-76

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task of the financial University.

Россия не является основной принимающей страной для посткризисных миграционных потоков, но устойчиво предоставляет статус беженца и вынужденного переселенца гражданам из Демократической Республики Конго, Афганистана, Сирии, Египта, Грузии, Ливана, Ирака¹.

Как и страны ЕС, Российская Федерация берет обязательства по обеспечению социальных прав и гарантий лицам, признанным беженцами и вынужденными переселенцами. По расходным обязательствам отвечают как Федерация, так и ее субъекты, муниципальные образования.

В сфере труда и обеспечения занятости беженцы пользуются правами граждан России². Беженцам, признанным в законном порядке безработными, предоставлено право доступа к программам и услугам в сфере занятости на равных с гражданами России основаниях.

С 2016 г. иностранные граждане, прибывшие в Российскую Федерацию в экстренном массовом порядке, признанные беженцами или получившие временное убежище на территории Российской Федерации и ставшие участниками Государственной программы переселения, могут обратиться с заявлением о выдаче вида на жительство (далее — ВиЖ) в упрощенном порядке без оформления разрешения на временное проживание (далее — РВП)³.

Договор о создании Экономического союза государств — участников СНГ создал правовую основу для легитимации свободного перемещения товаров, услуг, капиталов, а также рабочей силы; безвизового режима перемещения их граждан в пределах территории Экономического союза⁴.

¹ Наибольшее число лиц, получивших временное убежище, — граждане Сирии (на 1 января 2019 г. — 826 человек, на 1 января 2018 г. — 1128, на 1 января 2017 г. — 1317 человек, на 1 января 2016 г. — 1302), Афганистана (на 1 января 2019 г. — 484 человек, на 1 января 2018 г. — 356, на 1 января 2017 г. — 417 человек, на 1 января 2016 г. — 572), Грузии (на 1 января 2019 г. — 124 человека, на 1 января 2018 г. — 167, на 1 января 2017 г. — 226, на 1 января 2016 г. — 292).

² Федеральный закон от 05.05.2014 № 127-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162573/.

³ Федеральный закон от 01.05.2016 № 129-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197431/.

⁴ Участники Договора правомочны заключать специальные соглашения, регулирующие миграцию. Аналогичные положения закреплены в Соглашении о создании Содружества Независимых Государств от 08.12.1991 г., Соглаше-

В настоящее время наблюдается активное перемещение граждан государств — участников СНГ внутри пространства Содружества между странами — миграционными донорами и странами-реципиентами, а Россия является страной въезда, выезда и транзита для мигрантов внутри общего безвизового пространства. Наибольшее количество иностранных граждан прибывает в Россию из Узбекистана, Таджикистана, Украины, КНР. Устойчивый отток населения в Россию наблюдается в Казахстане, Киргизии, Молдавии, Армении. С целью работы на территорию Федерации въехало большинство иммигрантов из Узбекистана (80%), Таджикистана (73%), Киргизии (79%) и Армении (62%). В региональном разрезе лидируют страны — члены СНГ, государства ЕАЭС, страны постсоветского пространства (Украина, Грузия, Абхазия, Южная Осетия), а также государства Восточной Азии (КНДР, Республика Корея, КНДР, Япония, Монголия) [1, 2].

На территории России в 2018 г. находилась значительная доля экономически активного населения государств — членов СНГ⁵. Тогда как сумма НДФЛ в виде фиксированного авансового платежа за приобретение патентов, поступившая в бюджеты субъектов Российской Федерации, составила 875 млн долл. США. Сумма личных переводов из стран СНГ в Россию в 2017 г. составила менее 2 млрд долл. США, из которых 909 млн — из Казахстана, 262 млн — из Киргизии, 247 млн — из Узбекистана, 149 млн — из Армении. В 2018 г. из Федерации в государства СНГ было переведено около 13,3 млрд долл. США. Лидировали по объему переводов Узбекистан (около 4 млрд), Таджикистан (около 3 млрд), Киргизия (более 2 млрд), Республика Молдова (около 2 млрд). Возник серьезный риск оплаты посредством переводов теневых поставок товаров из КНР, Вьетнама, со складов вышеуказанных стран СНГ. В этой связи весной 2019 г. крупные платежные системы Рос-

нии от 15.04.1994 (с изм. от 25.11.2005) «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов». В рамках двухсторонних договоров действует реадмиссионный институт. Рeadмиссионный диалог осуществляется с 42 странами, более активно с государствами — членами ЕС.

⁵ Граждан Армении — 40%, Молдавии — 30%, Киргизии — 25%, Таджикистана — 19%, Беларуси — 14%, Узбекистана — 14%, Азербайджана — 12%, Украины — 11,5%, Казахстана — 5%. В 2017 г. общая сумма личных переводов из Федерации в государства — члены СНГ, по данным Банка России, составила 13,5 млрд долл. США, из которых 3,4 млрд — в Узбекистан, 2,6 млрд — в Таджикистан, 1,9 млрд — в Киргизию, на Украину — 1,3 млрд в Азербайджан — 1 млрд в Армению — 1,1 млрд в Молдавию — 805 млн в Беларусь — 722 млн в Казахстан — 556 млн.

сии лимитировали переводы денежных средств в данные страны.

Несмотря на превалирование в миграционном потоке граждан постсоветских государств, иммигранты потенциально нестабильных (напряженных) стран Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки в совокупности довольно заметны в общем миграционном потоке на территории России — 2 879 793 таких лиц поставлено на миграционный учет (16,2% от общего числа поставленных на учет).

В последнее время наметилась тенденция переориентации миграционных потоков в России за пределы СНГ (США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия и др.).

Миграция населения на пространстве СНГ мотивирована социально-экономическими интересами граждан. Граждане государств — участников ЕАЭС наделены преференцией свободы передвижения на всем пространстве Союза, не ограничены в осуществлении трудовой и предпринимательской деятельности [3, 4].

Выделенные иммиграционные потоки по факторам, их обусловившим, — посткризисные, в том числе и миграция из стран СНГ. В определенной степени на высокую миграцию в Федерацию граждан СНГ влияют внешние вызовы. Так, осенью 2018 г. в Киргизии прошли массовые антикитайские выступления против нарушения прав этнических мусульман в Синьцзяне. Ряд политических экспертов видит в них организованную конкурентами Китая (прежде всего — США) акцию. Антикитайские акции увязываются с выходом публикации правозащитной организации Human Rights Watch — доклада о репрессиях в отношении мусульман Синьцзяна, серией аналогичных публикаций в СМИ Астаны и материалов «Радио «Свобода» в Казахстане⁶. Риски для безопасности России представляет деятельность запрещенной террористической организации Исламское движение Восточного Туркестана (Исламская партия Туркестана), связанная с проблемой Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Нестабильна социально-политическая и экономическая ситуация в Таджикистане. Социальные протестные акции, вызванные ограниченностью рынка труда и занятости, а также экономическими диспропорциями, носят более выраженный и перманентный характер. Социальная напряженность

провоцирует распространение на территории страны экстремистских организаций.

Афтершок не менее острого политического конфликта, проявившегося в ходе выборов президента Армении в марте 2008 г. и сопровождаемого массовыми акциями протеста, последовал в июле 2018 г., когда бывшему президенту страны Р. Кочаряну было предъявлено обвинение в свержении конституционного строя республики по предварительному сговору с другими лицами. Аналогичные обвинения были предъявлены и генеральному секретарю Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Ю. Хачатурову.

Транзит власти в марте 2019 г. в Казахстане можно трактовать как превентивную меру по нейтрализации внутреннего политического конфликта. Проведение транзита власти должно, по замыслу Н. Назарбаева, предупредить напряженность в стране, поставить точку и продемонстрировать внешним игрокам стабильность, необходимую для привлечения международных инвестиций, транснациональных компаний, зарубежного бизнеса. Тем не менее в Казахстане сохраняется политическая конкуренция. Как центральное евразийское государство, Казахстан продолжит многовекторную внешнюю политику, направленную на сотрудничество с Республикой Корея, КНДР, странами — членами ЕАЭС.

Заметную геополитическую роль на евразийском пространстве играет Узбекистан: общие внешние границы с Афганистаном, Таджикистаном, Киргизией обуславливают его логистический и экономический потенциал, но также отягощают транзитом экстремизма запрещенных на территории России исламистских организаций, межграницными конфликтами, криминальным афганским трафиком. Узбекистан обладает относительно высоким запасом валютных резервов, а его государственный долг незначителен. Высокий ресурс трудоспособного населения (молодежь в возрасте до 25 лет составляет более 40% от общего числа населения). Реализация ресурсов на территории страны маловероятна без крупных инвестиционных проектов, экономической модернизации и создания современной социальной инфраструктуры, железнодорожных, автомобильных коммуникаций. Существует проект высокоскоростной магистрали между Синьцзян-Уйгурским автономным районом и Тегераном через Ташкент и Самарканд. Объемы развития холдингов ZTE, Huawei, Daewoo General, Motors поступательны, но не достаточны для создания необходимого количества рабочих мест.

⁶ США в Центральной Азии — как сравнить китайцев с казахами и киргизами? URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/02/17/ssha-v-centralnoj-azii-kak-stravit-kitajcevs-kazahami-i-kirgizam-47639.html> (проверено 12.01.2020).

Поэтому поток узбекских граждан иммигрирует в целях трудовой занятости.

Не решены пограничные претензии Киргизии и Узбекистана относительно Ферганской долины (высокоурожайных пахотных земель, часть из которых исторически принадлежала киргизам, а другая — узбекам, в советский период произвольно разграниченных между этими народами).

Не преодолены социально-экономические и политические последствия постсоветского кризиса на территории Кыргызстана. Вступление в ЕАЭС — важная предпосылка для стабилизации ситуации в этом государстве. Преференции в правилах пересечения границы с Россией, в трудоустройстве киргизских граждан, предоставление равных социальных гарантий с титульным населением обусловило миграционную привлекательность России⁷. В целях экономического развития этого государства был учрежден Кыргызско-российский фонд развития, капитал которого составил 1 млрд долл.

Основными дестабилизирующими факторами для Кыргызстана являются геополитическое давление, приграничные этнические конфликты (около пятидесяти спорных зон), транснациональная преступность. К августу 2019 г. в Киргизии политический конфликт власти, коррумпированных элит и части социально неблагополучного населения страны нашел отражение в силовой операции в отношении экс-главы государства А. Атамбаева.

Кыргызстан — потенциально привлекательное государство для крупных инвестиционных проектов: Верхне-Нарынский каскад (гидроэнергетический запас более 140 млрд кВтч), железнодорожные коммуникации, инфраструктурные объекты аэропортов Баткен, Манас и Ош. Но в среднесрочной перспективе потоки киргизской посткризисной миграции в Россию будут значительными.

Государственная программа переселения позволила гражданам Туркменистана получить гражданство. Следует отметить, что власти Туркменистана ограничивают отток трудоспособных граждан репродуктивного возраста⁸. До начала экономического кризиса 2014 г. страна жила в так называемую эпоху «Великого Возрождения». В посткризисный период

уровень жизни в стране существенно снизился. Россия в 2016 г. отказалась закупать туркменский газ, который был главным источником бюджетных поступлений. В 2017 г. Туркмения в результате конфликта с Ираном утратила важнейший экспортный газовый рынок, а Тегеран не оплатил долг в 2 млрд долл. США. В инвестиционном плане Россия проявляла интерес к проекту газопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан-Индия, но реализация его осложнена проблемами безопасности (риск туркмено-афганского приграничного конфликта).

Россия в 2012–2014 гг. применила модель стабилизации социально-экономической ситуации в стране исхода по отношению к КНДР⁹. Трудовая миграция граждан КНДР по вызывающим ее факторам является посткризисной¹⁰. Правительство КНДР решало проблему занятости населения, привлекало в бюджет валютные средства от их трудовой деятельности. Финансовые и инвестиционные проекты России с КНДР были «заморожены» с марта 2016 г., когда Федерация поддержала санкции Совета Безопасности ООН в связи с проводимыми КНДР ядерными испытаниями.

Гражданский конфликт на Украине не ограничивается территориями Донецкой и Луганской республик, общественно-политическая обстановка нестабильна на всей территории страны. В конфликт вовлечены все социальные группы украинского общества. Ход гражданского конфликта на Юго-Востоке Украины коррелируется со статистикой вынужденного переселения. Конфликт не имеют перспективы разрешения в краткие сроки. В этой связи потребовалось законодательно закрепить правовое положение граждан Украины, ищущих международной защиты в России.

⁹ В сентябре 2012 г. подписано двусторонне соглашение России и КНДР по развитию экономического сотрудничества. Соглашение урегулировало задолженность КНДР перед Федерацией по кредитам (ратифицировано в мае 2014 г.). В июне 2014 г. в результате работы Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (Владивосток) Россия и КНДР договорились о введении рублевых расчетов по экспортно-импортным операциям. Крупным инвестиционным проектом был сервис «РЖД Логистика» по разгрузке портов Дальнего Востока и направлению грузооборота по магистрали Транссиба.

¹⁰ Потоки иммигрантов из КНДР можно разделить на два вида: 1) транзитный, в целях оформления в посольстве Республики Корея документов для разрешения на въезд в эту страну для воссоединения с родственниками, а также в иных частных целях; 2) трудовой посткризисный. Легитимные трудовые мигранты прибыли на российскую территорию Дальнего Востока в интересах реализации программы аграрных реформ 2012–2014 гг., проводимых в КНДР для борьбы с голодом.

⁷ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Раздел II, 1п.4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/74e338ae02b148ec31de4bc38f486b8b045d3a1e.

⁸ Почему снизился поток трудовых мигрантов из Туркменистана. URL: <https://evroportal.ru/social/pochemu-turkmeny-nedut-rabotat-v-rossiyu/>.

Увеличение притока иностранных граждан на территорию России инициировало ряд принципиальных изменений в миграционном законодательстве. Например, установление бессрочности вида на жительство. Исключение из этого нововведения составит порядок получения вида на жительство для высококвалифицированных специалистов (срок действия этого статуса будет приравнен к сроку действия трудового договора). С октября 2019 г. сокращен с 3 лет до 1 года минимальный срок трудовой деятельности иностранных специалистов, имеющих право ходатайства о приобретении гражданства России (их перечень утвержден Министерством труда и соцзащиты Российской Федерации). Обязательным условием для этой процедуры является перечисление работодателем страховых взносов за работника.

С ноября 2019 г. вступили в действие правовые нормы, расширяющие категории иностранных граждан, имеющих право на получение разрешения на временное проживание вне квоты. Также получит реализацию новелла миграционного законодательства по предоставлению ряду категорий иностранных граждан права получения вида на жительство, минуя этап оформления разрешения на временное проживание. Изменения в миграционном законодательстве могут, по прогнозу ГУВМ МВД, инициировать переезд в Россию около 3 млн человек (прежде всего граждан Украины). Бессрочным стал вид на жительство для носителей русского языка.

Такое нововведение может вызвать напряжение на российском рынке занятости. Как известно, в ряде отраслей экономики низкий уровень технологического развития и организации труда, что приводит к сокращению рабочих мест для специалистов средней и высокой квалификации¹¹.

Сохраняется неравномерность распределения законных иммигрантов по регионам России. Наиболее перегружен Центральный федеральный округ: число проживающих на этой территории по РВП¹² иностранных граждан и лиц без гражданства

в 2018 г. в 3 раза превысило средний уровень по рассматриваемым федеральным округам Российской Федерации; количество проживающих по ВиЖ иностранцев — также в 3 раза выше среднего; а по приобретению российского гражданства в ЦФО показатель превышен в 3,4 раза.

При неготовности региона к адаптации иностранцев, к обеспечению им социальных гарантий, трудоустройства и занятости приток иммигрантов может привести к социально-политической дестабилизации принимающего общества, рассогласованию интересов.

Между тем, численность безработных (в возрасте от 15 до 72 лет) в России, по данным Росстата в 2015 г., составляла 4,3 млн чел., в 2016 г. — 4,2 млн в 2017 г. — 4 млн. В 2018 г. уровень безработицы в одной из основных стран — миграционных доноров — Таджикистане был в половину ниже по сравнению с РФ, равно как и в Киргизии. В Республике Беларусь уровень безработицы был в 9,8 раза ниже, чем в России.

По данным ГУВМ МВД, в первое полугодие 2019 г. на территории РФ проживало в статусе РВП и ВиЖ (т.е. резиденты принимающего государства) до 1 млн иммигрантов, из которых более половины получали доход за счет самозанятости, либо в так называемой теневой экономической деятельности¹³.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

- Государственную миграционную политику необходимо координировать с основными задачами экономической и социальной политики.
- Предупреждение миграционных потоков путем содействия странам с высоким уровнем напряженности (нестабильности) в преодолении последствий кризисов, разрядки международной напряженности, инвестирования в экономические, социальные, инфраструктурные, образовательно-просветительные проекты способствует стабилизации проблемных регионов, а также снижению конфликтности принимающих обществ.

¹¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Раздел II, п. 8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/74e338ae02b148ec31de4bc38f486b8b045d3a1e/.

¹² Институт временного проживания в России легитимирован Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», рассматривается как этап к получению иностранным гражданином статуса, постоянно проживающего в Федерации. Срок действия РВП — 3 года без возможности продления.

¹³ Кроме того, в теневую сферу уходят и граждане стран ЕАЭС, которые имеют право на беспатентное осуществление трудовой деятельности на территории РФ и для подтверждения легитимности своего проживания должны предоставить компетентным органам, осуществляющим миграционное администрирование, трудовой договор. Часть таких договоров на деле являются фиктивными. Учитывая масштабы денежных переводов иностранных граждан в третьи страны, можно сделать вывод, что Россия столкнулась с проблемой вывода из сферы налогового контроля значительной части источников дохода.

• Как страны ЕС в отношении соискателей, Россия действует в отношении иностранной рабочей силы из стран СНГ и постсоветского пространства согласно принципам ответственности, солидарности с государствами — членами Содружества [5].

• Миграционный коридор между странами Центральной Азии и Российской Федерацией является одним из самых крупных и устойчивых. России важно учитывать специфику и направления развития социокультурной, политической,

экономической ситуаций в этих государствах, предупреждая связанные с ними миграционные риски.

• Низкоквалифицированные трудовые мигранты из стран Центральной Азии, Вьетнама, КНР привлекают внимание радикалов экстремистских организаций, криминальных кругов.

• Россия могла бы использовать начавшийся в странах ЕС процесс оттока титульного населения, привлекая востребованные категории иностранцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галас М.Л. Перспективы инвестиционной миграции в России как фактор предупреждения социальных экономических рисков и угроз. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):106–112.
2. Галас М.Л. Типологизация страт мигрантов как компоненты общественной формации в Российской Федерации в условиях разумного применения «мягкой силы». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37030603>.
3. Волох В.А. Государственная политика и новые формы управления процессами международной трудовой миграции: возможности и риски. *PolitBook*. 2019;(1):37–48.
4. Ryazantsev S. V., Ochirova G.N. The Impact of labor migration on sustainable development in Central Asia. *Ponte*. 2019;75(7–1):86–99.
5. Громько А.А. Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017;3(40):116–124.

REFERENCES

1. Galas M.L. Prospects for investment migration in Russia as a factor in preventing social and economic risks and threats. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):106–112. (In Russ.).
2. Galas M.L. Typologization of migrant strata as components of social formation in the Russian Federation in the conditions of the reasonable use of “soft power”. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37030603>. (In Russ.).
3. Volokh V.A. State policy and new forms of international labour migration management: opportunities and risks. *PolitBook*. 2019;(1):37–48. (In Russ.).
4. Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. The Impact of labour migration on sustainable development in Central Asia. *Ponte*. 2019;75(7–1):86–99. (In Russ.).
5. Gromyko A.A. Migration from the Middle East and Africa to Europe: challenges and threats. *Scientific notes Of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*. 2017;3(40):116–124. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — Doctor of History, Professor, Chief researcher of the Department of Political Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 30.01.2020; принята к публикации 15.02.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.01.2020; accepted for publication on 15.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-77-86
УДК 316.61(045)

Компоненты и предикторы «хорошей жизни» (опыт международного сравнительного исследования)

Т.А. Горошникова^а, Е.С. Смахтин^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4033-0210>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9937-4277>

АННОТАЦИЯ

В поисках ответа на один из старейших философских вопросов «Что такое «хорошая жизнь (good life)»? и в связи с его скрытой сложностью исследователи, как правило, обращаются к различным теориям. Концепция хорошей жизни многогранна. Моральный аспект подразумевает, что человек живет хорошо или прожил достойную жизнь с точки зрения норм, принятых в обществе, т.е. он мужественный, честный, заслуживающий доверия, добрый, бескорыстный, щедрый, верный. Он не тратит время, преследуя свое собственное удовольствие, а уделяет его деятельности, приносящей пользу другим. Исследовательский анализ предполагает, что можно измерить семь факторов «хорошей жизни», основываясь на 59 пунктах опросника. Анкетирование было проведено в семи учебных заведениях разных стран: России, Филиппин, Болгарии, США, Тайваня и Китая. В статье предложена теоретическая модель «хорошей жизни», построенная на концепции предпосылок и следствий.

Ключевые слова: хорошая жизнь; компоненты хорошей жизни; предикторы хорошей жизни; оптимизм; духовность; эмпатия; удовлетворенность жизнью

Для цитирования: Горошникова Т.А., Смахтин Е.С. Компоненты и предикторы «хорошей жизни» (опыт международного сравнительного исследования). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):77-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-77-86

ORIGINAL PAPER

Components and Predictors of the “Good Life” (experience of international comparative research)

T.A. Goroshnikova^а, E.S. Smakhtin^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-4033-0210>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9937-4277>

ABSTRACT

In search of an answer to one of the oldest philosophical questions “What is ‘good life?’” and because of its hidden complexity, researchers tend to turn to different theories. The concept of a good life is multifaceted. The moral aspect implies that a person lives well or has lived a decent living in terms of the norms accepted in society, i.e. they are courageous, honest, trustworthy, kind, selfless, generous, loyal. He does not spend time pursuing his pleasure but devotes it to activities that benefit others. Exploratory analysis suggests that it is possible to measure the seven factors of “good life”, based on 59 items of the questionnaire. The survey was conducted in seven educational institutions in different countries: Russia, the Philippines, Bulgaria, the United States, Taiwan and China. The article offers a theoretical model of the “good life” based on the concept of prerequisites and consequences.

Keywords: good life; components of a good life; predictors of a good life; optimism; spirituality; empathy; life satisfaction

For citation: Goroshnikova T.A., Smakhtin E.S. Components and predictors of the “good life” (experience of international comparative research). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):77-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-77-86

ВВЕДЕНИЕ

Аспект «жизнь в удовольствие» сформировался еще в Древней Греции. Философы того времени заявляли об удовольствии как высшем жизненном благе. В современном мире понятие гедонизма в отношении человека несет несколько отрицательные коннотации, связанные с так называемыми «низкими» удовольствиями. Греческий мыслитель Аристотель первым применил более комплексный подход к рассмотрению понятия «хорошей жизни» [1]. По его словам, мы все хотим быть счастливыми. Новый аспект, подразумевающий «хорошую жизнь» как «наполненную смыслом жизнь», отражает важность истинных ценностей для достижения личных целей. В контексте этой мысли важно выполнение определенных объективных условий, а не только внутренние ощущения человека. «Хорошая жизнь» как «осмысленная жизнь» означает наличие источников смысла жизни: детей, благосостояния, научных исследований, художественного творчества, общественной деятельности и т.д. [2].

В своей работе «The Good Life» И-Фу Туан предпринимает попытку обобщения концепта «хорошей жизни», наполняя его различным опытом, сопряженным с радостью, комфортом, позитивными, приятными моментами, стабильностью, силой духа и истиной. Отмечается важность «развивающейся способности рационально смотреть на мир, любить его и народ», культивирования знаний, привычки размышлять и делать выбор, критического взгляда, «готовности противостоять неснижаемым мировым ограничениям». Хорошая жизнь есть уважение к истине, осознание собственной смертности, полнота жизни, «противостояние ужасу мира, не отрицая его великолепия» [3].

П. Вонг определяет и описывает четыре столпа «хорошей жизни»: смысл, добродетель, стойкость и благополучие. Выдвигается и практически подкрепляется гипотеза о так называемых «смысле-ориентации» и «счастье-ориентации», которые представляют собой два различных видения «хорошей жизни» [4].

Ричард М. Райан и Эдвард Л. Деси считают благополучие многомерным явлением, включающим в себя аспекты как гедонической, так и эвдемонической концепций [5]. Две точки зрения привели к появлению различных исследовательских направлений и накоплению знаний, отличающихся в одних областях и взаимодополняющих в других. Новые методологические разработки,

касающиеся многоуровневого моделирования и сопоставлений конструкций, также позволяют исследователям формулировать новые вопросы для данной области.

Одним из актуальных и перспективных направлений изучения феномена «хорошая жизнь» может стать взгляд студентов/молодых людей, основанный на собственном мнении, школьном/университетском опыте и сформированный под влиянием многих факторов, в том числе культурологических, обусловленных страной проживания.

Целью международного исследования является изучение отношения студентов к понятию «хорошая жизнь» на основе анализа результатов опроса (анкетирования) студентов международного финансового факультета Финансового университета при Правительстве РФ и зарубежных вузов-партнеров: California State University (Университет штата Калифорния, г. Лос-Анджелес, США), Shandong Technology and Business University (Шандуньский университет технологий и бизнеса, КНР, Яньтай), De La Salle-College of Saint Benilde (Колледж Де Ла Саль, Манила, Филиппины), Soochow University (Университет Сучжоу, Тайбэй, Тайвань). В рамках многолетнего международного сотрудничества с зарубежными вузами были проведены исследования подобного характера в области предпринимательских намерений (Entrepreneurial Intention), лидерства, зеленых финансов*.

МЕТОДОЛОГИЯ И ГИПОТЕЗЫ

В нашем исследовании мы исходим из представления, что понятие «хорошая жизнь» имеет сложную структуру и включает следующие компоненты: *субъективное благополучие, психологическое благополучие, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, качество отношений в обществе (социальных отношений?), доверие; свобода жить так, как я считаю правильным; прогресс в достижении целей*. Другими словами, говоря о хорошей жизни, мы подразумеваем, что деятельность человека

* Авторы выражают благодарность за сотрудничество исследователям: К. Квонгу (Kern Kwong), С. МакГуайру (Steve McGuire), В. Прабху (Veena Prabhu) – California State University; З. Вангу (Jinfeng Wang) – Shandong Technology and Business University; Р. Тангу (Robert Tang) – De La Salle-College of Saint Benilde; Й. Жангу (Yang Zhang) – University of Texas; Х. Перуския (Juan Perusquia) – Universidad Autónoma de Baja California; Куо-Чи Юан (Kuo-Chih Yuan) – Soochow University; Мингао Шен (Minghao Shen) – Guangdong University of Foreign Studies.

осмысленна, а не бесполезна, что в его жизни больше удовольствия, чем боли, что он в целом здоров, у него есть друзья, на которых он может рассчитывать, он щедрый и может доверять людям, может вести образ жизни, который ему подходит, и добивается своих целей, принимает себя. Второе допущение в нашей работе заключается в том, что «хорошая жизнь» является результатом взаимодействия целого ряда факторов. В качестве предикторов (анцетедентов) «хорошей жизни» предлагаются личностные факторы (оптимизм, духовность, эмпатия, демографическая категория), культурный фактор (детерминизм), контекстуальные факторы [равенство возможностей, (социальное обеспечение достойного образования для всех людей необходимо для предоставления равных возможностей для достижения хорошей жизни) и свобода предпринимательства]. Все предикторы и компоненты уже были описаны в научной литературе, но ни одна модель не рассматривала их вместе.

В работе Э. Динера [6] (Subjective Well-Being, SWB) была выявлена высокая согласованность (положительная взаимосвязь) *субъективного благополучия* с удовлетворенностью жизнью. Субъективное благополучие определяется как оценка жизни людей, включая положительные эмоции, вовлеченность, удовлетворение и знание. Внушительный объем доказательств подтверждает вывод о том, что высокий SWB в целом благоприятен для здоровья и долголетия, производительности и социальных отношений [7]. Систематическое отслеживание субъективного благосостояния как на индивидуальном, так и на национальном уровнях могло бы дать полезную информацию для мониторинга позитивного воздействия различных программ государственной помощи и улучшения жизни общества в областях, выходящих за рамки экономического развития. Хотя экономика играет критическую роль в принятии политических решений, существует лишь небольшая ассоциация между национальной экономикой и человеческим счастьем.

Психологическое благополучие (Psychological Well-Being) [8] отражает принятие себя людьми такими, какие они есть. У этих людей отмечается более высокий уровень жизни по сравнению с людьми, имеющими отрицательное принятие себя. Несмотря на то что психологическое благополучие в студенческом возрасте находится в центре внимания общественности и научных исследований, фундаментальная теоретическая

конструкция не закончена, что создает трудности при систематическом рассмотрении выводов, касающихся данной проблематики. Большинство исследователей в области психологии сходятся во мнении, что благополучие есть следствие оптимального психологического функционирования и опыта в жизни, с опорой на философские взгляды гедонизма и эвдемонизма [5].

Для отражения нашего интуитивного понимания о качестве жизни при проблемах со здоровьем мы упоминаем «ожидаемую продолжительность здоровой жизни» (Healthy Life Expectancy). Внимание к этому аспекту подчеркивается его включением в результаты, влияющие на показатели «Рейтинга стран мира по уровню счастья за 2018 г.» (Annual World Happiness Report). Объемно хорошее здоровье не связано напрямую со счастьем и удовлетворенностью жизнью. Субъективное восприятие состояния здоровья заключается в способности человека адаптироваться к неблагоприятной ситуации и найти способы оценки состояния здоровья в положительном ключе даже при наличии серьезного заболевания [9].

Идея о заметном отличии счастливых людей от среднестатистических и несчастных людей заключается в наличии насыщенной общественной жизни. Наиболее счастливые люди проводят большое количество времени в социуме, их друзья и коллеги высоко оценивают отношения с ними (Quality of Social Relationship) [10].

Следующим компонентом понятия «хорошая жизнь» мы рассматриваем «Доверие» (Trust) как основную составляющую социального капитала человека [11]. Доверие — степень, до которой одна сторона готова зависеть от кого-то или чего-то в конкретной ситуации и с чувством относительной безопасности, даже с учетом вероятности негативных последствий [12].

Компонент «Свобода жить так, как я считаю правильным» (Freedom to Live the Life that Is Right for Me) входит в число шести ключевых переменных, поддерживающих благосостояние, «Рейтинга стран мира по уровню счастья за 2018 г.» (Annual World Happiness Report). В своей культовой книге известный австрийский психиатр Виктор Франкл отмечает, что единственным, чего нельзя отнять у человека, единственной его свободой является определение отношения к конкретным обстоятельствам и выбор своего собственного пути [13].

Исследовали в области мотивации полагают, что даже талантливые молодые люди могут не

Рис. 1 / Fig. 1. Концептуальная модель предикторов понятия «хорошая жизнь» / Conceptual model of predictors of the concept of “good life”

Источник / Source: доклад «Хорошая жизнь»* / “Good life” report

* Представлен Куо-Чи Юан, Т. Горошниковой, Е. Смахтиным, Р. Тангом, К. Со, К. Квонгом, С. МагУайером, В. Прабху, Я. Зангом на 8 Ежегодной конференции «Обмен опытом в области исследований и развития факультетов» (8th Annual International Research Exchange and Faculty Development Conference, Taipei 2018).

достичь уровня, соответствующего их академическому потенциалу, снизить свои академические ожидания, не поступить в университет или бросить обучение до его окончания. Таких студентов принято называть «потерянными талантами», и именно они находятся в явно невыгодном положении на сегодняшнем рынке труда. Важно выявлять и исследовать факторы, способствующие движению студентов в правильном направлении к достижению своих образовательных целей. Фактор «Прогресс в достижении целей» (Progress toward Goals), предложенный в работе американских психологов [14], завершает список предикторов понятия «хорошая жизнь».

Предложенная теоретическая модель «хорошей жизни» основана на концепции предпосылок и последствий (рис. 1).

При разработке опросника «хорошей жизни» утверждения были сгруппированы в шкалы. Задача измерения компонентов основывалась на психометрической оценке многоэлементных шкал,

демонстрирующих большую надежность и достоверность по сравнению с простыми шкалами. Также многоэлементные шкалы обеспечивают валидность инструментов самоотчета, что важно именно при опросе студенческой аудитории.

Нами были сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Женщины чаще мужчин будут отмечать, что у них хорошая жизнь (Better Quality of Social Relations, Healthy Life Expectancy).

Считаем, что женщинам свойственны более качественные социальные отношения, они больше заботятся о своем здоровье, щедрее мужчин, т.е. от женщин будет выявлено большее количество ответов о лучшей жизни в целом и в каждом городе в частности.

Гипотеза 2. Показатели индекса «хорошая жизнь» НЕ будут отличаться в разных городах нашей выборки.

Гипотеза 3. Личные, культурные и контекстуальные переменные предсказывают хорошую жизнь.

Для проверки сформулированных гипотез был проведен опрос среди 1847 студентов в возрасте от 17 до 23 лет шести университетов Тайваня, России, Болгарии, Китая, Филиппин и США: 34 в Софии, 327 в Лос-Анджелесе, 214 в Маниле, 123 в Москве, 347 в Тайбэе, 802 в Яньгае. Студентам было предложено 59 утверждений, на каждое из которых было семь вариантов ответов: 1. Категорически не согласен. 2. Не согласен. 3. Скорее не согласен. 4. Затрудняюсь ответить. 5. Скорее согласен. 6. Согласен. 7. Твердо согласен.

Примеры вопросов:

1. I am satisfied with my standard of living / Я удовлетворен своим уровнем жизни.
2. Economically, I expect I will do better than my parents did in their lives / Я рассчитываю, что буду успешнее своих родителей с экономической точки зрения.
3. I am progressing well economically / Я развиваюсь успешно с экономической точки зрения.
4. Everyday, I am deeper and deeper in debt / С каждым днем я все больше в долгах.
5. I expect to have fewer debts in my life than my parents have / Я рассчитываю, что у меня будет меньше долгов в жизни, чем у моих родителей.
6. I can reasonably expect to live a healthy life longer than my parents / Я могу обоснованно рассчитывать прожить здоровую жизнь дольше, чем мои родители.
7. I don't worry about my physical health / Я не волнуюсь о своем физическом здоровье.
8. I am satisfied with my health / Я удовлетворен своим здоровьем.
9. I feel fully mentally alert / Я чувствую себя полностью умственно развитым.
10. I feel loved / Я чувствую, что меня любят.
11. I feel like I have someone to rely on / Я чувствую, что у меня есть на кого положиться.
12. If something went wrong right now, I could depend on someone / Если бы что-то пошло не так прямо сейчас, я бы смог рассчитывать на кого-то.
13. I feel like others care about me / Я чувствую, что небезразличен другим людям.
14. Others are there for me right now / Другие люди готовы оказать мне поддержку прямо сейчас.
15. I will be able to give more to people and causes I care about than my parents were able to / Я смогу больше давать людям и уделять внима-

ние принципам, которые меня заботят, чем могли мои родители.

16. When people experience something upsetting or discouraging, I make a special point of being kind to them / Когда люди переживают нечто расстраивающее или разочаровывающее, считаю обязательным быть добрым по отношению к ним.

17. It makes me very happy to give help to other people in ways that meet their needs / Я чувствую себя очень счастливым, когда помогаю другим людям теми способами, которые отвечают их потребностям.

18. It is just as important to me that other people around me are happy and thriving as it is that I am happy and thriving / Для меня одинаково важно, чтобы люди вокруг меня были так же счастливы и преуспевали, как я.

19. My decisions are often based on concern for the welfare of others / Мои решения всегда основаны на заботе о благополучии других.

20. Most people can be trusted / Большинству людей можно доверять.

21. Most people are inclined to help others / Большинство людей склонны помогать другим.

22. I have good friends I can count on / У меня есть хорошие друзья, на кого я могу рассчитывать.

23. In my time, it is easier to trust people than it was in my parents' time / В мое время легче доверять людям, чем это было во времена моих родителей.

24. I am able to live my life as I see fit / Я могу жить так, как считаю нужным.

25. Where I live, people are able to live their lives as they see fit / Там, где я живу, люди могут жить так, как считают нужным.

26. Where I live, people do not hide who they really are / Там, где я живу, люди не скрывают, кем они являются на самом деле.

27. I can have the lifestyle I want without pretending to be who I am not / У меня может быть тот стиль жизни, который я захочу, не приносясь при этом тем, кем я не являюсь.

28. I am able to live my life as I see fit, more than my parents were able to in their time / У меня больше возможностей жить так, как считаю нужным, чем было у моих родителей в их время.

29. I am making good progress toward the goals of my life / Я прогрессирую в достижении своих жизненных целей.

30. I intend to make the most of life / Я намерен получить максимум от жизни.

31. Right now, I am going after my goals / В настоящий момент я на пути к своим целям.

32. I have many ways to achieve my goals / У меня много способов достичь своих целей.

33. Right now, I am doing what I set out to do / В настоящий момент я делаю то, что задался целью делать.

34. I like myself / Я себе нравлюсь.

35. I have confidence in my opinions / Я уверен в своих взглядах.

36. I feel I am in control of my life / Я чувствую, что контролирую свою жизнь.

37. I accept who I am, with both strengths and limitations / Я принимаю себя как с достоинствами, так и с недостатками.

38. I like the way I look / Мне нравится, как я выгляжу.

39. I feel useless at times / Время от времени я чувствую себя бесполезным.

40. I feel I do not have much to be proud of / Мне кажется, что мне нечем гордиться.

41. At times I think I am no good at all / Временами мне кажется, что я ни на что не годен.

42. In most ways my life is close to my ideal / В основном моя жизнь близка к идеалу.

43. The conditions of my life are excellent / У меня отличные условия жизни.

44. I am satisfied with my life / Я удовлетворен своей жизнью.

45. So far I have gotten the important things I want in my life / До настоящего момента я получал все важное, что хотел в жизни.

46. If I could live my life over, I would change almost nothing / Если бы я мог снова прожить жизнь, я бы почти ничего не менял.

47. I believe my life has a purpose / Я верю, что у моей жизни есть цель.

48. In choosing what to do, I always take into account whether it will benefit other people / При выборе того, чем заняться, я всегда учитываю, принесет ли это пользу другим людям.

49. I have a responsibility to make the world a better place / Я несю ответственность за то, чтобы сделать мир лучше.

50. What I do matters to society / То, чем я занимаюсь, важно для общества.

51. Life is too short to postpone the pleasures it can provide / Жизнь слишком коротка, чтобы откладывать те удовольствия, которые она предоставляет.

52. In choosing what to do, I always take into account whether it will be pleasurable / При вы-

боре того, чем заняться, я всегда учитываю, доставит ли это удовольствие.

53. I agree with this statement: "Life is short — eat dessert first." / Я согласен с утверждением: «Жизнь коротка, ешьте десерт на первое».

54. I love to do things that excite my senses / Я люблю заниматься тем, что вызывает во мне чувства.

55. For me, the good life is the pleasurable life / Для меня хорошая жизнь — жизнь в удовольствии.

56. I seek out situations that challenge my skills and abilities / Я ищу ситуации, которые бросают вызов моим навыкам и умениям.

57. I am always very absorbed in what I do / Я всегда полностью погружен в то, что делаю.

58. In choosing what to do, I always take into account whether I can lose myself in it / При выборе того, чем заняться, я всегда учитываю, смогу ли я погрузиться в это.

59. I am rarely distracted by what is going on around me / Меня редко можно отвлечь тем, что происходит вокруг.

Вопросы были объединены в шкалы «Субъективное благополучие», «Психологическое благополучие», «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни», «Качество отношений в обществе», «Доверие», «Свобода жить так, как я хочу», «Прогресс в достижении целей», соответствующие компонентам понятия «хорошая жизнь».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для исследования уместности теоретической модели понятия «хорошая жизнь» и проверки гипотезы о семи факторах было использовано два типа анализа — эксплаторный и факторный анализ. Результаты подтверждаются высоким индексом пригодности модели (Goodness of Fit Index), равным 0,97.

Индекс хорошей жизни рассчитывался как среднее: Good Life Index = average (Subjective Well-Being, Psychological Well-Being, Healthy Life Expectancy, Quality of Social Relations, Trust, Freedom to Live the Life that is Right for Me, Progress toward Goals)/7×100, α Кронбаха (7 пунктов) = 0,782, среднее значение = 5,23, стандартное отклонение = 0,75 (рис. 2).

Good Life Index = среднее значение (субъективное благополучие, психологическое благополучие, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, качество отношений в обществе, доверие, жизнь в условиях, подходящих для меня; прогресс в достижении целей)/7×100.

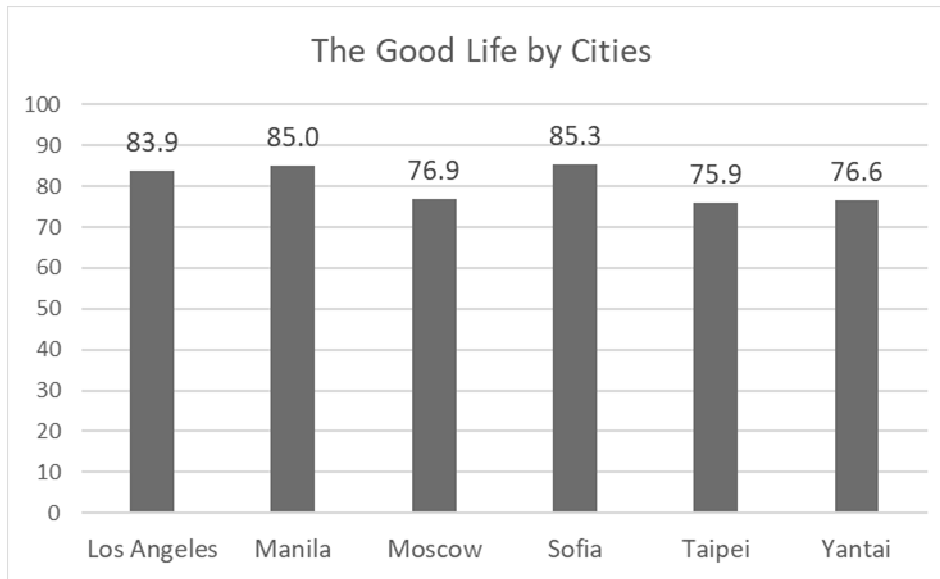

Рис. 2 / Fig. 2. Среднее значения индекса «хорошая жизнь» по городам / The average value of the index “good life” in selected cities

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Как видим, показатели в Лос-Анджелесе и Маниле значительно выше, чем в Москве ($p < .01$), Тайбэе ($p < .01$) и Яньтае ($p < .01$).

Результаты средних значений семи факторов-компонентов понятия «хорошая жизнь» по странам (городам) представлены в табл. 1.

Среднее значение по факторам «Субъективное благополучие» и «Психологическое благополучие» демонстрирует наиболее высокие показатели по ответам студентов из Болгарии и наиболее низкие — студентов из Китая и Тайваня. Следует отметить, что предварительный пессимизм в отношении благосостояния Китая в целом и его молодого поколения в частности, подчеркивающий снижение счастья, может оказаться неуместным. Последние исследования демонстрируют повышающийся уровень субъективного благополучия и наличие сужающегося разрыва в благосостоянии по разным социальным показателям в географическом контексте [15]. Исследование психологического благополучия — новая область для китайских ученых. Традиционно в китайской культуре благополучие выражается с помощью слова «Le» (счастье), «Le» — психологический опыт, основанный на эмпирическом, внутреннем переживании чувств: радости, счастья, оптимизма и благополучия. Многокультурность древнекитайского общества помогла сформировать и характеристики, связанные с китайским взглядом на счастье [16].

Среднее значение компонента «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни» имеет самый

низкий показатель у студентов Москвы и самый высокий у студентов Китая, хотя все значения находятся в пределах среднего. Объективно хорошее здоровье слабо связано со счастьем, важно субъективное восприятие того, насколько человек здоров, и способность адаптироваться к невзгодам и находить способы положительной оценки здоровья даже тогда, когда человек достаточно болен.

Самую богатую и плодотворную социальную жизнь, по результатам опроса, отраженного в компоненте «Качество отношений в обществе», демонстрируют молодые люди из Лос-Анджелеса, самую низкую — студенты из Москвы. Одно из объяснений, на наш взгляд, может быть в системе образования США: в американских школах каждый год меняется состав классов, а система в вузах не привязана к одной группе. Необходимость постоянно общаться с новыми людьми развивает социальную вовлеченность и формирует способность выстраивать качественные отношения в обществе. Интересным представляется факт, что именно американские студенты показывают самое низкое значение по компоненту «Доверие», т.е. степень зависимости от кого-то или чего-то в той или иной ситуации с чувством относительной безопасности, даже несмотря на возможные негативные последствия, у них низкая. Предположим, что именно развитые отношения, описанные предыдущим рассмотренным качеством, сильно влияют на способность доверять.

Средние значения факторов / Average value of factors

Факторы	Лос-Анджелес, США	Манила, Филиппины	Москва, Россия	София, Болгария	Тайбэй, Тайвань	Яньтай, Китай
Субъективное благополучие α (5 items) = 0,866 Mean = 4,25 STD = 1,23	4,51	4,84	4,61	5,12	4,21	3,92
Психологическое благополучие α (5 items) = 0,880 Mean = 5,39 STD = 1,11	5,72	5,64	5,15	5,87	5,3	5,25
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни Mean = 5,53 STD = 1,33	5,52	5,29	4,93	5,09	4,95	5,95
Качество отношений в Обществе α (5 items) = 0,860 Mean = 5,66, STD = 1,02	5,86	5,78	5,44	5,76	5,64	5,59
Доверие α (5 items) = 0,763 Mean = 5,31 STD = 1,13	4,8	5,39	4,92	5,44	5,56	5,44
Свобода жить так, как я считаю правильным α (5 items) = 0,840 Mean = 4,94 STD = 1,13	5,24	5,44	4,76	5,21	4,99	4,68
Прогресс в достижении целей α (5 items) = 0,893 Mean = 5,52 STD = 1,04	5,87	5,95	5,38	5,97	5,31	5,36

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Более полно выработать свое отношение при любом заданном наборе обстоятельств и выбрать свой собственный путь могут по результатам опроса филиппинские студенты. Самое же низкое значение фактора «Свобода жить так, как я считаю правильным» наблюдается у студентов из Китая. Значение фактора у московских студентов ниже среднего, как и значение фактора «Прогресс в достижении целей». Хочется быть уверенным, что прогресс присутствует в жизни московских студентов, просто цели достаточно растянуты. Человек не может быть счастлив, не ставя перед собой целей, которые, как предполагается, влияют на поведение организма радикально и надежно.

ВЫВОДЫ ПО ГИПОТЕЗАМ

Гипотеза 1. Женщины чаще мужчин будут отмечать, что у них хорошая жизнь (Better Quality of Social Relations, Healthy Life Expectancy) — подтверждена. Выявлена статистически значимая разница между студентами-юношами и студентами-девушками в городах Лос-Анджелесе и Тайбэе. В этих двух городах девушки сообщают о значительно более высоком уровне хорошей жизни, потому что они демонстрируют более высокое качество социальных отношений. Студентки-девушки из Москвы тоже демонстрируют более высокий уровень, но с менее значимым перевесом. В целом женщины сообщают о более высоком уровне хорошей жизни (среднее значение = 5,04, женщины = 5,17).

Таблица 2 / Table 2

Результаты конфирматорного факторного анализа / Results of confirmatory factor analysis

Показатель	Overall	Лос-Анджелес	Манила	Москва	София	Тайбэй	Яньтай
R ²	0,512	0,430	0,436	0,476	0,525	0,415	0,617
EO	0,162***	0,194***	0,140*	n.s.	n.s.	0,187***	0,146***
Optim	0,255***	0,345***	0,298***	0,359***	0,346***	0,238***	0,168***
Spirit	0,083***	n.s.	n.s.	0,200*	0,430*	n.s.	0,136***

R² – коэффициент детерминации, EO – равенство возможностей, Optim – оптимизм, Spirit – духовность * $p < 0,05$; ** $0,05 < p < 0,01$; *** $p < 0,001$, n.s. – статистически не значимы.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Гипотеза 2. Показатели индекса «хорошая жизнь» НЕ будут отличаться в разных городах нашей выборки — отклонена. Самый высокий индекс зафиксирован в Софии (85,3) и Маниле (85), в Москве показатель ниже среднего по выборке всех городов.

Гипотеза 3. Личные, культурные и контекстуальные переменные предсказывают хорошую жизнь — подтверждена. Необходимые значения предикторов положительно коррелируют с компонентами понятия «хорошая жизнь». Значения Альфа Cronbach's для предикторов в модели находятся в приемлемом диапазоне: оптимизм [α (5 items) = 0,834], духовность [α (5 items) = 0,806], эмпатия [α (3 items) = 0,693], детерминизм [α = 0,738 (4 items)], равенство возможностей [α = 0,710 (3 items)], свобода предпринимательства [α = 0,720 (3 items)]. Самое большое различие по городам отмечено у предиктора «детерминизм» [α (4 items) = 0,771, Mean = 4,02, STD = 0,66]: у филиппинских студентов в среднем — 4,91, в то время как у болгарских студентов — 2,95, что само по себе ниже среднего по всем городам. Не пытаюсь объяснить результаты опроса по предиктору «детерминизм» национальным менталитетом, считаем, что необходимо отдельное, дополнительное, более глубокое изучение мнения студентов о степени их способности управлять своими действиями и их последствиями, что может стать будущим исследованием.

По результатам конфирматорного факторного анализа, приведенного в табл. 2, можно видеть, что разные города подтверждены различным детерминантам хорошей жизни. Так, для жителей Яньтая значимыми предикторами хорошей жизни являются все три: равенство возможностей, оптимизм и духовность. Для

жителей Лос-Анджелеса, Манилы и Тайбэя значимыми являются только два — равенство возможностей и оптимизм, а для жителей Москвы и Софии — только оптимизм и духовность. На наш взгляд, это совпадает с представлениями о том, что оптимизм является главным условием оценки жизни как хорошей, поскольку он обуславливает субъективное восприятие событий и их интерпретацию, в то время как равенство возможностей является значимым только в тех странах, где имеется такой исторический опыт. Духовность, по нашему мнению, значима только для тех, кому она свойственна, поскольку опрос проводился среди студентов университетов, социально-экономической группы, более всего опирающейся на традиционные ценности, результат закономерен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная модель понятия «хорошая жизнь», примененная к студентам университетов/колледжей, позволила провести сравнительный анализ средних значений семи факторов-компонентов этого понятия по странам и подтвердить несколько гипотез. Были обнаружены значительные гендерные различия в компонентах «Продолжительность жизни» и «Качество отношений в обществе» в рамках понятия «хорошая жизнь». Также выявлены значительные отличия по городам. Определено, что понятие «хорошая жизнь» связано с оптимизмом, духовностью, эмпатией и удовлетворенностью жизнью. Следующее исследование будет направлено на расширение модели предикторов и компонентов «хорошей жизни» с включением блоков, оценивающих предпринимательские намерения студентов, их шансы стать лидерами.

REFERENCES

1. Ackrill J. Aristotle's Ethics. London: Faber and Faber; 1973.
2. Aristotle: The Nicomachean Ethics. Transl. by Thomson J.A.K., Rev. by Tredennick H., Introd. and bibl. by Barnes J. London: Penguin Books; 1976.
3. Tuan Yi-Fu. The Good Life. Madison: The University of Wisconsin Press; 1986.
4. Wong P. Positive Psychology 2.0: Towards a Balanced Interactive Model of the Good Life. *Canadian Psychology*. 2011;52(2):69–81. DOI: 10.1037/a0022511
5. Ryan Richard M., Deci Edward L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being. *Annu. Rev. Psychol.* 2001;52:141–66.
6. Diener Ed. Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. 1984;3(95):34.
7. Young Ho Yun, Ye Eun Rhee, Eunkyo Kang, Jin-ah Sim. The Satisfaction with Life Scale and the Subjective Well-Being Inventory in the General Korean Population: Psychometric Properties and Normative Data. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019;16:153.
8. Maltby Joseph S., Wood J., Stockton A.M., Hunt N., Regal S. The Psychological Well-Being — Post-Traumatic Changes Questionnaire (PWB-PTCQ): Reliability and validity. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2012;4(4):420–428.
9. Gladwell Malcolm. Outliers: The Story of Success. New York; 2008.
10. Mikulincer M., Shaver P.R. Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. New York: Guilford Press; 2007.
11. Glaeser E., Laibson D., Scheinkman J. Measuring Trust. *The Quarterly Journal of Economics*. 2000;3(115):811–846.
12. Jøsang A., Presti S. Analysing the Relationship between Risk and Trust. In: Jensen C., Poslad S., Dimitrakos T., eds. Trust Management. iTrust.. Lecture Notes in Computer Science; 2004, vol. 2995. Berlin, Heidelberg: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-24747-0_11
13. Frankl V. Man's Search for Meaning. Beacon Press; 2006.
14. Snyder C.R., Michael S., Cheavens J. Hope as a psychotherapeutic foundation for nonspecific factors, placebos, and expectancies. In: M.A. Hubble, B. Duncan, S. Miller, eds. *Heart and soul of change* (pp. 179–200). Washington, DC: American Psychological Association; 1999.
15. Subjective well-being in China's changing society. William A.V. Clark, Daichun Yi, Youqin Huang. Proceedings of the National Academy of Sciences. August 2019;116(34):16799–16804. DOI: 10.1073/pnas.1902926116
16. Yang D., Zhou H. The Comparison between Chinese and Western Well-Being. *Open Journal of Social Sciences*. 2017;5:181–188. DOI: 10.4236/jss.2017.511013

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Аркадьевна Горошникова — кандидат технических наук, доцент Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
TGoroshnikova@fa.ru

Евгений Сергеевич Смахтин — кандидат филологических наук, доцент Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
ESSmahtin@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Tatyana A. Goroshnikova — Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor, Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia
TGoroshnikova@fa.ru

Eugene S. Smakhtin — Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
ESSmahtin@fa.ru

Статья поступила 20.01.2020; принята к публикации 10.02.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.01.2020; accepted for publication on 10.02.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-87-90
УДК 32(045)

Аргентина в контексте региональной и мировой геополитики

И.А. Войтенко^а, Л.О. Мурадян^б, П.Ф. Лусеро^с

^{а,б} Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^с Национальный университет Росарио (УНР), Аргентина

^а <https://orcid.org/0000-0003-2420-9514>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1367-2223>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-2050-4276>

АННОТАЦИЯ

Политико-географическое положение, богатые и разнообразные природные ресурсы Аргентины стали причиной пристального интереса к стране со стороны лидеров мировой экономики, прежде всего США и Великобритании. Южноамериканское государство, следовавшее на протяжении нескольких десятилетий советам Мирового валютного фонда, Всемирного банка, Большой двадцатки (G20), прошло через череду экономических кризисов и в настоящее время не имеет стабильной экономики. Присутствие Аргентины в клубе развитых стран объясняется стратегическими планами в отношении Антарктиды, с которой в скором времени может быть снят Международный статус. В статье рассматриваются политико-экономические аспекты уязвимости Аргентины с позиций возможности сохранения независимости государства, а также вхождения в альтернативные американским интеграционные структуры. **Ключевые слова:** политико-географическое положение; Большая двадцатка (G20); неустойчивая экономика; территориальный спор; экономическая уязвимость; доктрина Монро; Национальный директорат Антарктиды; Британское содружество

Для цитирования: Войтенко И.А., Мурадян Л.О., Лусеро П.Ф. Аргентина в контексте региональной и мировой геополитики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):87-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-87-90

ORIGINAL PAPER

Argentina in the Context of Regional and Global Geopolitics

I.A. Voytenko^а, L.O. Muradyan^б, P.F. Lusero^с

^{а,б} Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

^с Universidad Nacional de Rosario (UNR), Argentina

^а <https://orcid.org/0000-0003-2420-9514>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1367-2223>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-2050-4276>

ABSTRACT

Political and geographical position, rich and diverse natural resources of Argentina have caused keen interest in the country of the leaders of the world economy, especially the US and the UK. The South American state, which followed the advice of the World Monetary Fund for several decades, the World Bank, the G20, has gone through a series of economic crises and currently has no stable economy. Argentina's presence in the club of developed countries was due to its strategic plans for Antarctica, which could soon be removed from international status. The article discusses the political and economic aspects of Argentina's vulnerability from the standpoint of the possibility of preserving, first, the independence of the state, as well as entering into alternative American integration structures.

Keywords: political and geographical position; G20; unstable economy; territorial dispute; economic vulnerability; Monroe doctrine; National Directorate of Antarctica; British Commonwealth

For citation: Voytenko I.A., Muradyan L.O., Lusero P.F. Argentina in the context of regional and global geopolitics. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):87-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-87-90

К географическим и геополитическим преимуществам Аргентинской Республики относятся: большое жизненное пространство с широким выходом к океану, природно-климатическое и культурное разнообразие, стратегическая близость зоны порта города Ушуая к Антарктиде — континенту, который привлекает внимание многих стран, весьма удаленных от Антарктического региона.

Аргентина, последовательно выполняя рекомендации развитых стран и МВФ, прошла через ряд финансово-экономических кризисов и сейчас занимает второе место в мире по уровню инфляции и имеет слабую и неустойчивую экономику (см. таблицу).

В 1999 г. в состав G20 были приняты страны с развивающейся экономикой. Во главе Аргентины в тот период находился президент Менем, и страна, получив первый транш от МВФ в 1957 г., благодаря своей финансовой системе считалась развивающейся экономикой, имея схему равного обмена аргентинского песо к доллару США (<http://be5.biz/makroekonomika/profile/ar.html>). Когда эта схема обмена рухнула, экономика страны вступила в полосу кризисов. В истории страны период 1975–1990 гг. был отмечен удвоением цен каждые четыре месяца, а к 1989 г. уровень инфляции в Аргентине достиг 1000%. В 1992–2002 гг. МВФ вновь стал одной из причин экономического кризиса, когда государственный долг вырос до 100 млрд долл.

Потерпев неудачу, Аргентина пытается найти новых экономических партнеров, более нейтральных и менее агрессивных. Наиболее перспективная и подходящая для интересов и потребностей Аргентины — группа БРИКС, членами которой не являются страны и организации, с которыми у Аргентины были конфликты за последние 50 лет. Группе БРИКС удалось создать собственные финансовые институты, в которых не участвует МВФ.

В числе враждовавших с Аргентиной Великобритания, с которой страна вела войну за архипелаг Мальвинские острова в 1982 г.; Европейский союз, поддержавший британские претензии на острова; Соединенные Штаты, ведущие интервенционистскую политику на всем южноамериканском континенте, поддерживая и финансируя перевороты и диктатуры в регионе, игнорировавшие во время Мальвинской войны Пакт Рио-де-Жанейро (Межамериканский договор о взаимной помощи) и поддержавшие логистически и в военном отношении Соединенное Королевство в конфликте.

Новые вызовы приводят к созданию иных политико-экономических форматов взаимодействия, которые могут иметь как долговременный, так и среднесрочный характер. Саммит в Буэнос-Айресе снова актуализировал тему глобализации и национальных государств в современных условиях.

Геополитическая и экономическая уязвимость Аргентины заключается в следующем: экономическая и финансовая зависимость, постоянный социально-экономический кризис, социальная нестабильность, низкие бюджеты на безопасность и оборону, стагнация МЕРКОСУР.

И это в условиях практически открытого доступа извне к ресурсам территории и прибрежной акватории страны, загрязнения водных объектов и сокращения площади лесов, которая в 2015 г. составляла 271,1 тыс. кв. км при ежегодном ее сокращении с 2005 г. на 1% или 2,5–3 тыс. кв. км. Из-за низких расходов на инфраструктуру до сих пор 15% населения Аргентины испытывают дефицит воды, а у 40% нет канализации.

Со времени принятия США в 1823 г. доктрины Монро американская буржуазия определяет весь американский континент как территорию своего владения. Разговоры об интернационализации территории Амазонки в Бразилии, а теперь еще предложение придать международный статус Северному морскому пути России вызывают не только недоумение.

В случае Аргентины одним из наиболее важных природных ресурсов является водоносный горизонт Гуарании (<https://www.gov.uk/government/news/queen-elizabeth-land>), охватывающий территорию четырех стран МЕРКОСУР. По мнению экспертов, в водоносном горизонте Гуарани достаточно воды, чтобы обеспечивать все население планеты в течение 200 лет.

Ресурсы Патагонии и ее подводной платформы тоже считаются огромными. В таком контексте малолюдность этого региона и отсутствие инвестиций в вооруженные силы создают соблазн для тех, кто нуждается в ресурсах.

Вот почему возникает вопрос: является ли эта уязвимость только виной аргентинцев?

В XX в. настоящая геополитическая мысль и собственная оборона были приоритетом правительства президента Хуана Доминго Перона, при котором осуществлялась задача окончательной оккупации Аргентинской Патагонии, а аргентинское присутствие в Антарктике было усилено посредством создания Национального директората Антарктиды. Военно-промышленный комплекс получал инве-

Место Аргентины в мировой экономике, 1970–2016 гг. / Argentina's place in the global economy, 1970–2016

Отрасль/год	1970	1980	1990	2000	2010	2016
ВВП	17	26	23	16	26	21
Сельское хозяйство	19	35	23	20	17	15
Промышленность	13	27	23	21	30	27

Источник / Source: URL: <http://be5.biz/makroekonomika/profile/ar.html>.

стиции, были усилены самые современные отрасли промышленности, в том числе, аэрокосмическая, морское судостроение, нефтехимия. Перон осуществил доктрину «Нация в оружии». В этих рамках Вооруженные силы принимали участие в кампаниях по ликвидации эндемических заболеваний и борьбе с эпидемиями. В 1952 г. Хуан Перон предложил объединить Южный Конус с альянсом Аргентины, Бразилии и Чили, известным как «Проект ABC». Формирование этого блока было направлено на противодействие гегемонии США, а в качестве оси региональной интеграции выступала Аргентина.

Будущее Аргентины могло бы быть безоблачным, ведь страна располагает основными и необходимыми ресурсами будущего: пресной водой, нефтью, литием, агроклиматическими ресурсами для производства продовольствия. По данным на 2016 г., Аргентина занимала 37 место в мире — Мексикой, Бразилией, Малайзией (<http://www.ign.gob.ar/areaservicios/descargasgratuitas/mapamudos>).

Уникальным геополитическим преимуществом страны является наличие естественной платформы доступа в Антарктику, что объясняет постоянный интерес и иностранное вмешательство в деятельность правительства, войну на Мальвинских островах, давление со стороны США и Великобритании.

Пока все живут в гармонии и мире в рамках Договора об Антарктике, но уже сейчас многие страны заявляют о суверенитете над континентом, где, помимо научных баз, рядом расположено много военных объектов.

Географическая удаленность в наше время не является препятствием для разработки смелых геополитических планов. Расстояние от ЮАР до Антарктиды — примерно 4000 км, от Австралии до Антарктиды — примерно 2500 км, от Новой Зеландии до Антарктиды — примерно 2500 км, от Патагонии до Антарктиды — примерно 850 км.

Кто же является главным претендентом на территории южного континента? Южная Африка,

Новая Зеландия и Австралия — члены Британского Содружества Наций. Королева Елизавета II — глава государств Австралия и Новая Зеландия. Франция — исторический союзник Соединенного Королевства. Во время Фолклендской войны Франция была лучшим союзником Великобритании, по словам британского министра обороны того времени. Около французских Южных и Антарктических Территорий находится Британская Территория в Индийском Океане. Здесь же находится американская военная база Диего Гарсия. Американцы были союзниками англичан во время Фолклендской войны и нарушили Межамериканский договор о взаимной помощи, предав не только Аргентину, но и всю Америку [[https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Antarctica_\(orthographic_projection\).svg#mw-jump-to-license](https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Antarctica_(orthographic_projection).svg#mw-jump-to-license)].

Мальвинские острова — аргентинская территория, оккупированная англичанами. Британская оккупация Мальвинских островов была военной операцией Соединенного Королевства в 1833 г. Несмотря на мирные отношения с Аргентинской Конфедерацией, Соединенное Королевство с двумя военными кораблями выселило аргентинский гарнизон из Пуэрто-Соледад. С тех пор острова находились под британским правлением и контролем, за исключением краткого периода Мальвинской войны 1982 г.

Потеря островов после войны закрыла Аргентине путь в Южную Атлантику и Антарктиду, поставила под угрозу Патагонию и подтвердила британские претензии на «белый континент». Чили, воспользовавшись поражением Аргентины, решили конфликт в проливе Бигль в свою пользу и претендовали на южные острова Магелланова пролива: Пинкстон, Леннокс и Нуэва.

В Аргентине в ноябре 1984 г. был проведен национальный плебисцит по вопросу принятия или отклонения Договора о мире и дружбе с Чили для урегулирования конфликта в проливе Бигль. Вой-

ны удалось избежать, но часть территории была потеряна, проход в Антарктиду был закрыт еще больше. Сегодня Чили, союзник Великобритании в войне, также является жертвой британского империализма, поскольку притязания Великобритании на Антарктиду также угрожают праву Чили в этом регионе.

Но империалистическая угроза, британская и американская, продвинулась еще дальше, развивая план независимости Патагонии на основе выделения этнического анклава от Чили и Аргентины, штаб-квартира которого расположена в Бристоле в Великобритании.

Англичане всегда интересовались Южным конусом Южной Америки. За несколько лет до оккупации Мальвинских островов в 1833 г. они

пытались завоевать Буэнос-Айрес в 1806 и 1807 гг., но потерпели поражение. Интерес к Патагонии очевиден с позиций геостратегического контроля в Южной Америке для реализации антарктических проектов.

Антарктида окружена странами — членами Содружества или странами, управляемыми британским монархом. С ней также соседствуют британские и американские военные базы (в Индийском океане, Австралии, Новой Зеландии, на Фолклендах, и т.д.). К этому следует добавить китайскую базу на территории Аргентины, базы НАТО на чилийской территории и постоянное патрулирование региона Четвертым американским флотом. Как и для многих государств в наше время — на кону независимость этой приантарктической страны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Аскольдовна Войтенко — старший преподаватель кафедры истории и социально-экономических дисциплин факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
irina.vojtenko@mail.ru

Лусине Овакимовна Мурадян — соискатель кафедры политического анализа и управления, специалист по учебно-методической работе, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
lurdes_lesli@mail.ru

Пабло Лусеро — национальный университет Росарио, Аргентина
lucpablo8@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Voytenko — Senior Lecturer at the Department of History and Socio-Economic Disciplines at the Faculty of the Russian Language and General Education Disciplines of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
irina.vojtenko@mail.ru

Lusine O. Muradyan — the applicant of the Department of Political Analysis and Management of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
lurdes_lesli@mail.ru

P.F. Lucero — Universidad Nacional de Rosario (UNR), Argentina

Личный вклад авторов:

И.А. Войтенко — экономико-географическая характеристика Аргентины, общее руководство проектом.

Л.О. Мурадян — структура статьи, техническое редактирование.

П.Ф. Лусеро — политико-экономический аспект развития экономики Аргентины.

Authors' contributions:

I.A. Voitenko — economic and geographical characteristics of Argentina, General project management.

L.O. Muradyan — structure of the article, technical editing.

P.F. Lucero — political and economic aspect of the development of the economy of Argentina.

Статья поступила 03.12.2019; принята к публикации 03.02.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.12.2019; accepted for publication on 03.02.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-91-97
УДК 801.82(045)

Гендерное равенство как часть национального менталитета. Изменение положения российских женщин в 2010-е годы и его отражение в литературе

М.Р. Кармова^а, А.А. Лукина^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4955-195X>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются изменения положения женщин в российском обществе во втором десятилетии XXI в., которые все еще находят свое место, несмотря на неизменные убеждения. Начиная с анализа социального, экономического, религиозного и политического фона 2010-х гг., статья расширяет понимание отражения этих изменений посредством дискурсивного анализа двух представительниц современных женщин-поэтов в Интернете, опубликованного в период с 2010 по 2019 г. В статье подчеркивается влияние меняющегося гендерного климата и освещаются возможности женщин отстаивать свои права.

Ключевые слова: гендерное равенство; гендерный климат; поэзия; средства массовой информации; интернет-сообщества

Для цитирования: Кармова М.Р., Лукина А.А. Гендерное равенство как часть национального менталитета. Изменение положения российских женщин в 2010-е годы и его отражение в литературе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):91-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-91-97

ORIGINAL PAPER

Gender Equality as a Part of the National Mentality. The Shifting Position of the Russian Women in the 2010-s and its Reflection in Literature

M.R. Karmova^а, A.A. Lukina^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4955-195X>

ABSTRACT

This article explores the changes in women's position in Russian society in the second decade of the XXIst century, which still find their place despite the ossified and immutable beliefs. Starting from the analysis of the social, economic, religious and political background of the 2010-s, the article advances understanding of the reflection of those changes through a discourse analysis of two representatives of contemporary female internet poets, published between 2010 up to 2019. The article underlines the growing weight of the changing gender climate and highlights women's opportunities to campaign for their rights.

Keywords: gender equality; gender climate; poetry; mass media; internet communities

For citation: Karmova M.R., Lukina A.A. Gender Equality as a part of the national mentality. The shifting position of the Russian women in the 2010-s and its reflection in literature. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):91-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-91-97

The following aspects determine the motivation for the present study: the lack of gender research in Russia; inadequate legislation and government policy in the sphere of gender roles and rights; the rise of Russian feminist activities in the last decade; and, finally, the development of modern internet poetry which popularizes the idea of women neither having enough protection nor being treated as self-sufficient members of society.

Materials for discourse analysis include the works of modern internet poets Vera Polozkova and Irina Astakhova, whose works became initially disseminated through internet resources. The choice of these particular authors is conditioned by their inexorable popularity and the widespread response from their female audiences, as well as by the topics that they target in their creative work.

The subject of the present study is modern Russian poetic works of popular female authors.

The object of the work is the way gender inequality is echoed in the poems of the authors mentioned above.

The methodology of research: a comparative and critical analysis of special literature regarding the appearance and use of feminines in the modern Russian language; discursive analysis of contemporary poetic works aimed at deducing the belittlement of women in society; linguistic and cognitive interpretation of the obtained data.

SOCIAL BACKGROUND

At the beginning of the 2010-s Russian mass media wholly ignored the problem of inequality of rights between men and women, creating the image of feminists as sexually dissatisfied, morally degraded, and masculinized women seeking power over men and abjuring canon values, as well as propagating the image of a woman as perfect housewife, devoted wife and caring mother. Russian authorities have long avoided using the word “feminist” in the names of organizations.

Thanks to numerous women’s movements and feminist internet communities together with the appearance of a higher number of female writers, for instance, Maya Kucherskaya, Gusel Yakhina, Polina Zherebtsova, etc., the situation started to appear more favourable. The situation is getting salutary despite the evident government promotion of masculinity to buoy the national psychology up and to legitimate more significant

innate gender differences — imagining women as needing protection, and men as protectors [1].

On the other hand, Russian women seem to have been emancipated since the twentieth century [2]. On the legislative level, they have equal rights with men, while women from the West had to fight for a long time. In most cases, they plan a family budget, are highly educated (58% of professionals are females) and work in any sector ranging from medicine to politics. Despite this, according to the study offered by The World Bank Russia occupies the 34th place in the level of gender equality, being between Morocco and Uganda (Iqbal, Sarah, et al.). The best conditions are in education, but in politics, it has been the worst until the moment when in 2013 women achieved 9% representation in the Federal Council and in 2015 — 15% representation in the State Duma, which is the highest percentile throughout the Russian history. Women occupy presently four seats out of 32 in the government of the Russian Federation: prime-ministers Olga Golodets and Tatyana Golikova as well as two ministers — minister of healthcare Veronika Skvortsova and minister of enlightenment Olga Vasilieva. Central Bank of Russia is now headed by Elvira Nabiulina, who became the first women to administer the central bank of the Great Eight country¹ [3].

Moreover, out of more than 500 representatives of domestic enterprises which took part in a survey offered by the headhunting website Superjob, more and more employers started to pay less attention to the marital status of the female candidates than nine years ago. However, gender preferences remain for the time being. Employers prefer male candidates: 7% will only recruit a man and 4% only a woman; for 50% of employers men are preferable and 39% will only take on a female [3].

Women are in higher demand in subservient positions: teachers, designers, nannies, personal assistants, secretaries, nurses, stylists, and fitness coaches. Russian Federal State Statistics Service provides the following data: women’s salary constitutes 28.3% than of the opposite gender, earning on average \$517 (32.6 thousand rubles) and \$722 (45.5 thousand rubles) respec-

¹ ВЦИОМ, Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. Federal Service of State Statistics, Russian statistical yearbook. Federal Service of State Statistics, 2018. (In Russ.).

tively. Much of this discrimination finds its roots in the social construct. Particularly, it owes to the expectation that all women are potential mothers and their efficacy and productivity are automatically lower than those of the opposite sex [4].

A law promoting gender equality has been passed by the Ministry of Labor, which reduces the list of jobs unavailable to women. Previously this list included 495 professions which were intended only for men; now there are only 95 [5]. Today, women may be employed as parachuters, truck and tractor drivers, metro machinist, etc. But they still cannot work in productions, which use poisonous substances, as they can reduce their reproductive function, as well as cannot be employed as aviation mechanics, divers, welders, miners, and builders of secret governmental buildings.

GENDER STUDIES IN RUSSIA

Gender studies are commensurately divided between state research centres, websites, departments at higher education institutions, scientific journals, activists and non-government organizations [1, pp. 543–548]. Presently, research projects are mainly being developed at the department of gender studies at the Higher School of Economics, Moscow Centre for Gender Studies, informational portal “Woman and society”, Department of Gender Studies at the Neva University of Language and Culture and Samara State University together with the non-government organization The Saratov Center of Gender Studies. The number of such organizations has increased by 12% in the last ten years. The most burgeoning theory developed by the researchers is the theory of social construction, where the analysis and research are predominantly oriented towards such social issues as gender discrimination, professional segregation in the job market, the political representation of women, gender discrimination, violence against women and gender stereotyping. The research themes are greatly influenced by western ideologies (prevalently American). The main goal of these studies is not limited to theoretical work. Still, its purpose is also to make people aware of the acute topic by conduction enlightening seminars and conferences and to ameliorate cooperation with state-owned and government organizations [1, pp. 550–559].

VERA POLOZKOVA

The signature feature of Vera Polozkova’s poetry is her sincerity and emotionality, along with the zeal to correlate her creative work with real life, which contribute to the main topics touched in her poetry: the themes of love, happiness, freedom, and the anxieties of a young woman. Hence, she won recognition by coinciding with the moods, tastes, and preferences of the contemporary youth. According to critic Evgeniy Ermolin, “she reflects all virtues and weaknesses of the new generation. Polozkova’s poems are an extract and partially a sublimation of the generational experience. The generation recognized themselves in Vera. There is your feeling in her love. And it loved back” [6].

Vera Polozkova illustrates the tragic fate of women in Russia. Particularly in her poem “Текст который напугал маму” (The text, which frightened my mother):

*Я одна боевое подразделение по борьбе со
вселенскую энтропией;
я седьмой год воюю со жлобством и ханже-
ством,
я отстаиваю права что-то значить, пи-
сать, высказываться
со своих пятнадцати тем, что Бог, может
быть, иногда глядит на нее и думает:
— ну она ничего, справляется. Я, наверное, не
ошибся в ней.*

I myself is a combat group which fights for the worldwide entropy

it’s already the seventh year that I’ve been fighting greed and sanctimony

I am asserting my rights to mean something, to write, to speak my mind since I was fifteen.

God may be looking at her and thinking:

— she is fine, coping with everything. Probably I was not mistaken in her [7, p. 128].

Contradictions, in her inner world, stimulate adaptation to the rough reality, which stays aloof and enhances the search for a solution to overcome intrinsic conflicts. Instances of self-disgust, antipathy and vagaries of life are to be vanquished for the higher spiritual purpose. She is idiosyncratic and concentrates on the evaluation of her perception. Her feelings regarding lived-through experiences aggrandize and attain a tragic and sacred meaning through poetry.

In her second book, “Photosynthesis”, the theme of break up becomes convoluted with the

theme of travel. She interprets the break-up, not as the beginning of something new, but as an imminent unbearable solitude.

“Моя нежность к тебе живет от тебя отдельно...”

My tender ness to you lives separately from you...

Здесь мы расстанемся. Лишнего не люблю. Наверистишь когда-нибудь теплым антициклоном”.

Here we will part. I don't like anything extra. Visit me some time with a warm anticyclone [8].

In the poem “От меня до тебя” (From me to you) transmittance of the mood often reaches its lyrical apogee and the distance between the lovers either contracts “равное ночи в поезде” (as if a night on the train) or stretches to eternity “как от острова и до острова” (as if from an island to an island) or transforms metaphorically “равно речи в поиске Формулы” (equals to speech in search of a Formula). Panoramic descriptions of train stations, trains and carriages become symbolic for her search for cosiness and comfort [9, p. 14].

“Провожаящих просьба покинуть вагоны...”

Seers-off should leave the carriages.

“Не сходи с моих рельсов...”

Do not go off my rails.

“Ехать, слушать колеса, рельсы, частоты пульса.”

To go, to listen to the wheels, the rails, the pulse rate.

“...внутреннем поезде воздух горяч и сух,

Если есть пункт прибытия — путь до него неблизкий...”

In the inner train, the air is hot and dry,

If there is a destination point — it is not close...

“Я проснусь на конечной, от неожиданной тишины,

и безропотно освобожу вагон...”

I will wake up from unexpected silence at the final stop

And submissively leave the carriage... [8].

Many Russian women relate to this imagery in Polozkova's poetry because they encounter the inability to build a healthy partnership and to create a wholesome family unit. It is also widespread that a woman is denounced for her solitude owing to the traditional pattern of settling down at a young age.

АКН АСТАКHOVA (IRINA АСТАКHOVA)

Irina Astakhova gained her popularity in 2011 by uploading a video with a reading of her emotion-

ally charged poem “Тебя там хоть любят?” (Are you loved there?) on YouTube, which gained 1.2 million views, followed by winning the award for the best art project during the annual ceremony of the 16 Tonnes Club. Her writing is devoted not only to the typical female motives of unrequited love, separation, and melancholy, but also philosophical themes, i.e. self-identification and constant search for the meaning of life. The themes of her poems vary concurrently with the poet's growth and development, which transformed over time into the hedonistic perception of the world along with passive and enervating observations of their own destiny. It can be seen in her poem “Мы молоды, одеты и пусты” (We are young, dressed up, and empty), as well as “Тупик” (Deadend), “Из окна такси я наблюдаю, как моя планета стремительно съезжает по оси” (From the window of a taxi I am observing how my planet is slightly going off the axe), which is so relevant and applicable to the Astakhova's contemporaries.

The author often combines her poetry with melodic and harmonious background music. Astakhova often posts recordings of her own moving readings of her poetry, in which she opts to visualize landscapes, i.e. fields, mountains and sea, making the image of nature an integral part of her creative work. The sea and forests aid to remedy wounds and provide inspiration. For instance:

Не спрашивай, друг: никаких новостей!

душа нараспашку — сегодня не в моде.

мне нравится больше бывать на природе с тех пор, как я стала бояться людей.

Don't ask me, my friend. I don't have any news!

The wide-open soul. It's not fashionable today.

I like to go to the countryside from the moment I started to be afraid of people [10].

In comparison with Vera Polozkova, Astakhova does not make her poetry autobiographical and personal. The lack of details underlines the universality of philosophical problems.

Что вторичное? что главное?

где отчизна?

что случится с нами славными после жизни?

где найти любовь? бесстрашие?

свет? свободу?

что с родными станет нашими через годы?

What is secondary? What is primary?

Where is the motherland?

What will happen to dear our afterlife?

Where shall we find love? Fearlessness?
Light? Freedom?

What will happen to our relatives over many years? [10].

One of the peculiar features of Irina Astakhova's poetry is the distinction between two lyrical characters: a man and a woman. In her book, "Мужская лирика" (Men's lyrics) men's feelings become uncovered, but their representation did not coincide with the typical archetype of an emotionally unavailable human being. On the contrary, Astakhova's lyrical character turns out to be in search of true love, decrying people for their shallowness and feeling unappreciated and misunderstood. The male character reflects on the global consequences of his deeds and looks back to estimate the gravity of the situation, as seen in "Вокзал" (The train station) and "Мама" (Mom). This protagonist combines two bipolar characteristics: on the one hand, he exhibits traditionally masculine traits, as depicted in "Катрин" (Catrine) and "Надежда" (Hope). On the other, he embodies female traits, as well, for instance, figurativeness, expressiveness and attention to detail, the desire to leave the city, unite with nature, and an affinity to self-analysis. It can be deduced from "Давай уедем" (Let's go away) or "О сожалениях. Вокзал." (About regrets. The train station). Therefore, the author underlines the shortcomings of societal expectations, which dictate the stereotype of men's firmness and strength. Accordingly, Astakhova stresses the uniformity of both genders and the idea that one is dominant over the other.

*Я жалею, что мало читал,
Я жалею, что много пил;
Я по жизни всегда искал
Легкий путь — и не находил.
Я жалею забытых мной,
Я жалею, что был несмел,
Я жалею, что за спиной
Я плевать порою смел.
Я жалею, что был неправ,
Выбирая всегда не тех.
Что поделать — сказался нрав:
Человека тянет на грех.*

I regret not reading enough.
I regret drinking much.
I was always searching
For an easy way. And I never found it.
I regret forgetting someone.
I regret not being brave.

I regret spitting behind the back.
I regret being mistaken and
Always choosing the wrong ones
What can I do?
Nature is to blame.
Man is prone to sin [10].

CONCLUSION

It is evident that it will not be possible to solve the problems of gender inequality and overcome the structural discrimination against women without the development of feminist ideas in Russia. The most promising perspective, in my view, is that such developments will occur when the achievements of global feminism and gender equality become part of the national mentality. At the same time, the national mentality is formed by many factors, including the political, religious and social climate in the country, as well as art and literature.

We may observe the interdependent process modern creative works that implicitly or explicitly reflect the present state of affairs and call for the change of public opinion on the problems of intergender relations, which are, in turn, echoed in language. The appearance of new lexis cannot but be motivated by the transformations taking place in society. The scale of the newly introduced words is minuscule, and they might be perceived as somewhat artificial by native speakers; thus, the public reaction towards this sort of lexis is often ambiguous and uncertain. However, it should be noted that introducing and accepting linguistic innovations is not a one-day process, and authoritative representatives of the cultural elite should foster it.

The present study looks at the creative works of two modern Russian poets — Vera Polozkova and Irina Astakhova, who gained their popularity mostly due to their sincere and at the same time straightforward manner of condemning the current socio-political climate in intergender relations. Female poetry has never been considered germane when compared to male poetry, except for a limited number of Russian female poets. The poems by Polozkova and Astakhova find a widespread response from readers belonging to different social classes, which in itself is a sign of the shifting public opinion. The postulated masculine stereotypes in contemporary culture differ significantly from the antecedent historical periods, demonstrating a shift in the perception

of masculinity throughout time. Female poetic discourse is closely related to the issues of gender stereotypes, reflecting the specific changes of lexical representation of the “Man” as well as of the authors’ linguistic identity. Both Polozkova and Astakhova are characterized by ambiguous and duplicitous nature in their evaluability. Both poets adhere to the opinion that partnership is essential for the coexistence of men and women in a healthy milieu and the construction of a strong society.

If we compare the poems of these two authors, it is evident that the means and ways of foregrounding the topics differ significantly. Polozkova’s ideas are expressed explicitly: straightforward arguments have no hidden contexts. In her poetic works, she addresses many vulnerable spots of modern Russian society: she criticizes the governmental policy, social aspects of life, and, finally, the underestimated status of women. Her poems are very personal, and we can observe a strong connection between the protagonist and her own experience. This kind of personalization serves as the best angle to win the readers’ positive response and support. While Astakhova’s poems produce a more abstract and detached impression, she only hints at the problems that, in her opinion, exist in modern society. She leaves it for the reader to make a particular conclusion, never clearly postulating her point of view. One may suggest that both Polozkova and Astakhova reflect their own unhappy experiences through the ideas expressed in their poetry. It is vital that their feelings of self-assertion correspond with, and probably are the result of, the changes taking place in the attitude towards women in general.

From every aspect discussed above, we have drawn several conclusions. The role of women in modern Russian society has been traditionally imposed by two leading powers — the government and the church. Historically Russian women have

been obedient wives and caring mothers, sacrificing their careers and interests for the sake of harmonious family life. This situation fostered the growing inequality of rights that can be observed in different spheres of life. Still, the social climate is beginning to change, mainly due to the activists fighting for women’s rights, but in no small part due to influential feminist poetry widely shared and discussed in social networks. Female poets, such as Vera Polozkova and Irina Astakhova, among many other, develop a genuine understanding of the new stage of intergender relations, where the interplay of mutual respect and support evolve into a successful partnership. Thanks to the poetic representation of equitable relationships between partners, women refuse to settle for less.

Overall, theoretical and empirical studies have shown that construed hegemonic masculinity continues to be reproduced in the consciousness of men and women. The “real man” is expected by the surrounding social environment to pursue victory, take risks, struggle, express leadership, and succeed. However, there is also natural masculinity, which we have viewed as life following a male habitus — a life in which there is no rigid framework of the image of the “real man”. A real man is any man who does not impose and perform hypermasculinity. Moreover, natural masculinity represents neither a crisis of masculinity nor an example of failed masculinity. What it does more than anything is enable men to be natural. In this context, I should like to focus on the fact that a new reflection of the phenomenon of masculinity is of relevance and may lead to changes in problems of gender.

Indeed, as Russia’s women’s movement activists strive to improve women’s position in society, they have encountered political, as well as economic opportunities and obstacles, which require further analysis.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Johnson Janet Elise, Saarinen Aino. Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women’s Crisis Center Movement in Russia. *The University of Chicago Press*. 2013;3(38):543–600.
2. Boxer Marilyn J., Quataert Jean Helen. *Socialist Women: European Socialist. Feminism in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. New York: Elsevier; 1978.
3. Губская А. Строгие предпочтения относительно пола. URL: www.superjob.ru/community/otdel_kadrov/44693/.
4. Gubskaya A. Strict preferences concerning gender. URL: www.superjob.ru/community/otdel_kadrov/44693/. (In Russ.).

5. Женщины и мужчины России. Г. Оксенойт, О. Глотко, А. Иванова и др., ред. М.: Росстат; 2018.
6. Women and men in Russia. Russian Federal State Statistics Service. G. Oxenoit, O. Glotko, A. Ivanova, eds. Moscow (In Russ.).
7. Старостина Ю. Минтруд сократил список профессий, запрещенных для женщин. URL: www.rbc.ru/economics/04/07/2019/5d1c75289a79473fa7fc9de0.
8. Starostina Yu. The Ministry of labour has reduced the list of professions prohibited for women. URL: www.rbc.ru/economics/04/07/2019/5d1c75289a79473fa7fc9de0. Accessed 10 July 2019 (In Russ.).
9. Ермолин Е.Е. Роль и Соль. Вера Полозкова: ее друзья и недруги. *Знамя*. 2013;(2):166–176.
10. Yermolin E. E. Role and Salt: Vera Polozkova. Her Friends and Foes. *Znamya*. 2013;2:166–176. (In Russ.).
11. Полозкова В. Вечерняя Памятка (Note) p. 79. Текст, который напугал маму. М.: Livebook; 2014.
12. Polozkova V. (The text which frightened my mother) p. 128. Moscow: Livebook; 2014. (In Russ.).
13. Полозкова В., Павтова О. Фотосинтез. М.: Livebook; 2014.
14. Polozkova V., Pavtova O. Photosintez. Moscow: Livebook; 2014. (In Russ.).
15. Полозкова В. Осточерчение. М.: Livebook; 2015.
16. Polozkova V. Ostocherchenie. Moscow: Livebook; 2015. (In Russ.).
17. Астахова И. Стихи и эмоции. URL: <https://ah-astahova.ru/>
18. Astakhova I. Poems and emotions. URL: <https://ah-astahova.ru/> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марьяна Ризовна Кармова — старший преподаватель департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия

mkarmova@fa.ru

Александра Андреевна Лукина — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия

aalukina@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mariana R. Karmova — Senior lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia

mkarmova@fa.ru

Alexandra A. Lukina — Senior lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia

aalukina@fa.ru

Статья поступила 31.01.2020; принята к публикации 15.02.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 31.01.2020; accepted for publication on 15.02.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-98-100
УДК 325.111(045)

Гармонизация международного законодательства по миграционным вопросам

К.Д. Шевченко

Бюро Международной организации по миграции в Москве, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2566-831X>

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье анализируются краткое содержание, основные задачи и перспективы реализации на межгосударственном уровне Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 19 сентября 2016 г. В данном контексте автор акцентирует внимание на том, что одним из наиболее актуальных миграционных вызовов, стоящих в настоящее время перед Российской Федерацией, является успешное решение задачи по созданию нормативной правовой основы деятельности в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.

Ключевые слова: Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах; Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и законной миграции; международная миграция; защита прав и основных свобод; деятельность по адаптации и интеграции иностранных граждан

Для цитирования: Шевченко К.Д. Гармонизация международного законодательства по миграционным вопросам. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):98-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-98-100

ORIGINAL PAPER

Harmonization of International Legislation on Migration

K.D. Shevchenko

International Organization for Migration in Moscow, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2566-831X>

ABSTRACT

The present essay analyzes the executive summary, primary tasks and outlooks for implementation on interstate level New York Declaration for Refugees and Migrants adopted by the General Assembly on September 19, 2016. Within the context, the author focuses on one of the most persistent migration challenges the Russian Federation does presently encounter, namely the task on setting up and developing a comprehensive legal normative basis for inclusion in the society and social and cultural integration of foreign nationals.

Keywords: New York Declaration for Refugees and Migrants; Global compact for safe; orderly and regular migration; international migration; securing of human rights and freedoms; adaptation and integration of foreign nationals

For citation: Shevchenko K.D. Harmonization of international legislation on migration. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):98-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-98-100

С учетом современных цивилизационных вызовов и реалий в последнее время особую актуальность приобрел вопрос формирования общемировых универсальных подходов к деятельности по управлению миграционными процессами. Во многом это обусловлено общей глобализацией, следствием которой стала и глобальная миграция населения, что должно было найти (и находит) свое отражение в перечне приоритетных задач, стоящих перед государствами мирового сообщества. Действительно, миграционные потоки сегодня велики как никогда, и тенденция эта в обозримом будущем сохранится. Так, по данным ООН, общее число мигрантов в мире составляет примерно 244 млн чел. (каждый 7-й житель Земли) (<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration>), а к 2050 г. мигрантов будет уже не менее 400 млн чел. (<https://www.iom.int/world-migration-report-2010>). Поэтому стремление стран мирового сообщества выработать в сфере миграции некие общие правила поведения выглядит вполне естественным и логичным.

Начало работе уже положено. 19 сентября 2016 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята так называемая Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах (<http://refugeesmigrants.un.org/declaration>). Декларация эта интересна тем, что она не только закрепила комплекс обязательств государств, касающихся беженцев и мигрантов, но и дала старт процессу межправительственных переговоров по выработке Глобального договора о безопасной, упорядоченной и законной миграции (руководствуясь принятой в Международной организации по миграции терминологии — Глобальный компакт по миграции).

В течение 2017–2018 гг. страны мирового сообщества при организационной поддержке Международной организации по миграции активно вели переговорный процесс по выработке проекта Глобального договора. Итогом стал всеобъемлющий и весьма компромиссный международный правовой инструмент, определяющий роль и место миграции в современном мире, учитывающий текущие миграционные тенденции и отвечающий интересам и потребностям разных стран, участвовавших в его подготовке. Венцом межгосударственного диалога стала созванная в декабре 2018 г. специальная международная конференция ООН, на которой Глобальный договор был поддержан и принят подавляющим числом государств. Столь широкая поддержка данного акта во многом объясняется давно назревшей потребностью в создании

единого, внятного и отвечающего современным геополитическим вызовам общепризнанного международного стандарта в области миграции.

Ценность Глобального договора определяется прежде всего тем, что в нем закрепляется ряд принципов, обязательств и договоренностей между государствами-участниками относительно международной миграции во всех ее аспектах, включая гуманитарную составляющую, развитие и права человека. Предполагается, что Договор сможет внести определенный вклад в глобальное регулирование международной миграции и укрепление международной координации.

Основные ожидания от Глобального договора:

- предоставление в распоряжение государств комплекса руководящих принципов и механизмов для эффективного и гуманного управления миграцией и получения соответствующих выгод от миграции для государств происхождения и приема;
  - усиление координации в сфере международной миграции;
  - основа для комплексного международного сотрудничества по миграционным вопросам.
- Кроме того, в Договоре значительное внимание уделено таким принципиальным моментам, как:
- защита прав человека и основных свобод;
  - усиление сотрудничества государств в сфере пограничного контроля;
  - сбор информации о перемещениях беженцев и мигрантов;
  - совершенствование деятельности по адаптации и интеграции мигрантов, особенно по вопросам доступа к образованию, здравоохранению, правосудию и обучению языку;
  - укрепление сотрудничества в области поисково-спасательной деятельности;
  - гендерный аспект;
  - борьба с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов;
  - борьба с ксенофобией, расизмом и дискриминацией.

Вообще следует отметить, что движение ООН в сторону формирования общемировой системы нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере миграции, началось намного раньше, но к явным, ощутимым и однозначно положительным результатам пока не привело. В качестве примера такого рода можно привести Конвенцию ООН о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 г. (свободное передвижение, выбор места жительства, участие в профсоюзах,

в общественной жизни, доступ к учебным заведениям, обеспечение жильем, социальное и медицинское обслуживание). По сей день страны, которые ратифицировали Конвенцию, являются в большинстве своем странами происхождения мигрантов (как, например, Азербайджан, Албания, Босния, Киргизия, Таджикистан). Для этих стран Конвенция является важным инструментом защиты своих граждан, находящихся и работающих за рубежом. Однако ни одна из стран, которые являются крупными реципиентами иностранной рабочей силы, так и не подписала и не ратифицировала Конвенцию.

В этой связи следует отметить, что применительно к Глобальному компакту этот не самый успешный международный опыт был полностью учтен, чтобы не допускать вновь создания заведомо «неработающего» документа. С этой целью Глобальному договору, по крайней мере на данном историческом этапе, была намеренно придана форма не столько обязывающего, сколько рекомендательно-ориентирующего, рамочного документа с нейтральным звучанием, который в равной степени удовлетворяет все страны независимо от того, являются ли они государствами происхождения, транзита или назначения. В преамбуле Договора специально оговаривается, что он не имеет обязательственной юридической силы, а значит, следование его положениям — независимый, осознанный и суверенный выбор каждого государства.

Исходя из такого понимания правовой природы документа вполне допустимо рассматривать Глобальный договор как своего рода модельный международный нормативный правовой инструмент, закрепляющий основные рамочные общепризнанные принципы, подходы и стандарты к деятельности по управлению миграцией, представляющий некую «дорожную карту», задающую государствам мирового сообщества направление миграционного движения на ближнюю и среднесрочную перспективы.

Однако в любом случае Глобальный компакт будет полезен в том плане, что, *во-первых*, лишний раз сосредоточит внимание стран мирового сообщества на проблемах миграции, *во-вторых*, задаст определенные «правила игры» в этой области, *в-третьих*, окажет влияние на национального правоприменителя и, *в-четвертых*, возможно, послужит отправной точкой для развития в будущем полноценного международного миграционного законодательства.

И в заключение хотелось бы очень коротко сосредоточиться на тех задачах, которые, с учетом положений Нью-Йоркской декларации, сейчас остро стоят перед Российской Федерацией. Речь идет о необходимости скорейшего создания нормативной правовой основы деятельности в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан, тем более что такая задача прямо сформулирована и в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. Именно на это следует сейчас направить основные усилия. И такая работа действительно ведется — Федеральное агентство по делам национальностей продолжает разрабатывать проект федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Со своей стороны Бюро Международной организации по миграции в Москве пусть не прямо, а опосредованно также участвует в этой деятельности. В настоящее время Бюро ведет работу по обобщению и анализу передового международного опыта в данной области, с тем чтобы не только представить вниманию отечественного правоприменителя образцы хорошо зарекомендовавших себя интеграционных мер и программ, но и предложить конкретные рекомендации по становлению и развитию института адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Дмитриевич Шевченко — кандидат юридических наук, сотрудник Бюро Международной организации по миграции в Москве, Москва, Россия
zel71@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kirill D. Shevchenko — Cand. Sci. (Jurisprudence), Consultant on legal issues, International Organization on Migration in Moscow, Moscow, Russia
zel71@mail.ru

Статья поступила 15.01.2020; принята к публикации 10.02.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.01.2020; accepted for publication on 10.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-101-105
УДК 327.82(045)

Российско-молдавские отношения и политические позиции России в Молдове: перспективы в контексте внутрирегиональных особенностей

Ю.А. Мамаева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6964-6262>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы участия России в политических процессах Молдовы с акцентом на региональной специфике, углубленное изучение которой дает возможность эффективнее оценить российский потенциал на данном направлении. Дается оценка действиям основных политических акторов молдавской политики в ходе парламентских выборов 2019 г. и следующего за ними политического кризиса, приведшего к ситуации, позволяющей России эффективнее реализовать свои интересы на территории Молдовы. Приводятся и характеризуются факторы фундаментального характера, влияющие на вектор внутри- и внешнеполитического развития Молдовы и детерминирующие действия российского политического руководства в ходе осуществления мероприятий по реализации внешнеполитической доктрины России в регионе. Рассматриваются перспективы российских позиций в ходе динамично изменяющейся политической ситуации в Молдове с опорой как на факторы фундаментального характера и опыт политического взаимодействия между странами, так и в контексте существующей политической конъюнктуры.

Ключевые слова: российско-молдавские отношения; постсоветское пространство; политические партии; дипломатическое воздействие; Молдова; Россия; Приднестровье

Для цитирования: Мамаева Ю.А. Российско-молдавские отношения и политические позиции России в Молдове: перспективы в контексте внутрирегиональных особенностей. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):101-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-101-105

ORIGINAL PAPER

Russian-Moldovan Relations and Political Positions of Russia in Moldova: Prospects in the Context of Intra-Regional Consequences

Y.A. Mamaeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6964-6262>

ABSTRACT

The article discusses the issues of Russia's participation in the political processes of Moldova with an emphasis on regional specifics, an in-depth study of which makes it possible more effectively assess the Russian potential in this area. It assesses the actions of the main political actors of Moldovan politics during the parliamentary elections of 2019 and the subsequent political crisis that led to a situation that allows Russia to more effectively realize its interests in Moldova. The fundamental factors that influence the vector of domestic and foreign policy development of Moldova and determine the actions of the Russian political leadership in the course of implementing measures to implement the foreign policy doctrine of Russia in the region are given and characterized. The prospects of Russian positions in the course of a dynamically changing political situation in Moldova are considered, relying on both fundamental factors and the experience of political interaction between countries, and in the context of the current political situation.

Keywords: Russian-Moldovan relations; the post-Soviet space; political parties; diplomatic influence; Moldova; Russia; Transnistria

For citation: Mamaeva Y.A. Russian-Moldovan relations and political positions of Russia in Moldova: Prospects in the context of intra-regional consequences. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):101-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-101-105

Обращаясь к проблеме российско-молдавских отношений и перспективам позиций России в Молдове, необходимо обратить внимание на межгосударственную систему взаимодействий, сложившуюся после распада Советского Союза и формировавшуюся под влиянием внутренних и внешних факторов, которые оказали существенное воздействие как на постсоветское пространство, так и на особый регион, фактически состоящий из Румынии, Молдовы и Украины, связанных территориальными, национальными и культурными противоречиями.

Молдова, последней вошедшая в состав Советского Союза и являвшаяся предметом споров между советским и румынским руководством в период холодной войны, не имела устоявшийся политической системы, что в совокупности со сложностями межэтнического взаимодействия привело к Приднестровскому конфликту, развитие которого предопределило политику России на молдавском направлении, существенно уменьшая возможности для маневра.

Однако события 2019 г., приведшие к снижению влияния лидера Демократической партии Владимира Плахотнюка и его последующей эмиграции, позволяют говорить о частичном изменении политического ландшафта Молдовы в связи с договоренностью о создании коалиции между Партией социалистов Республики Молдова, с одной стороны, и блоком ACUM («Сейчас») — с другой, взгляды которых на внутреннюю и внешнюю политику существенно различаются. Создается ситуация, при которой Россия имеет возможность вести переговоры не только с традиционными партнерами в политическом спектре Молдовы — Партией социалистов Республики Молдова и Партией коммунистов Республики Молдова (которые, являясь на определенных этапах крупнейшей политической силой страны, не сумели получить полный контроль над государственным аппаратом и достичь значимых договоренностей с Россией), но и с частью прозападных сил, которые в настоящий момент связаны договоренностями с Партией социалистов и также имеют необходимость в поддержании рабочих контактов с российским руководством.

Примечательно, что электоральные предпочтения большинства населения Молдовы исходя из результатов выборов, прошедших

в феврале 2019 г., разделены между тремя основными политическими силами страны, что вынуждает политические элиты Молдовы находить компромисс во избежание коллапса системы государственного управления [1]. Парламентские выборы 2019 г. впервые проводились по смешанной системе вместо использовавшейся ранее пропорциональной системы, замена которой была проведена без широкого участия общественности и раскритикована международными организациями и частью политических сил страны (<https://www.osce.org/ru/odihr/elections/moldova/423287?download=true>). Также стоит отметить, что, несмотря на впервые предоставленную возможность осуществлять избирательные права на своей территории, для жителей Приднестровья было открыто только 2 участка из 51 по системе одномандатных округов (около 4% от всех избирательных участков в стране), тогда как число жителей Приднестровья, являющихся избирателями, составляет 7% от общего количества избирателей. Это также наносит урон по перспективам пророссийских сил в Молдове, так как пророссийская политическая ориентация жителей Приднестровья в настоящий момент очевидна.

После проведения выборов, формальным победителем которых стала Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ), начался затяжной политический кризис в связи с неспособностью ведущих политических партий договориться о создании коалиции, существование которой, как уже было сказано выше, жизненно необходимо для молдавской государственности. Продолжительные попытки формирования коалиции в итоге привели к заключению соглашения между ПСРМ и блоком ACUM, которое на короткое время ввело Молдову в состояние двоевластия из-за нежелания фактически правящей на тот момент Демократической партии Молдовы отдавать ключевые посты новой коалиции (<https://iacenters.com/2019/06/13/vnutrennij-krizis-v-moldove-v-kontekste-federalizacii-voskreshenie-ili-reinkarnacziya-memoranduma-kozaka/?lang=ru>). По итогам противостояния, длившегося несколько дней, Демократическая партия Молдовы согласилась передать власть, а лидер партии Владимир Плахотнюк покинул страну.

Сформировавшаяся коалиция, состав которой удовлетворял как Россию, так и стра-

ны Запада (соглашение о создании коалиции и формировании правительства проходило при активном участии представителей от ЕС, России и США) [2], сумела сохранить шаткое равновесие и договориться о сотрудничестве на местных выборах, прошедших 20 октября 2019 г., создав большинство в значительной части районных советов (<http://www.vedomosti.md/news/v-25-rajonah-strany-uzhe-dostignuta-dogovorennost-o-sozdanii>).

Анализируя изменение политических позиций России на молдавском направлении после прошедших выборов и формирования новой коалиции, необходимо акцентировать внимание на истории политического взаимодействия с молдавскими властями и его результатах. Так, судьба «плана Козака», позволявшего России успешно решить для себя проблему Приднестровья и в последний момент отклоненного президентом Ворониным 25 ноября 2003 г. (в том числе из-за дополнительных условий России о продлении ее военного присутствия на территории Приднестровья до 2020 г., выдвинутых после опубликования проекта 15 ноября 2003 г. [3]), показывает, что политическая конъюнктура Молдовы крайне изменчива и не позволяет России делать долгосрочные расчеты и вести последовательную политику по изменению политического курса страны без значительного риска потери вложенных ресурсов, что после украинских событий 2013–2014 гг. стало особенно актуальным.

При этом стоит отметить, что фактически политическая обстановка в Молдове во многом дублирует ситуацию, сложившуюся для России в Украине, при которой российское руководство поддерживает непризнанные государственные образования на территории этих стран, в которых сконцентрировано дружественное для России население, пытаясь при этом выстроить отношения с политическими элитами Молдовы и Украины, опираясь на силы, называемые пророссийскими. Как видится, данный вектор развития ситуации является ключевой проблемой для успешного ведения российской политики на молдавском и украинском направлениях.

При этом динамика изменения популярности политических партий в Молдове отчасти позитивна для России: так, теряют свою популярность партии, выступающие за глубокую интеграцию и последующее объединение

с Румынией (в совокупности набрали не более 3% на февральских парламентских выборах). Фактор румынского унионизма, как представляется, стоит рассматривать как положительный для российских позиций в Молдове, так как, в отличие от поддержки Россией Приднестровья, которая ограничивается требованиями провести федерализацию страны с учетом интересов обособленных регионов Молдовы (Приднестровье и Гагаузия), стремление Румынии к объединению стран (фактическому поглощению Молдовы) настораживает большую часть политических сил страны, стремящихся сохранить свою независимость в принятии решений.

После проведения выборов, формальным победителем которых стала Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ), начался затяжной политический кризис в связи с неспособностью ведущих политических партий договориться о создании коалиции, существование которой, как уже было сказано выше, жизненно необходимо для молдавской государственности.

При этом в Молдове фактически сохраняется ситуация, которая в точности повторяет модель отношений, существовавшую между президентом Игорем Додоном (от социалистов) и премьер-министром Павлом Филипом (от демократов), когда от обеих сторон звучали диаметрально противоположные оценки существующих отношений с Россией. Что подчеркивает двойственность подходов молдавской внешней политики, при которой российская сторона вынуждена критиковать не позицию молдавских властей в целом, а позицию отдельных ветвей (представителей) молдавской власти. Однако назначение 14 ноября 2019 г. премьер-министром беспартийного технократа Иона Кикю позволяет надеяться на постепенное

изменение подходов части молдавских элит к сотрудничеству с российским руководством, что подтверждается готовностью нового премьер-министра возобновить межправительственный диалог с Россией, который отсутствовал на протяжении последних 7 лет (<https://ria.ru/20191206/1562057935.html>).

По нашему мнению, существует несколько основных факторов, которые характеризуют и влияют на политические перспективы России на молдавском направлении:

1. Необходимость ведения двойственной политики, при которой Россия, с одной стороны, должна гарантировать фактическую независимость непризнанным республикам (Приднестровье в Молдове, ДНР и ЛНР в Украине), а с другой стороны, поддерживать пророссийские партии на территории, подконтрольной официальным властям (Партия социалистов Республики Молдова и Оппозиционный блок). Это ставит данные партии в тяжелое положение — они подвергаются обвинениям в сотрудничестве с Россией, которая, по мнению их политических оппонентов, нарушает суверенитет Молдовы и Украины.

2. Российская политика на пространстве бывшего Советского Союза традиционно опирается на «оборонную» доктрину при взаимодействии с постсоветскими странами, что выражается в стремлении сохранить существовавший после окончательного формирования СНГ статус-кво, заменяя устаревающий институт СНГ на ЕАЭС, в рамках которого от стран-участников преимущественно требуется сохранять нейтралитет. Данная позиция имеет как позитивные, так и негативные стороны. С одной стороны, Россия в Молдове получает возможность выступать как третья сторона, способная встать над политическим противостоянием и вести диалог с большинством политических сил Молдовы, так как за исключением Приднестровья не имеет критически важных интересов на ее территории (что в данном случае отличает сложившуюся ситуацию от украинской). С другой стороны, Россия не имеет возможности извлекать максимальную выгоду из политических успехов пророссийских сил так же, как это могут делать страны ЕС и США, пользуясь успехами прозападных сил в Молдове («Революция Твиттера» 2009 г.).

3. Пророссийские силы Молдовы, оказавшись у власти, зачастую неспособны реализовать декларируемые ими шаги по налаживанию отношений с Россией и дальнейшим углублением сотрудничества. Это может объясняться как низким уровнем управленческих способностей большинства пророссийских политиков, неспособных использовать современные политические технологии для удержания власти, так и невысокой активностью России по подготовке соответствующих кадров (в отличие от стран Запада, обеспечивающих лояльность дружественных себе элит через образование и более глубокую идеологическую работу как с профессиональными политиками, так и с наиболее активными слоями населения) [4].

4. Географическое положение Молдовы, не имеющей общих границ с Россией и зажатой между Румынией и Украиной, отношения которых с российским руководством характеризуется наличием множества конфликтов, неразрешимых в ближайшей перспективе. При этом украино-румынские отношения также далеки от идеала из-за положения румынского меньшинства в Украине и территориальных споров между странами.

5. Сложная межэтническая обстановка в самой Молдове, которая, как видится, сглаживается присутствием российских войск на территории Приднестровья и патронажем Турции над Гагаузией, что дает возможность молдавскому руководству взаимодействовать с проблемными регионами своей страны при участии стран-посредников. При этом события 1992 г. в Приднестровье и отсутствие должного опыта и ресурсов при формировании системы международных взаимоотношений у части стран [5], не позволяет говорить о возможности самостоятельного разрешения существующих трудностей в обозримом будущем.

Как представляется, существующая политическая ситуация в Молдове позволяет российскому руководству извлечь из нее значительные выгоды в случае, если будет найдено промежуточное решение приднестровской проблемы, при которой Молдова будет связана определенными обязательствами перед властями Приднестровья. Это, однако, напоминает «план Козака», отвергнутый молдавскими коммунистами, чье положение в 2003 г. было существенно прочнее позиций Партии социа-

листов Республики Молдова и их фактического лидера Игоря Додона. Весьма вероятно, что по этой причине, руководствуясь негативным опытом времен украинского Евромайдана, Россия не будет предпринимать активных шагов на молдавском направлении, действуя в русле привычной для себя политики, предполагающей недопущение изменения официального нейтрального статуса Молдовы, существующего в настоящий момент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астахова С. В. Молдавия: парламентские выборы в контексте современных политических реалий. *Россия и новые государства Евразии*. 2019:1(42):88–102.
2. Астахова С. В. Молдавия в условиях политического кризиса. *Россия и новые государства Евразии*. 2019:2(43):115–126.
3. Путинцев И. С. Приднестровский компромисс? *Вестник МГИМО-Университета*. 2010:1(10):24–29.
4. Ядова М. А. Россия и Запад в представлениях постсоветской молодежи. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал*. 2019:(2):89–94.
5. Винчковский Е. В. Мультикультурная юрисдикция: случай Израиля. *Гуманитарные и социальные науки*. 2019:(5):22–33.

REFERENCES

1. Astakhova S. V. Moldova: parliamentary elections in the context of modern political realities. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 2019:1(42):88–102. (In Russ.).
2. Astakhova S. V. Moldova in the context of the political crisis. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 2019:2(43):115–126. (In Russ.).
3. Putintsev I. S. Transnistrian compromise? *Bulletin of MGIMO-University*. 2010:1(10):24–29. (In Russ.).
4. Yadova M. A. Russia and the West in the views of post-Soviet youth. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sotsiologiya: Referativnyi zhurnal*. 2019:(2):89–94. (In Russ.).
5. Vincchovsky E. V. Multicultural jurisdiction: the case of Israel. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2019:(5):22–33. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Александровна Мамаева — кандидат исторических наук, доцент
Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
yamamaeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuliua A. Mamaeva — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
YAMamaeva@fa.ru

Статья поступила 30.01.2020; принята к публикации 10.02.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.01.2020; accepted for publication on 10.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-106-111
УДК 316(045)

Искусство ведения деловых переговоров на английском языке

Е.А. Зыков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8019-2740>

АННОТАЦИЯ

Данная статья является вводным разделом к курсу по бизнес-коммуникации на английском языке. Затронуты особенности менталитета и этических норм у переговорщиков ряда стран. В краткой форме обобщены алгоритмы и нюансы межличностной деловой коммуникации. Терминология делового стиля и тактика переговоров структурированы в программу занятий и ролевых игр на семинарах. Предложен ряд базовых практических рекомендаций для успешной стратегии при ведении деловых переговоров.

Ключевые слова: искусство общения; деловой этикет; коммуникативные навыки; стратегия переговоров; невербальные сигналы; психология в переговорах

Для цитирования: Зыков Е.А. Искусство ведения деловых переговоров на английском языке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):106-111. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-106-111

ORIGINAL PAPER

The Art of Business Communication in English

E.A. Zykov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8019-2740>

ABSTRACT

The following article is part of *The Course of Business Communication in English* based on the author's personal experience and research. It incorporates a survey of trends and nuances, business etiquette and negotiation style in various countries. It also provides tips on strategy, written and verbal communication, as well as nonverbal cues of negotiation which are effective for practical needs.

Keywords: the art of communication; business etiquette; communication skills; negotiation strategy; nonverbal cues; the psychology of negotiation

For citation: Zykov E.A. The art of business communication in English. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):106-111. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-106-111

“You can’t compete globally unless you have appropriate communication skills.” James Wolfensohn (President of the World Bank Group)¹ “Business starts and ends at the negotiating table” — (NN)

INTRODUCTION

I have always been fascinated by the art of communication. We socialize, inform, interact, entertain, find friends, or partners. Newcomers can be lost in the crowd of strangers at a global business forum. However, communication skills help them solve conflicts or find a common language with people of different

culture and mentality. Communication allows us to learn more about people, business, culture, lifestyle etc. Communication is a key to relationships, knowledge and story-telling.

Based on my experience as an interpreter, writer, publisher and film producer, this article is an introduction to my Advanced Course of Business English. It is a digest of know-how, guidelines and tips of communication for negotiations, report writing, business etiquette, social media, etc. summarized for reproduction at lectures, workshops and role-playing games — this knowledge will help potential communicators engage in business talks using English.

This article is organized into the following sections:

- Nuances of mentality and ethical standards.

¹ URL: <https://www.9quotes.com/author/james-wolfensohn>.

- Communication principles in business, politics, etc.
- Verbal, non-verbal and written communication: patterns, rules and tips.
- Practical recommendations for amicable partnership.

NUANCES OF MENTALITY AND ETHICAL STANDARDS

20% of the world's population speaks English. The most numerous, active and prosperous subculture in the world is political and the business community. The predominant majority speak their versions of native English, whether British or American, global English or lingua franca spoken by non-native speakers of English is the predominant language in that world. Global English vocabulary is continuously growing. In every country, in any political or business sphere, speakers of English add their diverse culture to the global language with their neologisms, jargon, or slang from their cultural, social and ethnic realities. Hip Hop, Jumbo Jets, computer software are examples.

All members of the British Parliament maintain the tradition of addressing each other only by way of the speaker at the House of Commons in a very high-style eloquent way following **official communication standards**: "Honorable friend from Winchester," "Dear Winchester representative," "Dear Gentleman/Lady," etc. They never use surnames, even if they have known each other for years, or involved in heated debates. However, when they leave the Chambers, their manners become informal, and they address each other by first names.

British people also respect the personal space of other people and their privacy. The notion of privacy means a lot in this country. For example, two strangers in a London pub may have a small talk for the entire evening. Before they part, they may introduce themselves and exchange names, or contacts — only if they wish to. It is a very British tradition: 'to keep distance', which literally means protecting one's privacy. People engaged in conversation keep 'safe' personal/private distance: keeping an arm's length distance between them. Staying at a closer distance is regarded as uncomfortable.

Nowadays, the British social etiquette is more informal; however, **conservative business etiquette** is common for such spheres as politics, finance, investments, administrative and professional services. Good manners, formal darker suits, shirts and ties are traditional aspects for those industries, where people often contact each other by surnames and appropriate titles until they are invited to quit formalities and friendly use the first names. People from the British film industry

or mass-media make a different impression: They have the same sense of dignity, but they can't afford time on formalities. They use the first names right away after an initial introduction and handshake.

Americans avoid formalities, except in the military. But in England, the US and the rest of the world, they keep to **business etiquette in written communication**. For example, they start emails or letters with "Dear Sir" and end with "Best regards" or "Sincerely."

For **verbal communication**, it is always vital to plan negotiations in detail. It is good to know the mindset of the other person to deal with. For example, some Americans demonstrate their business-like manner and start negotiations right away with "So, what's the deal? Let's get down to business". Their British counterparts, on the other hand, would strike up an informal conversation, a so-called **small talk**: they discuss the weather, sports, etc. Interestingly, it is taken as a ritual greeting from the host aimed to help the guest overcome natural discomfort prior to **business talk**, a sort of polite conversation-starter to 'warm-up'. What is not acceptable in Britain is to discuss private matters like health problems, people's background, age, religion, marital, gender or financial status, political preferences, sexist or racist issues.

In the Arab world, small talk lasts a long time with mandatory coffee and sweets. Guests are supposed to show courtesy to the host as they express their delight of the treat. Both parties ask each other only general questions about health and success in business. The host is delighted when someone asks him about the health and prosperity of his eldest son.

However, the highlight of the small talk could be a question about the eldest son, if the guest articulates his name unofficially precisely the same way as the father calls him. On the other hand, it is not polite to inquire about the health of women or daughters in his family: this may hinder business relationships. Arab and British people are quite good at hiding their thoughts and emotions behind '**a poker face**.' Sometimes when a politician feels exasperated in the midst of the heated debate, he would calmly get up, to stretch muscles and announce a coffee break.

Sometimes negotiations with business people from Japan and South Korea can be complicated for newcomers. Imagine a delegation exchanging remarks in their language and avoiding eye-contact. Rather than directly respond to a business proposal, they remain silent instead or reply in a courteous vague manner: in their culture, it is impolite to refuse. It often leaves Western negotiators bewildered. In fact, to save time a British person would say politely: "I'm afraid this is not

feasible / It doesn't work for me" and US businessmen could react briskly: "I don't buy it!"

One of the most memorable episode of aggressive communication took place during the Cannes Film Festival in 1996. I visited Miramax office with my British editor-in-chief of the London-based Moving Pictures magazine. He offered a discount deal to the well-known producer Harvey Weinstein to promote his new film before the festival premiere. Weinstein instantly made a counter-proposal: "Okay! I agree, only if you pay me for this ad." My friend gasped at such impudence and turned to leave. Weinstein snapped: "What? Don't you see? — I am Weinstein, not someone else, and my film is a masterpiece that will go down in history!"

Curiously, his professional instinct of producer has not let him down: a few months later, his magnificent love story "The English Patient" won nine Oscars and two Golden Globes. But such impudent manners hopelessly ruined his career: 20 years later Weinstein was in the top-list of Hollywood sexual harassment scandals and was recently sentenced to 23 years in prison.

Moreover, these scandals sent ripples across the US and Western Europe and, most importantly, they have changed some etiquette norms in business and social life. Nowadays, prolonged eye contact between men and women is not welcomed during business negotiations. Gentlemen prefer to keep a safe distance from ladies in a crowded elevator or on public transportation².

A friendly touch of a female employee may ruin the career of a boss. And the best is yet to come...

At first glance, the typical American style of 'aggressive' salesman looks quite impressive: US negotiators speak loudly and assertively with business acumen, strong determination with no complexes. They enjoy arguing the right to the brink of business etiquette. They typically wear a dark suit and bright red tie, like a red flag (muletta — in Spanish, which mesmerizes a bull) — to attract attention. At the same time, Americans may surprise you: they might interrupt the conversation to proudly show photos of his wife, children, home and cars in the garage.

Sometimes Americans would banter British aristocratic restraint and conservatism, their speech and dressing manners. But they also admit that 'these guys from old British school play hardball.' In fact, British business people are quite strong competitors at the negotiating table: they have accurate analytical information and forecasts. They also outsmart the other party with their ability to turn the conversation into

an erudite discussion and skills of reading non-verbal communication and body language.

Japanese negotiators are famous for super-punctuality; they are disciplined and diligent. One of the most popular Japanese sayings is "Work is the first priority (Shigoto wa daichi des)." It is the only country in the world, which has official statistics for the death of overwork ('karosi') at a workplace. Therefore, it never happens that someone from a Japanese delegation is late for a meeting, or has forgotten his business cards or negotiation documents. Japanese businesspeople are well-known for their passion for building their working process in harmony like ikebana. It is why they often delay negotiations by paying attention to the smallest details of the agenda. Not surprisingly, Europeans find this painful workstyle excessively methodical. However, exceptional Japanese courtesy may make the negotiation process more exotic. Germans business people are very much like Japanese: they are also extremely punctual. They are pragmatic about their dress code: they prefer conservative suits, shirts and ties. They are well-disciplined, strictly follow the rules and regulations. German subordination means that emails or messages, as well as plans to arrange a meeting, should be strictly forwarded only to the top-level decision-maker. Notably, if a German counterpart officially agrees and shakes hands, he has accepted the deal, and the decision will not be changed. Reaching for high standards, they organize their working process in perfect '**Ordnung**' (**order**). German protocol specifies topics of discussion in detail the next morning after negotiation. So, it is essential to take notes as well for comparison.

OVERTURE TO NEGOTIATIONS

SCENARIO # 1: Email, Social Media. Informative, laconic and easy to read emails work well if they are directly addressed and have a touch of formality. One can not expect a prompt reply, but it is the most effective way to arrange a meeting. The other party will see the reason and agenda of the meeting, more background information in the attached file(s) and will have time to prepare.

Check their email address on the company's website for the field ("To"). Use ("BCC") to forward this message to other recipient(s), so that the main recipient is unaware of it. Briefly indicate the reason for the meeting — maximum 5–6 words in the subject line field ("Subject").

Check the spelling of the recipient's full name for a formal greeting: "Dear Mr / Ms / Mrs Owen." Do not confuse Mrs (to a married woman) with Ms (unmarried), and if the marital status of the recipient is unknown, it is

² British Culture and Social Norms. URL: <https://www.studying-in-uk.org/british-culture-and-social-norms/>.

better to use Ms Owen in your business correspondence. If the recipient has a degree, it is better to write Dear Dr / Prof. Owen. If it is difficult to find out the recipient's surname, just use "To Whom It May Concern", or a less formal greeting: "Dear Sir / Madam". Greetings "Hello" / "Greetings" / "Hi" in this email are too informal.

The first paragraph presents a brief introduction, e.g.: "My name is Igor Petrov, and I work in financing at ... in Moscow, Russia." Next paragraph informs on the goal of this email: the reason for the meeting, the Agenda — maximum 5–6 sentences. Make sure, all additional information is attached and separately mentioned at the end of the email: "Please, find enclosed...", "Attached you will find..."

Even if you are short of time and the situation is complex and controversial, use polite informal message: "I look forward to your reply / to hearing from you", or "Waiting for your reply", or "I look forward to meeting you at your earliest convenience" followed up by a mandatory ending: "Best regards", or "Sincerely" with your full name, position, company, contacts etc.

Proofread email carefully for grammar, punctuation and typo mistakes before you send it. Avoid common acronyms in formal messages, like FYI ("For your information,") BTW ("By the way"), IMHO ("In my humble/honest opinion"), TBD ("to be determined later"), or TBA ("to be announced later"), as well as informal humour, emoticons and smiley faces. Also, it is important to remember that exclamation marks or all capital letters is taken as a loud message and can cause an adverse reaction.

Social media is a highly effective tool for interactive networking and targeted communication with people via the Internet. One can post a cell phone message/video, publish projects and reach the target audience via Facebook, Twitter, Instagram, or professional sites like LinkedIn etc. One can also post pages, blogs, podcasts, websites or platforms etc. It is a particular topic to be discussed separately.

SCENARIO # 2: Phone call to the company.

The receptionist answers your call: "Thank you for calling, TCV Company, Maria speaking". A standard reply is: "Hello, this is Igor Petrov from WICT based in Moscow". The introduction should be brief and precise: name, position, company, city of the head office and country, the spelling of the full name and mobile number. Check if the receptionist jots it down correctly. Then explain the reason for the visit, the agenda of the meeting.

You might ask: "May I please speak with someone in your office?" The receptionist will ask, "What is this about?" You need to explain very briefly what you are

calling about. It does not hurt to find out the name of the receptionist and thank her for the assistance: if the information is lost, it is good to have her name for reference.

The receptionist may ask to send all this information by email. Jot down her full name and email address, and then "Thank you. Please, text me a message/ or call me to acknowledge that you have received my email and, especially if you have any news about my meeting with Mr Owen".

SCENARIO # 3: Phone call — answering machine/ beeper. After the greeting, dictate and spell your full name clearly and slowly, position, company, city of head office and country. Explain the purpose of the requested visit, agenda of the negotiation, possible time for the meeting, your phone number, email and name of the hotel where you stay. If no one calls back, repeat a short message for the answering machine a bit later: your full name, your company and the purpose of the visit.

If it is a big company, the answering machine offers options to connect to various departments with a push-button dial (beeper). When a receptionist replies, provide him/her with information. Wait till he/she connects you with a proper person, however, first of all, write down the full name of that person to speak and the extension number. It will save time to call again directly if the person's line is busy, or if only the answering machine responds.

THREE PHASES OF NEGOTIATION

Preparation starts with drawing up a business plan and strategy. Now that you are well-prepared, you enter the office to exchange handshakes, smiles, business cards and formal phrases like "Pleased to meet you." Small talk starts with a discussion of the weather, jetlag, etc. It is an excellent opportunity to take a closer look at the negotiation team in such informal circumstances.

Every corporation, branded company and call-centre publish scenarios "How to talk to customers," "How to engage in negotiations," etc. strictly for their receptionists and employees. These are detailed instructions, how to greet or transfer a customer to another chat or phone call, how to deal with angry people and how to tactfully let them know they are mistaken, etc. Every international company has 'seasoned wolves': pragmatic, smart and experienced professionals for negotiations. So, joking apart, be well-prepared to meet such interlocutors at the bargaining table.

Development: one-on-one/group negotiation. Exchange of courtesies is over. Who starts first?

Option 1: meeting face-to-face someone new. The safest way to start is to ask your vis-à-vis about his/

her experience in this business or this company. Most people always like to speak about themselves. That is why it is much better to listen and smile in a friendly manner than to resort to hard-sell tactics. And in fact, very often people get straight to the point to say what they need and later feel surprised that the negotiation has not worked well, especially, if these tactics run into a British stonewall of excessive politeness.

Notably, a vital aspect must be clarified before the start of negotiation: Is there a competent decision-maker, or head of the company at the bargaining table? It will save time: the other party may drag out the process — now and then they would need a time-out to agree and coordinate terms.

When the mutual presentation is over, articulate the purpose of your visit and suggest the agenda.

Option 2: meeting friendly people / old partners. When both parties know each other well, including strong and weak points, no one hastens negotiation process. At first, they recall some old good time memories, inquire about families, veteran employees, etc. Good-will communication helps to start a business talk smoothly. However, even if many aspects are well known to both parties, including rates, conditions, etc., there exist many rules, improvisations and tricks which may lead negotiation into an **unexpected deadlock**. Below is a list of recommendations to avoid it:

A well-developed strategy is always based on an effective scenario with knowledge of the following aspects, namely:

- (a) the most realistic prices, conditions and attractive terms
- (b) the best time frames for the execution of the contract
- (c) a set of legal and economic warranties and remedies
- (d) and, importantly, interests and preferences of both parties

(2) Take notes to keep a record of negotiation: this helps to correct and update the final documents (drafts should be developed before negotiations)

(3) Avoid making the first offer/conditions, wait till they do it

(4) Never agree to the first offer: it is always a modest minimum

(5) Avoid manipulation: it is nothing like open and sincere tactics, which is proved to be eventually effective and fruitful

(6) The other party should feel your intention is friendly and of mutual interest

(7) Do not give in to tricks, e.g. if they know, you are under time pressure, and they try to drag out ne-

gotiations, just say: “I like it here so much! I’m ready to spend my whole life here. I have unlimited time and budget for this trip...”

(8) Flexibility is very important; however, if someone ignores your principles, it is better to stop the negotiation and walk away

(9) Prepare alternatives in case if the negotiation is not very successful

(10) Prepare a few options of solutions, or concessions to build a relationship for long-term cooperation and new profitable deals

(11) If you succeed with “win-win deal”, don’t forget to congratulate and thank your vis-à-vis/new partner(s) for constructive negotiations and also mention, that you look forward to furthering collaboration in the future

(12) Never regret that you could have maximized the expected profit in bargaining; further collaboration based on respect is much more valuable.

A few more **efficient tips of tactics** based on psychology:

(1) Address the interlocutor by surname during the small talk.

(2) Start listening to your vis-à-vis in a very engaging way, reveal your interest (A) nodding, or (B) giving thumbs-up, or (C) with an understanding smile, or (D) encouraging comments like “right”, “sure” or “yes” etc.

(3) Repeat the interlocutor’s poses and gestures discreetly. Use positive body language to signal good-will confidence. It allows you to smoothly take the initiative as you follow up with: “As far as I understand you...”, “Correct me if I am wrong...” and then give your own arguments.

(4) Delicate and polite manners may be misinterpreted by tough negotiators (“seasoned wolves”) from the world of big corporations.

(5) Do not rush to use all trump cards at the table in one go. The best psychological effect will have the following tactics: strong arguments, then a regular one and finally, the most reliable trump card.

(6) If you casually mention competitors of your interlocutors, this may change the course of negotiations in your favour: they might suppose you may have reached more productive talks with those competitors.

(7) Focus on nonverbal cues of negotiators to detect hidden emotions. According to Allan and Barbara Pease, who published their best-selling *The Definite Book of Body Language*, eight (!) nonverbal cues would inevitably help to discover when people stretch the truth or lie [1].

Closure of Negotiation, informal events. Once the deal is inked, and all aspects are recorded in writing, nevertheless, professionals will thumb through their notes and scroll their computer files once again.

They cross-check that no clauses, no binding terms are missing [1].

In the meanwhile, the atmosphere in the company has changed, as if someone waved a magic wand: no stress, formalities are gone, people are friendly and have fun, subordinates are preparing a wrap-up corporate party. Coffee breaks, cocktails, or closing parties in the office often allow having a good feedback: for example, who plays a key role in the company. It's the right time to find new friends, share ideas with top managers or enjoy tête-à-têtes with their subordinates. To cultivate team spirit, camaraderie and collaboration, companies often invite all participants of negotiations to a farewell party or evening dinner. It is usually held at a posh restaurant in the USA or some private club in London famous for a Candle Light Dinner. In Japan, such events are often held in a Geisha House with traditional songs and music. The hosts invariably pay all the costs. German companies throw night parties in good restaurants too, however, sometimes guests are informed, that all of them are "Going Dutch" which means that everybody pays their bills. Punctuality and diligence are essential in the business world, whether it is formal or informal party, dinner, business lunch, an appointment for negotiation, or just a matter of diligence in response to a written invitation to an event that says "RSVP," — please respond immediately to the sender.

CONCLUDING REMARKS

Browsing through the global web, I was surprised to find dozens of reviews, analytic stories in the print media,

as well as a variety of blogs and public lectures about how to communicate successfully and sign excellent deals. Some of the best-selling US books of this kind were almost like Dale Carnegie's *How to Win Friends & Influence People*. Anyway, all the literature mentioned above and Internet-based information have only confirmed my points of view. No wonder: we all have a similar experience of negotiations.

However, I would only recommend to business or diplomacy professionals, students and common readers a very useful and informative non-fiction best-seller *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In* co-authored by Roger Fisher and William L. Ury (revised edition of *rh Business Books*, USA), or its subsequent reprints. Robert Fisher is a professor of law and William Ury is deputy director of the Negotiating Program at the Harvard Law School. Both of them are members of the Harvard Negotiation Project, an analytic think tank set up at the School to develop negotiation rules.

Focused on the psychology of negotiation, they've developed the **Principled negotiations** method for regulation of political conflicts with a flexible approach towards negotiating parties. It determines "amicably and efficiently" fixed and flexible aspects for negotiators so that they remain within the boundaries of decency. Their method was effectively administered during the US-Soviet summit talks on arms reduction and disarmament. They suggest **brainstorming** "to find a solution based on principle, not on pressure" and "concentrate on the merits of the problem, not the mettle of the parties. Be open to reason, but closed to threats" [2].

REFERENCES

1. Pease A., Pease B. *The Definite Book of Body Language* Pease International. URL: https://e-edu.nbu.bg/pluginfile.php/331752/mod_resource/content/0/Allan_and_Barbara_Pease_-_Body_Language_The_Definitive_Book.pdf
2. Fisher R., Ury W.L. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Revised edition of *rh Business Books*, USA. URL: https://books.google.ru/books?id=SgONZTjbqpgC&pg=PT68&dq=concentrate+on+the+merits+of+the+problem,+not+the+mettle+of+the+parties.+Be+open+to+reason,+but+closed+to+threats&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjVw87S_bjnAhWx6KYKHVePC9AQ6AEINzAB#v=onepage&q&f=false.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Александрович Зыков — преподаватель английского языка и культуры речи, Департамент языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
ez@russianfilm.biz

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Zykov — teacher of English language and speech culture, Department of Foreign Languages, Financial University, Moscow, Russia
ez@russianfilm.biz

Статья поступила 28.01.2020; принята к публикации 10.02.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 28.01.2020; accepted for publication on 10.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Особенности и риски функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в России

Е.С. Конищев^а, К.И. Неткачев^б^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия^а <https://orcid.org/0000-0001-9733-4821>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2161-1850>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается функционирование существующих территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в российских регионах. Авторы выделяют комплекс проблем и вызовов, связанных с особенностями деятельности резидентов ТОСЭР и их влиянием на региональную экономику. Рассматриваются также действующая нормативно-правовая база и сопутствующие ей механизмы, направленные на создание благоприятного инвестиционного климата, а также финансовые, социальные и демографические риски, связанные с особым экономическим статусом ТОСЭР. Отмечается, что одной из главных угроз успешному функционированию ТОСЭР является проблема сбыта готовой продукции ввиду удаленности предприятий от экономических центров государства. Авторы отдельно выделяют демографический и политический риски, связанные с привлечением низкоквалифицированной рабочей силы, что может привести к снижению уровня жизни населения регионов, где есть территории опережающего социально-экономического развития. В работе акцентируется внимание на том, что ключевыми резидентами ТОСЭР являются представители российского малого и среднего бизнеса. По мнению авторов статьи, большинства рисков, угрожающих функционированию ТОСЭР, можно избежать благодаря грамотному стратегическому планированию при выборе места создания особой территории, а также за счет привлечения иностранных инвесторов, которые обеспечат технологическое развитие средств производства.

Ключевые слова: ТОСЭР; экономическая политика; экономический рост; резидент; инвестиции; региональная экономика; риски

Для цитирования: Конищев Е.С., Неткачев К.И. Особенности и риски функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):112-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-112-117

Features and Risks of Functioning of TOSER in Russia

E.S. Konishchev^а, K.I. Netkachev^б^а. Financial University, Moscow, Russia^а <https://orcid.org/0000-0001-9733-4821>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2161-1850>

ABSTRACT

The article considers the functioning of existing TOSER (territories of advanced socio-economic development) in the Russian regions. The authors identified a set of problems and challenges related to the peculiarities of the activities of residents of TOSER and their impact on the regional economy. The current legal framework and its accompanying mechanisms aimed at creating a favourable investment climate, as well as financial, social and demographic risks associated with the special economic status of TOSER are considered. We noted that one of the main threats to the successful functioning of TOSER is the problem of selling finished products due to the remoteness of enterprises from the economic centres of the state. The authors separately highlight the demographic and political risks associated with attracting low-skilled labour, which can lead to a decrease in the standard of living of the population of regions where there are territories of advanced socio-economic

development. The paper focuses on the fact that the key residents of TOSER are representatives of Russian small and medium-sized businesses. According to the authors, most of the risks threatening the functioning of areas of advancing socio-economic development can be avoided through careful strategic planning when choosing a place to create a special territory, and by attracting foreign investors that will ensure the technological development of the means of production.

Keywords: TOSER; economic policy, economic growth; resident; investment; regional economy; risks

For citation: Konishchev E.S., Netkachev K.I. Features and risks of functioning of TOSER in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):112-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-112-117

Одной из главных экономических проблем современной России является региональное развитие. Отсутствие необходимой инфраструктуры и свободных средств остро ставит вопрос о создании особых условий для ускоренного экономического развития ряда регионов, имеющих внушительный экономический потенциал, который усилиями только российского рынка инвестиций реализовать в полной мере в ближайшее время не представляется возможным [1]. Кроме того, существующий технологический разрыв в промышленном секторе, а также в большинстве других секторов экономики ставит Россию в невыгодное положение в связи с ее интеграцией в мировую производственную систему, где успех реализации продукции во многом определяется конкурентоспособным промышленным производством, а также международными коммуникациями. Эта интеграция проходит на фоне сложных политических разногласий с ведущими развитыми странами и жесткого режима санкций, ограничивающего российские компании. При этом важнейшим вопросом остается привлечение иностранных и внутренних инвестиций, позволяющих за счет внебюджетных средств серьезно ускорить развитие того или иного субъекта Российской Федерации.

Одним из решений данного комплекса проблем представляется создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). ТОСЭР, согласно соответствующему Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее — закон № 473-ФЗ), — «часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим

осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»¹.

Стоит отметить, что ТОСЭР, в отличие от ОЭЗ (особой экономической зоны), не имеет направленности на продвижение исключительно российского производителя, а наоборот, обеспечивает иностранным компаниям упрощенный доступ на российский рынок. На территории опережающего развития основным актором является резидент — индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, осуществляющее свою деятельность только на ней.

В Российской Федерации ТОСЭР существуют на базе трех различных экономических субъектов: в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО), в моногородах и в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). В Правительстве Российской Федерации обсуждаются варианты создания ТОСЭР в Арктической зоне страны, на территории Крыма, а также в республиках Северного Кавказа. По состоянию на ноябрь 2019 г. в России насчитывается 100 ТОСЭР.

Дальневосточные ТОСЭР выделяются на фоне остальных своим особым положением в порядке формирования. В отличие от большинства иных территорий опережающего развития, ТОСЭР в ДФО имеют широкий профиль и довольно высокую мобильность. Так, например, в ТОР (Территория опережающего развития) «Южная» на юге Сахалина — большое количество развиваемых отраслей. В их числе — сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, научно-иссле-

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 27.12.2018). СПС КонсультантПлюс.

довательская деятельность, металлургическое и горнодобывающее производство, работы по очистке и распределению воды и ряд других видов деятельности, не укладывающихся в привычный для обычных ТОСЭР довольно узкий профиль проводимых работ.

ТОСЭР на базе моногородов являются наиболее распространенным видом территорий опережающего развития. Согласно соответствующему Федеральному закону № 473-ФЗ², такие экономические субъекты создаются на базе монопрофильных муниципальных образований, осуществляющих определенную экономическую деятельность.

В большинстве ТОСЭР резиденты практически не контактируют с государственными органами при регистрации — все административные функции в данном случае переданы управляющим компаниям, которые заключают с резидентом договор об осуществлении деятельности на ТОСЭР³, а потом сами предоставляют административной власти необходимую информацию. При этом предоставление участков и прочих ресурсов территории осуществляется согласно договору, форма которого прописана в статье 14⁴ закона № 473-ФЗ, и производится от имени управляющей компании, а не от лица государственных органов.

Главной целью территорий опережающего развития является попытка «разгрузить» бюджет путем привлечения иностранных инвестиций для отдельных территориальных образований. Согласно содержанию принимаемых актов, а также целям проводимых реформ, для инвестора должны создаваться наиболее комфортные условия путем упрощения налоговой и таможенной политики. Данные требования начинают реализовываться: об этом можно судить по активности иностранных инвесторов. К примеру, китайские инвестиции в дальневосточные ТОСЭР уже в 2017 г. превысили сумму 130 млрд руб.

Условия налоговой политики также отличаются от тех, которые предоставляются на остальной территории России. Для более динамичного развития предприятий территории предпри-

нимаются меры по облегчению налогового режима. Так, на примере ТОСЭР «Надвоицы» в Карелии видно, что налог на прибыль внутри ТОСЭР составит 0%, а отчисления в Пенсионный фонд — 6%, что дает преимущества резидентам по сравнению с предпринимателями, ведущими деятельность без льгот.

Такие условия могут серьезно повлиять на ход развития региона и вектор его экономического роста. Направленность на иностранные инвестиции, режим упрощенной торговли и производства — все это ставит более слабого российского производителя под угрозу поглощения сильными зарубежными игроками [2]. Отсюда исходит основная волна недоверия со стороны отечественных производителей и отраслевых конгломератов к политике создания ТОСЭР. Поэтому в первую очередь необходимо обозначить риски для резидентов ТОСЭР и регионов, на базе которых они создаются [3].

Первостепенные риски затрагивают финансовые категории: предоставляемые резидентам ТОСЭР преференции в виде льгот по налогу на прибыль и на имущественные налоги составляют сумму доходов, которая «выпадает» из бюджета. Этот эффект типичен для любого инвестиционного проекта, он возникает исключительно в перспективе и не может быть безотлагательным, поэтому необходимо создать эффективный механизм для компенсации выпадающих доходов из регионального бюджета [3]. На данный момент единственным компенсационным механизмом потери доходов бюджета может стать увеличение поступлений от НДФЛ, но для работы механизма необходимы устойчивые темпы роста занятости и доходов населения.

Ко второй группе рисков относятся проблемы реализации готовой продукции в условиях развития бизнеса резидентов, которые порождают необходимость экспортной ориентации в силу слабого платежеспособного спроса потребителя и насыщения местного рынка продукцией за счет роста объема производства.

Третьей категорией рисков является возможное отсутствие роста в секторе малого и среднего бизнеса. Для большинства случаев условия «входа» в ТОСЭР, например для Северного морского пути, за пределами [2]. Это касается в первую очередь требования ежегодного (в течение 10 лет) инвестирования в объеме 5 млн руб., что не представляется возможным для большинства предприятий малого и среднего бизнеса.

² О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 27.12.2018). СПС КонсультантПлюс. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

Также существует риск, связанный с проблемами обеспечения оптимальных условий и гарантий для населения. Основной задачей сегодня наряду с привлечением инвестиций считается именно обеспечение населения работой [4]. При этом следует понимать, что большинство ТОСЭР предполагают свободное использование низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работников из-за рубежа. Это актуально для территорий опережающего развития на Дальнем Востоке и негативно сказывается на миграционной обстановке, в перспективе угрожая сохранению территориальной целостности Российской Федерации [5].

Помимо экономических рисков, следует выделить и социально-политические угрозы. Создание ТОСЭР предполагает необходимость привлечения инвестиций для развития инфраструктуры, — районы, в которых расположены ТОСЭР, не отличаются густонаселенностью [6]. Исходя из текущей демографической политики, привлечение большого количества низкоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа может серьезно ударить по общему уровню жизни региона, что приведет к снижению рождаемости. Также стоит отметить политический аспект: ТОСЭР нередко расположены в местах добычи экономически важных ресурсов, что порождает проблему контроля за деятельностью иностранных компаний [7]. Это особенно актуально для ТОСЭР, расположенных в закрытых административно-территориальных образованиях, где функционируют промышленные предприятия, работающие в особом режиме безопасности и охраны государственной тайны.

Для выявления степени практической угрозы, связанной с представленными выше рисками, стоит провести анализ деятельности функционирующих на данный момент ТОСЭР. Большинство территорий опережающего социально-экономического развития созданы в ДФО, регионы которого считаются депрессивными [8]. С 2015 г. Правительство РФ одобрило создание ТОСЭР в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также Надеждинской ТОСЭР в Приморском крае. Развитие экономических зон с 2016 г. продолжилось уже на Сахалине — «Южное» (производство продуктов питания) и «Горный воздух» (туризм). Особенностью ТОСЭР на Дальнем Востоке является то, что ключевыми иностранными инвесторами выступают китайские и японские

корпорации. Одна из крупнейших ТОСЭР находится в Благовещенске и Суйфэньхэ (Китай) для развития торговли на этом участке российско-китайской приграничной зоны.

Курильская ТОСЭР базируется на развитии рыбной промышленности. Другие отрасли промышленности на Курилах — это строительство горно-перерабатывающих комбинатов на острове Уруп [9]. Третья отрасль — туризм: развитие бальнеологических курортов на Кунашире и Итурупе.

В моногородах первые ТОСЭР были образованы в Юрге и Анжеро-Судженске в Кемеровской области. С географической точки зрения на выбор этого места оказали влияние компактность расположения городов, близость к Новосибирску и Томску, а также к военному полигону (крупнейшему в Западной Сибири потенциальному потребителю товаров и услуг, произведенных в Юргинской ТОСЭР).

С демографической точки зрения Юрга была выбрана в связи с положительным приростом населения в последние годы, а наличие более 15 высших учебных заведений различной направленности дает возможность готовить кадры для строящихся предприятий [10]. Основные секторы инвестиций — деревообрабатывающая промышленность и целлюлозно-бумажное производство.

В начале февраля 2019 г. ТОСЭР в Набережных Челнах первой в России выполнила план по привлечению резидентов. Это крупный город с населением более 520 тыс. человек. Набережночелнинская ТОСЭР должна диверсифицировать экономику моногорода почти на 19% (<http://i-regions.org/images/files/presentations/Tatarstan.pdf>). За 3 года работы территории было привлечено 15 млрд руб. (инвестиции) и создано 3400 рабочих мест (<https://www.tatar-inform.ru/news/2019/02/07/641629>). Всего на данной ТОСЭР создано 44 предприятия, из которых 18 начали работать в 2018 г. Это свидетельствует о бурном развитии ТОСЭР в Набережных Челнах. Основными работодателями стали российские филиалы китайской компании «Хайер». Также следует отметить развитие Набережночелнинского трубного завода и АО «Изоляционный трубный завод».

Деятельность ТОСЭР в России оценивается положительно: по данным Минвостокразвития, в ДФО было запущено более 236 проектов (общая сумма инвестиций в которые составила

440 млрд руб.), создавших около 30 тыс. рабочих мест, несмотря на множество рисков, связанных с образованием таких экономических зон. Территории опережающего развития значительно продвигают модернизацию региональной инфраструктуры, создают рабочие места и привлекают иностранные инвестиции, необходимые российской экономике, что делает их ценным инструментом современной экономической политики.

Из всего вышесказанного следует, что на данный момент ТОСЭР успешно выполняют свою основную функцию — привлечение инвестиций и развитие региональной инфраструктуры. В настоящий момент перечисленные риски являются лишь потенциальными, но требуют к себе постоянного внимания и дальнейшего изучения. Несмотря на серьезную угрозу преобладания иностранных компаний на таких территориях, именно российские производители на данный момент представляют большую часть резидентов.

Территории опережающего социально-экономического развития на сегодняшний день продемонстрировали свою высокую эффективность как средство привлечения внебюджетных средств для развития отдельных регионов. Такой

формат позволяет активнее интегрировать российскую экономику во всемирную экономическую систему за счет привлечения инвестиций и технологий из-за рубежа.

Также ТОСЭР можно рассматривать как платформу для разработки государственной политики по развитию малого и среднего бизнеса на региональном уровне и площадку для апробирования новых налоговых систем и экономических изменений. А применение системного подхода к деятельности малого бизнеса в рамках ТОСЭР ускорит его развитие.

Территории опережающего развития как административно-экономические единицы имеют широкие перспективы. Система привлечения инвестиций и оптимизация за их счет региональной инфраструктуры работают, но весь потенциал полностью не раскрыт, на что следует обратить внимание и активизировать работу по повышению эффективности работы ТОСЭР, не забывая про риски, которые в настоящий момент не проявляются в той мере, в которой могли бы негативно повлиять на социально-экономическую ситуацию в регионах, однако по мере роста и развития ТОСЭР могут стать настоящей проблемой как для отдельных субъектов Федерации, так и для всей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андриченко О. В., Старкова Ю. А. Государственно-частное партнерство как инструмент создания территорий опережающего социально-экономического развития. Государственное и муниципальное управление. *Ученые записки СКАГС*. 2019;(1):253–258.
2. Степанов К. И., Орлов С. Л. Новая парадигма в национальной системе управления: формирование территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе. *Проблемы современной экономики*. 2015;1(53):203–204.
3. Арзуманян М. А., Ларина О. И., Морыженкова Н. В. Типология рисков территорий опережающего развития. *Управление*. 2018;2(20):14–18.
4. Ананичева Е. П., Киевская Е. С. Территория опережающего развития как фактор инвестиционной привлекательности и ускоренного развития экономики для улучшения жизни населения. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2019;(4):7–8.
5. Ковальчук О. В. Проблемы и перспективы реализации новой модели социально-экономического развития макрорегиона на территории российского Дальнего Востока. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019;2(27):165–169.
6. Мякишева Е. А., Руденко М. Н. Об организационно-экономическом содержании категории «территория опережающего социально-экономического развития». М.: Научное обозрение; 2015.
7. Евсеев В. О., Корнилович В. А., Казанов Е. В. Территории опережающего развития как объект государственного планирования. *Уровень жизни населения регионов России*. 2016;2(200):70–82.
8. Строев П. В., Власюк Л. И. Долговая нагрузка регионов и региональная политика. *Финансы: теория и практика*. 2017;5(101):90–99.
9. Фаттахов Р. В., Строев П. В. Пространственное развитие России: вызовы современности и формирование точек экономического роста. В сб.: В поисках утраченного роста. Сб. научн. статей II Международного форума Финансового университета. М.: Финансовый университет; 2016.

10. Чернышева Т.К. Реализация концепции e-Government в условиях перехода к цифровой экономике в Российской Федерации. *Научные записки молодых исследователей*. 2018;(2);70–76.

REFERENCES

1. Andrichenko O.V., Starkova Yu.A. Public-private partnership as a tool for creating territories of advanced socio-economic development. State and municipal administration. *Uchenye zapiski SKAGS*. 2019;(1):253–258. (In Russ.).
2. Stepanov K.I., Orlov S.L. A new paradigm in the national management system: the formation of territories of advanced development in the far Eastern Federal district. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2015;1(53):203–204. (In Russ.).
3. Arzumanyan M. A., Larina O. I., Moryzhenkova N. V. Types of risks of the priority development areas. *Upravlenie*. 2018;2(20):14–18. (In Russ.).
4. Ananicheva E. P., Kievskaya E. S. Territory of advanced development as a factor of investment attractiveness and accelerated economic development for improving the life of the population. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal*. 2019;(4):7–8. (In Russ.).
5. Kovalchuk O. V. Problems and prospects of implementing a new model of socio-economic development of the macroregion on the territory of the Russian Far East. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 2019;2(27):165–169. (In Russ.).
6. Myakisheva E. A., Rudenko M. N. On the organizational and economic content of the category “territory of advanced socio-economic development”. Moscow: Nauchnoe obozrenie; 2015. (In Russ.).
7. Evseev V. O., Kornilovich V. A., Kazanov E. V. Territories of advanced development as an object of state planning. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2016;2(200):70–82. (In Russ.).
8. Stroev P. V., Vlasyuk L. I. Debt burden of regions and regional policy. *Finansy: teoriya i praktika*. 2017;5(101):90–99. (In Russ.).
9. Fattakhov R. V., Stroev P. V. Spatial development of Russia: challenges of modernity and formation of points of economic growth. In: In search of lost growth. Proceedings of the II International Forum of the Financial University. Moscow: Financial University; 2016. (In Russ.).
10. Chernysheva T. K. Implementation of the e-Government concept in the conditions of transition to the digital economy in the Russian Federation. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*. 2018;(2);70–76. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Сергеевич Конищев — студент 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
starinatarrick@gmail.com

Кирилл Иванович Неткачев — студент 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
belkir1998@icloud.com

ABOUT THE AUTHORS

Eugeny S. Konishchev — 4-year student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
starinatarrick@gmail.com

Kirill I. Netkachev — 4-year student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
belkir1998@icloud.com

Статья поступила 10.01.2020; принята к публикации 10.02.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.01.2020; accepted for publication on 10.02.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-118-121
УДК 339.564.4(045)

Транзит российского газа через Украину: экономическая целесообразность и геополитические противоречия

Е.А. Литвиненко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6930-3251>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу основных экономических и геополитических факторов, повлиявших на условия подписания нового контракта «Газпрома» и «Нафтогаза» в 2019 г. В ней рассматриваются важнейшие аспекты проблемы транзита газа через Украину, его значение и последствия для дальнейшего развития современных международных отношений в сфере энергетики между Россией, Украиной и Евросоюзом. Автор отмечает, что строительство таких газопроводов, как «Северный поток – 2» и «Турецкий поток», существенно снижает роль Украины как страны-транзитера. При этом заинтересованность стран Западной Европы в реализации проекта «Северный поток – 2» сталкивается с противодействием строительству газопровода со стороны ряда государств. В статье акцентируется внимание на влиянии США на сферу энергетического сотрудничества России и Евросоюза. Автор делает вывод, что украинский транзит стал геополитическим инструментом давления США и Брюсселя на Россию. Формулируются основные сценарии развития российско-украинских отношений в вопросе прямых поставок российского газа на Украину.

Ключевые слова: «Газпром»; «Нафтогаз»; Украина; транзит; «Северный поток – 2»; Nord Stream-2; третий энергопакет; газопровод

Для цитирования: Литвиненко Е.А. Транзит российского газа через Украину: экономическая целесообразность и геополитические противоречия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):118-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-118-121

ORIGINAL PAPER

Russian Gas Transit through Ukraine: Economic Feasibility and Geopolitical Contradictions

E.A. Litvinenko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6930-3251>

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the main economic and geopolitical factors that influenced the conditions for signing a new contract between Gazprom and Naftogaz. The author considered the most important aspects of the problem of gas transit through Ukraine, its significance and consequences for the further development of modern international relations in the energy sector between the Russia, Ukraine and the European Union. The author especially noted that the construction of such pipelines as Nord Stream – 2 and Turkish Stream significantly reduces the role of Ukraine as a transit country. Moreover, the interest of Western European countries in the implementation of the Nord Stream – 2 project is faced with opposition to the construction of the gas pipeline from several states. The author paid much attention to the influence of the United States on the sphere of energy cooperation between Russia and the European Union. The author concludes that Ukrainian transit has become a geopolitical tool for pressure from the USA and Brussels on Russia. Finally, the author shows the main scenarios of the development of Russian-Ukrainian relations in the matter of direct deliveries of Russian gas to Ukraine.

Keywords: Gazprom; Naftogaz; Ukraine; transit; Nord Stream-1; Nord Stream – 2; third energy package; gas pipeline

For citation: Litvinenko E.A. Russian gas transit through Ukraine: Economic feasibility and geopolitical contradictions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):118-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-118-121

30 декабря 2019 г. «Газпром» и «Нафтогаз» заключили мировое соглашение и подписали новый контракт на транзит газа в Европу. По условиям этого контракта «Газпром» должен прокачать через Украину минимум 225 млрд куб. м газа в 2020–2024 гг., из них 65 млрд куб. м — в 2020 г. и по 40 млрд куб. м ежегодно в последующие годы.

При этом обеим сторонам пришлось пойти на значительные уступки. Изначально «Газпром» отказывался платить по решениям Стокгольмского арбитража, а «Нафтогаз» требовал долгосрочный 10-летний контракт на прокачку 60 млрд куб. м газа по принципу «качай или плати».

Однако российской компании, которая планирует в 2020 г. все же запустить «Северный поток — 2», большие объемы поставок топлива в Европу через Украину не нужны. Во-первых, 8 января 2020 г. был запущен «Турецкий поток» с объемом прокачки 31,5 млрд куб. м. Во-вторых, строительство «Северного потока-2», объемом 55 млрд куб. м, практически завершено и его запуск планируется в 2020 г. Суммарно объем двух потоков равен объему транзита газа через Украину за 2018 г. (86,5 куб. м). Даже если учитывать непредсказуемые климатические факторы, «Газпром» к началу 2020 г. на 100% заполнил все европейские хранилища. Поэтому необходимости в контракте на условиях, предлагаемых «Нафтогазом», нет.

«Газпром» предлагал и альтернативное решение сложившейся ситуации: переход Украины на европейские правила регулирования своей газотранспортной системы (ГТС). Вопреки сложившемуся мнению, что российская сторона является противником данной процедуры, «Газпром» активно выступает за то, чтобы Украина имплементировала в свое законодательство «Третий энергетический пакет». В результате имплементации должен произойти так называемый unbundling «Нафтогаза»: разделение компании по видам деятельности — транспортировка, хранение, добыча и продажа газа. Сейчас почти все эти функции выполняет «Нафтогаз», но уже создана независимая ОАО «Магистральные газопроводы Украины», которая будет новым оператором украинской ГТС. Применение правил предполагает, что «Нафтогаз» полностью убирается из цепочки этой многоуровневой системы, а «Газпром» напрямую заключает договор с оператором ГТС (<https://ec.europa.eu/energy/en/topics/markets-and-consumers/market-legislation/>

third-energy-package). Но Украина сознательно задержала применение этих правил, поскольку это бы означало, что долгосрочный договор становится не нужен: каждый год украинская компания выставляла бы для бронирования мощности ГТС на аукцион, а «Газпром» выкупал бы только необходимый объем. Введение в эксплуатацию «Северного потока — 2» приведет к постепенному сокращению объемов транзита через Украину, хотя полностью отказаться от него при сохранении спроса на европейском рынке на российский газ все-таки невозможно. Новый же договор позволяет хотя бы на 5 лет гарантировать Украине стабильное пополнение бюджета и стабильную работу ГТС.

И если мотивы Украины понятны, то каковы причины, по которым «Газпром» заключил контракт на таких условиях? В первую очередь, это связано с осложнившимся строительством «Северного потока — 2». Исключительно экономический проект, реализуемый, исходя из прогнозируемого спроса на российский газ в ЕС, в СМИ и общественно-политических кругах ряда западных стран называют «политическим оружием» (<https://www.europa-verlag.com/Buecher/6516/GierGasundGeld.html>).

В Евросоюзе существуют разногласия по поводу строительства «Северного потока — 2», а именно между небольшой группой восточноевропейских государств во главе с Польшей, которые являются противниками этого проекта, и государствами, целью которых является сокращение стоимости газа (ФРГ, Австрия, Франция и пр.). Позиция Польши в данном вопросе определяется чисто прагматическими мотивами: польское правительство небезосновательно опасается, что поток дешевого газа сделает нерентабельным строительство терминала сжиженного природного газа (СПГ) в Свиноуйсьце и газопровода Baltic Pipe, который должен обеспечить Польше доступ к норвежскому газу. Проблема заключается и в том, что маршруты «Северного потока — 2» и Baltic Pipe пересекаются.

Не сумев повлиять на строительство «Северного потока» и «Северного потока — 2», Польша все-таки сумела ограничить поставки российского газа: суд ЕС по иску польской компании PGNiG ограничил права «Газпрома» на использование газопровода OPAL, проходящего по территории Германии и Чехии, заблокировав половину его мощности. OPAL, как известно, соединяет Грайфсвальд, т.е. точку входа «Северного потока»

и в будущем «Северного потока — 2», с потребителями. В результате Россия была вынуждена увеличить транзит газа через Украину, что воспринималось последней как тактическая победа. По мнению украинского руководства, такое решение подтверждает, что Европейский союз выступает на стороне Украины и также склоняет Россию к долгосрочному контракту.

Противником строительства «Северного потока — 2» выступают и США. Один из доводов руководства США сводится к тому, что российский контроль над европейскими трубопроводами, трубопроводный маркетинг России и низкий уровень цен на газ в ЕС могут препятствовать поставкам американского СПГ в ЕС в будущем. Этот фактор можно назвать основным, так как поставки американского СПГ значительно дороже российских энергоносителей [1].

Геополитическая цель трубопровода «Северного потока — 2», по мнению США и их союзников, состоит в том, чтобы транспортировать и продавать российский газ Западу, минуя трубопроводную систему Украины. Это станет серьезным ударом по украинской экономике, а следовательно, и по политической стабильности. Эту идею активно развивают и украинские власти. Экспрезидент Украины П. Порошенко неоднократно говорил, что строительство «Северного потока — 2» — это исключительно геополитический проект России, который не имеет ничего общего с экономическими и частными интересами, а лишь стремится подорвать единство Европы, чтобы в конце концов его уничтожить [2].

Россия же никогда полностью не отказывалась от транзита через украинскую ГТС, но, очевидно, что в прежних объемах функционирование газопровода уже невозможно, поскольку он не может конкурировать с новыми морскими транспортными путями. Тем не менее, украинский транзит стал геополитическим инструментом давления США и Брюсселя на Россию, которая вынуждена повышать объемы транзита через Украину, тем самым снижая окупаемость и эффективность других газопроводов [3].

На некоторые уступки «Газпром» подтолкнули и события, произошедшие накануне переговоров России и Украины. 20 декабря 2019 г. Дональд Трамп подписал оборонный бюджет на 2020 г., который предусматривает санкции против «Северного потока — 2» и «Турецкого потока». В частности, под действие санкции попала швейцарская компания Allseas, которая

занимается укладкой трубопровода «Северного потока — 2». В результате, компания вывела свои суда из зоны строительства в Балтийском море, остановив укладку труб, а окончание строительства теперь отодвинуто на неопределенный срок (<https://www.kommersant.ru/doc/4214039>).

Эти события стали решающими в вопросе условий транзита российского газа через Украину. «Газпром» перестраховался и заключил новый среднесрочный контракт с «Нафтогазом», чтобы не допустить сбоя в поставках в Европу, особенно после кризиса 2009 г. Ко всему прочему, российская сторона выполнила решение Стокгольмского арбитража и выплатила 2,9 млрд долл. Киев, в свою очередь, отказался взыскивать с «Газпрома» около 7 млрд долл., которые, по мнению Антимонопольного комитета Украины, российская компания должна была заплатить за нарушение контракта с «Нафтогазом» из-за сокращения транзита газа. «Нафтогаз» также обязался отозвать новый иск к «Газпрому» на 12,2 млрд долл. и на 1,33 млрд куб. м (без денежной оценки), поданный в Стокгольмский арбитраж только в ноябре 2019 г. (<https://interfax.com.ua/news/political/631938.html>).

Но какими бы ни были уступки, контракт нужен и Москве, и Киеву, и Брюсселю: России необходимо поставлять в Европу газ, пока не построен «Северный поток — 2», а украинская ГТС завязана на транзите с востока.

Прямые же поставки российского газа на Украину, приостановленные в ноябре 2015 г., не являются частью мирового соглашения. Поэтому актуальным остается вопрос, как сама Украина будет обеспечивать себя газом.

Сценариев развития несколько. Во-первых, не исключено, что Украина будет продолжать вести политику П. Порошенко, предусматривающую отказ от потребления российского газа. Украина с 2015 г. потребляет так называемый «реверсный газ» из Европы, который по факту является газом российского происхождения. В действительности же никакого реверса не существует, а есть так называемый «виртуальный реверс» [4]. Газ потребляется в обычном режиме, а на границе Украины и Словакии прогоняется по кольцевой трубе, благодаря чему «накручиваются» показатели и создается видимость транзита. При этом «Газпром», несмотря на это, оплачивает все расходы, но настаивает на том, чтобы заключить прямой договор, при котором поставки газа на

Украину обошли бы даже дешевле. Если же Украина будет действительно брать газ в Европе, то транспортировка его на восток страны создаст колоссальные риски, особенно в зимний период, поскольку украинская ГТС изначально не предназначена для данных целей [5].

Второй сценарий — покупка СПГ у Польши или США. Этот вариант представляется маловероятным, поскольку это экономически невыгодно

и дорого, и может повлечь за собой не только экономический, но и политический кризис на Украине, особенно в случае резкого повышения цен на газ для населения.

И третий сценарий — достижение консенсуса между Россией и Украиной. Новое соглашение показало, что стороны готовы идти на компромисс, а Украина уже не исключает возможности прямых поставок из России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жизнин С.З., Тимохов В.М. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока — 2». Балтийский регион. 2019;11(3):25–42.
2. Poroshenko P.P. Nord Stream 2 füttert das Monster. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/poroschenko-nord-stream-2-fuettert-das-monster-15595394.html>.
3. Защита государственного суверенитета — опыт Евросоюза и европейских стран. Коллективная монография. В.Б. Белов, ред. М.: ИЕ РАН, Весь Мир; 2018. 204 с.
4. Мургаш Р. Реверс газа на Украину: суть проблемы и ее влияние на международные отношения в сфере энергетики. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017;4(55):272–288.
5. Симонов К. Европа в панике готовится к газовой войне. URL: <https://news.rambler.ru/ukraine/42730818-ekspert-po-energetike-konstantin-simonov-evropa-v-panike-gotovitsya-k-gazovoy-voyne>.

REFERENCES

1. Zhiznin S. Z. Timokhov V. M. Economic and geopolitical aspects of Nord Stream — 2. Baltic region. 2019;11(3):25–42. (In Russ.).
2. Poroshenko P.P. Nord Stream 2 feeds the monster. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/poroschenko-nord-stream-2-fuettert-das-monster-15595394.html>
3. Protection of state sovereignty — the experience of the European Union and European countries. Collective monograph. V.B. Belov, ed. Moscow: IE RAS; 2018. (In Russ.).
4. Murgash R. Reverse gas to Ukraine: the essence of the problem and its impact on international relations in the energy sector. *Bulletin of MGIMO-University*. 2017;4(55):272–288. (In Russ.).
5. Simonov K. Europe is preparing for a gas war in a panic. URL: <https://news.rambler.ru/ukraine/42730818-ekspert-po-energetike-konstantin-simonov-evropa-v-panike-gotovitsya-k-gazovoy-voyne>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Андреевна Литвиненко — студентка 4-го курса бакалавриата факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
k.litvinenko97@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Litvinenko — 4th-year bachelor course student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
k.litvinenko97@mail.ru

Статья поступила 15.01.2020; принята к публикации 15.02.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.01.2020; accepted for publication on 15.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Мировая политика на стыке политологии, политической психологии и технологических вызовов информационной эпохи

(рецензия на монографию Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.»; 2019. 652 с. Серия «Мир в сетях идеологии»).

World Politics at the Intersection of Political Science, Political Psychology, and Technological Challenges of the Information Age

(Review of the Monograph by V. Sh. Surguladze “World Politics in the Mirror of Modern Political Analysis: Political Processes, Identity Politics, Strategy and Technologies”. М.: Analytical group “S. T. K.”; 2019. 652 p. Series “World in the networks of ideology”).

Ускорение научно-технического прогресса, рост глобальной социально-экономической напряженности и недоверия к сложившимся социальным и политическим институтам на фоне беспрецедентного развития современных методик манипулирования массовым сознанием повышают объективное практическое значение гуманитарных и общественных наук для выработки адекватных политических решений. В то же время наблюдается глобальный кризис ценностных ориентаций, универсальных идеологий, которые вытесняются локальными идеологическими течениями, и подчас характеризуются радикализацией политического мышления¹.

Развитие цифровых сетевых технологий и разнообразных практически апробированных теоретических моделей «мягкого» манипулирования общественным мнением ставят на повестку дня любого государства необходимость обеспечения собственных национальных интересов всеми возможными современными методами защиты своего суверенитета в военно-политической, экономической, гуманитарной и в широко понимаемой информационной сфере².

Обеспечение комплексно понимаемой целостной системы национальной безопасности государ-

ства³ невозможно без соответствующей информационно-аналитической и научно-методологической работы, направленной на постоянный мониторинг и оценку происходящих в мире процессов, выявление и, по возможности, прогнозирование стратегических тенденций социально-экономической и политической эволюции мира.

В данной связи актуальными и востребованными становятся работы, сочетающие в себе междисциплинарность подходов и попытки концептуального, комплексного осмысления текущих глобальных трендов.

Аналитической группой «С.Т.К.» в серии «Мир в сетях идеологии»⁴ издана монография российского

¹ Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council, 2012. P. 4, 13, 15; Global Trends to 2035: Geo-politics and International Power. Brussels: European Parliamentary Research Service, Global Trends Unit, September 2017. P. 65, 77–78.

² Най С.Д. Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ; 2014. 448 с.

³ Официальная точка зрения Российского государства по данному вопросу представлена документами государственного стратегического планирования. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/; Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 5.12.2016 № 646. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/; Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации. 25.12.2014 г. № Пр-2976. URL: <https://base.garant.ru/70830556/>.

⁴ См. также другую работу автора, вышедшую в этой же серии: Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика. Н.А. Фролова, ред. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 400 с.; Шатилов А.Б. Элитологический аспект политики идентичности (Рецензия на монографию

политолога В.Ш. Сургуладзе «Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии», в которой анализируются современные политические концепции, с точки зрения их адекватности, для обеспечения национальных интересов и государственного суверенитета России.

Работа В.Ш. Сургуладзе состоит из шести разделов, которые можно условно разделить на «практические» и «концептуально-теоретические». При этом важно указать на то, что затрагиваемые в этих разделах темы пересекаются и дополняют друг друга. К концептуально-теоретическим частям уместно отнести часть I под названием «Детерминанты и логика имперского политического мышления и практики»⁵ и часть III «Геополитические детерминанты международных отношений»⁶. К практическим разделам в большей степени относятся части II «Закономерности политической психологии и технологии управления массовым сознанием и политическим процессом»⁷, IV «Американский консерватизм и проблемы кризиса мультикультурализма»⁸, V «Киберсреда и информационная безопасность: социально-экономические, социокультурные и политические последствия развития информационных технологий»⁹ и VI «Фактор политического лидерства»¹⁰.

В условиях интенсификации глобального информационного противоборства, агрессивных инфор-

мационных войн наибольший интерес по-видимому представляют разделы монографии, посвященные современным сетевым технологиям и практикам управления массовым поведением при одновременном внимании автора к имеющимся историческим параллелям. Так, например, анализируя достаточно широко известную концепцию «Новых войн» Мэри Калдор¹¹, В.Ш. Сургуладзе справедливо обнаруживает несколько упрощенный и тенденциозный подход американской исследовательницы к пониманию войн низкой интенсивности, указывая на тот факт, что выделяемые ею признаки современных войн имели место и в прошлом, преимущественно в исторический период до образования современных национальных государств с массовыми армиями, в период, когда международные противоречия решались силами наемных армий и разнообразных вооруженных формирований типа корсаров-каперов-приватиров¹². На этом основании российский политолог делает вывод о том, что действительно новым в «новых», по терминологии М. Калдор, войнах являются современные технические возможности, а также глубина и широта их применения, т.е. прежде всего — качественное изменение процессов, а не их суть. Равным образом В.Ш. Сургуладзе обоснованно отмечает характерные признаки современной нам прекариатизации у известных по русской классической литературе, а также биографиям российских революционеров представителей разночинной интеллигенции и так называемых свободных профессий в Европе. Данное указание автора может быть практически полезно, так как позволяет проанализировать текущие процессы социально-политической действительности не как совершенно новые и уникальные явления, а как уже знакомые, хотя и видоизменившиеся в соответствии с современными условиями модели группового поведения. Указанная авторская тенденция иллюстрировать современные явления социально-экономической и политической жизни общества историческими аналогиями позволяет под другим углом зрения посмотреть на текущие проблемы, творчески переосмыслить возможные решения и сложившиеся на текущий момент подходы.

Отличительной особенностью монографии В.Ш. Сургуладзе является внимание автора к вза-

Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика). Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019;5(41):129–132.

⁵ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.»; 2019. С. 26–110.

⁶ Там же. С. 234–356.

⁷ Там же. С. 111–233.

⁸ Там же. С. 357–416. См. также: Медведева О.О. Американский мультикультурализм: интеллектуальная история и социально-политический контекст. М.: ИД РАНХиГС «Дело»; 2016. 448 с.; Тэйлор Дж. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке. М.: Икс-Истори; Кучково поле; 2014. 496 с.; Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ; 2016. 640 с.; Бьюкенен П. Секреты глобального путинизма. М.: Алгоритм, 2015. 224 с.

⁹ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 417–550. См. также: Кин Э. Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М.: Альпина Паблишер; 2016. 224 с.; Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. М.: Альпина нон-фикшн; 2016. 390 с.

¹⁰ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 551–647.

¹¹ Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара; 2015. 416 с.

¹² Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 137–152.

имосвязи политических процессов с общими трансформациями экономической жизни. Фокусирование анализа на взаимообусловленности экономических и политических процессов придает работе особую глубину и наглядность восприятия глобальных тенденций развития. Так, например, в поле зрения автора находятся не только современные инструменты манипуляции массовым сознанием как таковые, но и социально-экономические условия, трансформации методов извлечения прибыли в условиях повсеместной «финансализации» экономической жизни, изменения в социальной структуре и занятости населения, задающие рамки этих манипуляций, формирующие возникновение субъективных условий для объективных политических действий. Прежде всего в данном контексте представляют интерес части монографии В.Ш. Сургуладзе, затрагивающие проблематику изменений коллективной психологии в условиях деиндустриализации и усугубления социального неравенства развитых стран¹³, в которых просматриваются взаимосвязи между развитием современной сетевой экономики и демографическими и психологическими последствиями, среди которых автором выделяются кризис социальной идентичности, статусная фрустрация и утрата ценных для общества навыков социальной самоорганизации¹⁴. В этом же контексте В.Ш. Сургуладзе рассматриваются особенности дестабилизации устоявшихся политических режимов «мягкими»¹⁵ и иными средствами сетевых революций¹⁶ и современными методами творческого переосмысления и развития традиционных теорий социально-политических переворотов¹⁷.

Констатируя тревожные тенденции утраты современными развитыми обществами траектории развития индустриальной эпохи, на институтах которой основывались сложившиеся представления

о стандартах социально-экономического благополучия и эталонные модели послевоенного общества всеобщего благосостояния, автор приводит обзор современных попыток западных ученых, направленных на прогнозирование тенденций социально-экономического развития в будущем, и приходит к неутешительным выводам о том, что, судя по всему, дальнейшее развитие научно-технического прогресса чревато усугублением уже сейчас очевидного нарастания темпов социально-экономического неравенства. Что не может не сказаться на политической сфере жизни общества и будет проявляться в росте социальной напряженности, усилении радикальных идеологий и угрозе кластеризации по имущественному принципу, которые повлекут за собой общее ухудшение социального благополучия и социальной безопасности¹⁸. Политическим же катаклизмам будущего может способствовать и уже общепризнанная тенденция глобальной урбанизации, образование мегаполисов с населением в десятки миллионов жителей, что не может не повлечь за собой рост социально-политической напряженности. К сожалению, столь нерадушные ожидания и прогнозы имеют под собой основания, поскольку текущий этап всемирно-исторического развития, несмотря на наличие очевидных и научно доказанных общих угроз всему человечеству, в политической плоскости не находит адекватных ответов, не приводит к заметным и эффективным скоординированным усилиям, направленным на решение общих задач. Напротив, складывается впечатление, что XXI в. стоит на пороге нового повторения разнообразных, уже известных истории сценариев роста изоляционизма и глобального разделения на противоборствующие блоки.

В концептуально-теоретической части работа В.Ш. Сургуладзе заслуживает внимания, поскольку переводит отдельные, уже ставшие классическими подходы, к анализу международных отношений и внешней политики в плоскость современных реалий. Особую важность эта особенность приобретает в связи с закономерно большим вниманием, уделяемым автором внешнеполитической теории и практике Соединенных Штатов.

Автор анализирует внешнюю политику США в качестве уходящего глобального гегемона однопо-

¹³ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 430–447.

¹⁴ Там же. С. 448–462. См. также: Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. М.: Альпина Паблишер; 2017. 343 с.; Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; 2014. 328 с.

¹⁵ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 123–152.

¹⁶ Там же. С. 175–222. См. также: Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Лениздат; Команда А; 2012. 352 с.; Наср В. Необязательная страна. М.: АСТ; 2015. 448 с.; Клинтон Х.Р. Тяжёлые времена. М.: Эксмо; 736 с.

¹⁷ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 153–174. См. также: Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение. М.: Издательство Института Гайдара; 2015. 192 с.; Хоффер Э. Человек убеждённый: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер; 2017. 200 с.

¹⁸ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 510–543. См. также: Болдуин Р. Великая конвергенция: Информационные технологии и новая глобализация. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2018. 416 с.; Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2018. 320 с.

лярного мира¹⁹, поскольку именно эта страна после дезинтеграции СССР и исчезновения с политической карты мира социалистического блока как альтернативного глобального полюса идеологического влияния стала центром проецирования односторонних либеральных доктрин и перекройки мирового порядка по собственному шаблону, выразившейся не только в череде односторонних вооруженных вторжений, нарушающих международное право и суверенитет государств, но и в разнообразных формах гибридной агрессии, опирающейся на все доступные Соединенным Штатам инструменты силы, представленные широчайшим спектром возможностей «мягкого» и «умного» влияния при помощи беспрецедентной сети формально негосударственных некоммерческих организаций, частных, однако тесно связанных и поддерживаемых американским правительством транснациональных корпораций, влиянием американской массовой культуры²⁰ и технологических гигантов типа Google и Facebook²¹.

В современных условиях обострения информационного противоборства и направленной на Российскую Федерацию информационной агрессии важным представляется мониторинг широко тиражируемых и навязываемых окружающему миру англосаксонских геополитических концепций и представлений о должном миропорядке²². В сложившихся обстоятельствах предпринятый В.Ш. Сургуладзе внимательный научный анализ этих геополитических концепций обретает не толь-

ко собственно научное значение, но и практическую важность в качестве инструмента в информационной борьбе, аргументации, направленной на развенчание веками формировавшихся коллективным Западом мифов и укоренившихся предрассудков о России, а также вскрытия реальных геополитически и экономически обусловленных причин, по которым страны коллективного Запада пытаются навязывать остальному миру собственную картину мирового порядка, основанного на мнимо универсальных западных ценностях. Примечательно при этом, что на деньги западных фондов концептуальные разработки англо-саксонских либеральных идеологов исследуются и формально российскими политологами, в силу чего их идейно-политическое влияние на российскую аудиторию обретает характер кажущейся непредвзятости и объективности²³.

На впечатляющем фоне предпринятого автором политологического анализа современных концепций преимущественно западноцентричного мирового порядка особый интерес представляют приводимые В.Ш. Сургуладзе примеры восприятия России отдельными западными исследователями в качестве находящегося в процессе становления центра глобальной идеологической альтернативы западному либеральному диктату разнообразных «меньшинств», заключающиеся в поддержании традиционных ценностных ориентаций и моделей социально-политического поведения и жизни²⁴. В данной связи важно отметить, что вес аргументации и подходу автора к анализу современного политического процесса придает тот факт, что В.Ш. Сургуладзе не ограничивается анализом концепций условно дружественных России западных политических мыслителей вроде Патрика Бьюкенена или Джаред Тэйлора, а, напротив, преимущественно концентрирует внимание на представителях условно нейтральных и объективных научных направлений, а иногда и прямо известных враждебностью к России политологов вроде Збигнева Бжезинского. Здесь примечательны выявленные автором примеры именно предвзятых, по сути, ненаучных оценок российской внешней политики и ее мотивов, которые подчас проскальзывают даже у таких претен-

¹⁹ Пляйс Я.А. На пути к новой биполярности. Глобальные геопроекты и Россия. М.: Международные отношения; 2019. С. 12–43.

²⁰ Сургуладзе В.Ш. Глобальные бренды как проводники и носители «мягкой» силы. *Проблемы национальной стратегии*. 2015;3(30):163–188.

²¹ Сургуладзе В.Ш. Пятый театр военных действий и военно-сетевой комплекс США: уроки для России. *Международная жизнь. Специальный выпуск*. Россия и информационная безопасность. 2017;(13):173–176.

²² Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 73–86, 234–345. См. также: Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ; 2015. 288 с.; Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ; 2018. 896 с.; Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ; 2015. 512 с.; Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ; 2015. 635 с.; Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. М.: Алгоритм; 2014. 208 с.; Стент А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2015. 464 с.; Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер; 2016. 400 с.; Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер; 2014. 504 с.

²³ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 346–356. См. также: Павловский Г. Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод Г.Ф. Kennan. М.: Европа; 2015. 180 с.

²⁴ Там же. С. 357–389 и др. См. также: Тэйлор Дж. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке. М.: Икс-Истори; Кучково поле; 2014. 496 с.; Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ; 2016. 640 с.; Бьюкенен П. Секреты глобального путинизма. М.: Алгоритм; 2015. 224 с.

дующих на объективность «мастодонтов» внешней политики как Генри Киссинджер и у других, вполне и преимущественно чисто академических авторов, к которым, например, можно отнести разработчиков эмансипационной теории демократии — Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля²⁵, в силу ряда причин²⁶ не доводящих результаты собственных исследований до «неполиткорректного» по западным либеральным меркам, но логического конца²⁷.

Стилю политологического мышления В.Ш. Сургуладзе свойственно большое внимание к идеологическим, мотивационным, психологическим аспектам политического поведения. Именно с этих позиций автор исследует особенности важных для современной политической истории процессов транзита власти и социально-экономической и политической модернизации общества.

Элитологическим аспектам государственной политики в биографическом ракурсе посвящена заключительная часть²⁸ монографии, среди основных вопросов которой рассматриваются идейно-политические мотивы, реформы и деятельность таких непохожих друг на друга, но харизматичных лидеров новейшей истории как Махатма Ганди²⁹, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин³⁰, Ли Куан Ю³¹, Владимир

Путин³². В этом же разделе политолог останавливается и на рассмотрении идеологических мотивов хрестоматийных авторитарных лидеров середины XX столетия³³.

Важным для оценки текущего состояния обеспечения информационной безопасности Российской Федерации представляется принятый автором обзор подходов российских властей к идеологической повестке дня, формулированию основных направлений поддержания общегосударственного национального самосознания и ценностного суверенитета через призму сравнительного анализа официальных заявлений, речей и посланий Президента России последних двадцати лет³⁴.

Благодаря широкому охвату современных научных источников, находящихся на стыке политологии, политической психологии и выявления актуальных тенденций социально-политического развития в его связи с экономико-производственными и технологическими трансформациями, монография В.Ш. Сургуладзе может представлять методологический и прогностический интерес, поскольку, не претендуя на утверждение каких-либо заданных контуров будущего мирового порядка, все же выявляет ряд наблюдаемых современными гуманитарными и общественными науками тенденций развития, которые дают обильную пищу для размышлений и потенциально плодотворный материал для научного переосмысления и моделирования социально-политических долгосрочных прогнозов.

Синтез теории и практики делает монографию В.Ш. Сургуладзе «Мировая политика в зеркале современного политологического анализа» интересным исследованием не только для политологов-теоретиков, но и практиков, политтехнологов, политических консультантов, специалистов в области GR и связей с общественностью.

Александр Борисович Шатилов,

декан факультета социологии и политологии

²⁵ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 111–122. См. также: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011. 464 с.; Сургуладзе В.Ш. Опыт применения современных западных методик сравнительного кросс-культурного анализа двусторонних межгосударственных отношений (на примере России и Польши). *Проблемы национальной стратегии*. 2018;2(47):172–196.

²⁶ Прежде всего по причине неприемлемости для идеологизированного западного общественного мнения «неполиткорректных» научных выводов о мнимой универсальности «западных ценностей» их социально-экономической обусловленности конкретными обстоятельствами времени и места совершенно определенных обществ.

²⁷ Сургуладзе В.Ш. Запад и «другие»: социально-экономическая база формирования ценностной и культурно-политической идентичности (к вопросу об эмансипационной теории демократии Р. Инглхарта и К. Вельцеля). *Власть*. 2017;(3):132–136.

²⁸ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 551–647.

²⁹ Там же. С. 551–562. См. также: Жордис К. Махатма Ганди. М.: Молодая гвардия; Полимпсест; 2013. 327 с.

³⁰ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 583–593. См. также: Панцов А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия; 2013. 558 с.

³¹ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 594–603. См. также: Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000 гг.: из третьего мира — в первый. 2-е изд. М.: МГИМО-Университет; 2010. 657 с.

³² Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 604–629. См. также: Путин В.В. Прямая речь. В 4 т. М.: Звонница-МГ; Новый Ключ; 2016–2017. Т. 1–4.

³³ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 563–582. См., например: Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: Алгоритм; 2014. 352 с.; Хаманн Б. Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности. М.: Маргинем Пресс; 2016. 568 с.

³⁴ Сургуладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа. С. 604–629.